

Е. И. КРУПНОВ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИНГУШЕТИЯ

Тод редакцией

н. марковина п Р. м. мунчаева

ПАМЯТИ АВТОРА

К глубочайшему сожалению, приходится предпослать настоящей монографии некролог, посвященный ее автору — Евгению Игнатьевичу Крупнову — выдающемуся советскому археологу и кавказоведу. Жизнь Е. И. Крупнова оборвалась в самом расцвете творческих сил. Он скончался скоропостижно 29 сентября 1970 г., как раз в тот самый момент, когда в издательстве «Наука» завершалось редактирование его большого и оригипального труда «Средневековая Ингушетия».

Своей активной и многогранной деятельностью Е. И. Крупнов вписал яркие страницы в историю развития советской археологической науки и кавказоведения. Его выдающийся научный труд «Древняя история Советского Кавказа», удостоенный Ленинской премии, вошел в золотой

фонд нашой исторической науки.

Е. И. Крупнов родился 16 марта 1904 г. на Северном Кавказе в г. Моздоке — в семье служащего. Здесь, па берегу Терека прошло его детство и началась трудовая жизнь. В 1924 г. Е. И. Крупнов поступил на этнологическое отделение Северокавказского педагогического института в г. Владикавказе (ныне г. Орджоникидзе). Через три года, в 1927 г. он перевелси оттуда на исторический факультет Московского государственного университета, где под руководством крупнейшего археолога В. А. Городцова, ставшего его учителем, занялся изучением истории и археологии Кавказа. После окончания университета, в 1930 г. Евгений Игнатьевич направляется на научную работу в Государственный Исторический музей. Он, как и многие другие видные советские археологи, прошел школу этого крупнейшего музея нашей страны, проработав здесь более 20 лет. Е. И. Крупнов был организатором и руководителем археологических экспедиций ГИМ па Кавказ, и в частности в Ингушетию. В ГИМ им были созданы и папечатаны первые научные труды, посвященные, кстати, превней и средневековой Ингушетии.

Но большая часть творческой жизни Е. И. Крупнова связана с Институтом археологии АН СССР, где он начал работать в 1937 г. С тех пор, не считая 1941—1945 гг., когда Е. И. Крупнов служил солдатом в рядах Советской Армии, до конца своей жизни оп оставался сотрудником Института археологии АН СССР. Оп работал здесь младшим, а затем старшим научным сотрудником, в течение десяти лет — с 1951 по 1960 г.— являлся т

заместителем директора института, а последние восемь лет он возглавлял ведущий отдел института — сектор неолита и броизы. В степах этого института Е. И. Крупнов вырос в крупнейшего советского кавказоведа и стал блестящим организатором археологической пауки. Здесь развернулась его активная общественная деятельность и он создал свою школу, подготовив большой отряд квалифицированных специалистов по археологии,

древней и средневековой истории Кавказа. Научные интересы Е. И. Крупнова определились в конце 20-х годов. когда он начал участвовать в историко-этнографических экспедициях Ингушского научно-исследовательского института под руководством известного кавказоведа проф. Л. П. Семепова, светлой намяти которого, кстати. ов и посвятил данный труд. С 1935 г. экспедиции в Нигуметию и другие области Северного Кавказа возглавил сам Е. И. Крупнов. Он исследовал в Ингушетии значительную группу намятциков материальной культуры, начиная с предскифского времени до поздлего средневековыя. Эти намятинки получили детальное освещение в большой серии работ Е. И. Круинова и легли в основу его монографии «История Ингушетии с древнейших времен до XVIII в.» Это исследование, занищенное им в 1941 г. в качестве кандидатской диссертации, представляет собой первую в пауке сводную работу по истории пигущей. Как раз составной частью ее, разумеется значительно распиренной п обогащенной повейшими данными, является настоящая книга о средневековой Ингушетии. В предисловии к ней Е. И. Круппов подробно и ваволнованно рассказал о своих полевых исследованиях в Ингушетии и об истории создания своего труда.

Следует отметить, что в 30-х и 40-х годах Е. И. Крупнов опубликовал серию интересных и оригинальных работ, в которых проследил этапы древней истории ингушского парода. Настоящая же работа является как

бы их закономерным продолжением и завершением.

Научия деятельность Е. И. Крупнова не ограничивалась изучением археологии и истории Ингушетии. В сфере его постоянных паучных интересов находились также Закавказье, Дагестан и другие области Северного Кавказа.

Уже в середине 30-х годов оп начинает широкие археологические исследования в Северной Осетин, увенчавшиеся замечательными открытиями. Достаточно сказать, что им был добыт эдесь огромный новый материал, ологе описоти вителерия вы компориту обществи и при отого края, но и убедительно доказать местные истоки кобанской культуры. Эта прославленная культура древних народов Северного Кавказа уже тогда привлекла пристальное внимание Евгения Игнатьевича, и в дальнейшем он посвятил около 30 лет своей жизни ее глубокому и всестороннему изучению. С его именем связаны исследования ряда широко известных импе памятников этой культуры в Северной Осетии. Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Итогом многолетиих и систематических работ по изучению кобанской культуры явился фундаментальный труд Е. И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа», опубликованный в 1960 г. и успешно защищенный им на сопскание ученой степени доктора исторических наук. В этом труде дана картина культурноисторического и социально-экономического развития пародов Северного

Кавказа в конце II—І тысячелетин до н. э. как часть общей истории Кавказа и всей Юго-Восточной Европы. Е. И. Крупнов в дапной монографии разработал и ряд существенных вопросов, касающихся этногенеза северокавказских народов, древней истории и археологии Кавказа в целом, киммерийско-скифской проблемы и др. Работа Е. И. Крупнова стала настольной книгой для всех, кто интересуется древней историей нашей Родины. Она была удостоена в 1963 г. Ленинской премии.

Перу Е. И. Крупнова принадлежит около 200 научных работ. Они посвящены общим и частным вопросам археологии, древней и средневековой истории и культуры как отдельных областей Предкавказья, так и Кавказа в целом. Перечислить здесь даже часть из них не представляется возможным. Да в этом и нет большой необходимости, так как они все хорошо известны археологам и кавказоведам. Некоторые же из этих трудов мы тем не менее отметим, для того чтобы показать широту научных интересов Е. И. Крупнова и хотя бы в общих чертах тот огромный вклад в изучение истории и археологии Кавказа, который он внес.

В 4940 г. была опубликована работа Е. И. Крупнова «Каякентский могильник — намятник древней Албавии». В вей Е. И. Крупнов убедительно доказая, что этот могильник, раскопанный в Дагестане еще в конце XIX в. и до него совершение неизученный, характеризует культуру населения Северо-Восточного Кавказа эпохи поздней броизы. Именно с тех порота культура стала называться в пауке каякентско-хорочоевской. Кстати, здесь же можно указать на то, что трудами Е. И. Крупнова были открыты и другие новые страницы древней истории Дагестана. В частности, в 1948 г. им были начаты там раскопки Таркинского могильника, доказавине впервые факт пропикновения столь далеко на юг — в Прикаспийский Дагестан — сарматских илемен. Это открытие явилось новой страницей и историко-археологическом изучении Кавказа.

Результатом инроких полевых исследований, проведенных им в Кабардино-Балкарии в 1946—1949 гг., явилась значительная серия научных работ, опубликованных как в Москве, так и в Нальчике, в том числе круппая монография «Древияя история и культура Кабарды» и соответствующие разделы «Истории Кабардино-Балкарской АССР».

Оп проводил полевые работы не только в горпых и предгорных районах Северного Кавказа. Ему принадлежит исключительнам заслуга в археологическом изучении (1946—1948, 1952, 1956 гг.) общирной и пыне полупустынной территории Северо-Западного Прикасиия. Именно благодаря его трудам удалось воссоздать общую картину развития Северо-Западного Прикасиия с древисйших времен до средневековья. Установив причины, приведине к запустению этого интересного края, Е. И. Крупнов поставил большой важности вопрос об экономическом возрождении районов Северо-Западного Прикасиия и превращении их в цветущий очаг современного сельского хозяйства.

Кроме того, именно на материалах, полученных в этих районах, Е. И. Круннов впервые в вауке шпроко осветил вопросы взаимосвязей Предкавказья с культурами Северпого Причерноморья и Поволжья в эпоху броизы и последующие периоды исторического развития. А на материалах раскопанных им средневековых памятников Северной Осетии (на Змейском катакомбном могильнике и Верхнеджулатском городище) в 1957—1962 гг. им в широком аспекте была разработана проблема связей Северного Кавказа с Древней Русью. Опубликована, в частности, специальная работа, в которой ему удалось убедительно доказать, что уноминаемый в древперусских летописях «славный ясский город Дедяков» следует отождеств-

лять с городищем Верхний Джулат. Начиная с 1957 г. Е. И. Круннов сосредоточил основные свои полевые работы в Чечено-Ингушетии, в особенности на территории собственно Чечни, которая являлась белым пятном на археологической карте Кавказа. Созданная им объединенная Северокавказская экспедиция проведа значительные по масштабам исследования в плоскостных, предгорных и высокогорных районах Чечни и выявила здесь намятники всех исторических эпох, от палеолита до средневековья. В результате этот край стал одним из наиболее исследованных в археологических областях Кавказа. и тем самым в настоящее время уже появилась возможность создать историю Чечено-Ингушетии с древнейших времен. Кстати, Е. И. Круннов является одним из авторов первых «Очерков по истории Чечено-Ингушетии», опубликованных в г. Грозном в 1966 г. Он же является автором и большого числа специальных работ по археологии Чечни, ряд из которых посвящен раскопанным под его непосредственным руководством Сержень-Юртовским поселениям (1 и 11), относящимся к эпохе ранней бронзы и кобанской культуре.

Е. И. Крупнов обращался всегда к исследованию нерешенных и кардинальных проблем истории и археологии Кавказа, таких, как, папример, вопросы этногенеза кавказских народов. Всем кавказоведам хорошо известны труды Е. И. Крупнова, посвященные проблеме происхождения

осетинского народа.

Особо следует отметить, что па основании новейших данных, полученных в результате расконок памятников III тысячелетия до и. э. в Закавказье и на Северном Кавказе, Е. И. Крупнов внервые в науке поставил вопрос о древнейшей кавказской этинческой общности. Выполненная им работа по данной проблеме опубликована в трудах XXVI Международного конгресса востоковедов, состоявшегося в 1964 г. в Дели, и в журнале «Советская археология» (№ 1, 1964 г.) и пользуется сейчас широкой известностью.

Е. И. Крупнова постоянно интересовали вопросы, касающиеся связей Кавказа с Древним Востоком. В частности, за свою работу «О древних связях юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока», опубликованную в «Вестнике истории мировой культуры» (№ 1, 1958 г.), он был награжден в 1964 г. премией крупнейшего арабского (ливанского) поэта

и общественного деятеля Санда Акля.

Е. И. Крупнова интересовали не только основные разделы археологии, древней и средневековой истории и культуры Кавказа, он занимался также изучением фольклора и декоративного искусства северокавказских народов и выступал со статьями, посвященными общим вопросам развития советской археологии. Последние два года Евгений Игнатьевич много внимания уделял работе над многотомным капитальным изданием «Архео-

логия СССР». Будучи редактором тома «Броизовый век на территории СССР», он не только написал для него большую главу о культурах Кавказа начала I тысячелетия до и. э., но успел отредактировать весь сборник и буквально за несколько дней до смерти закончил обширное предясловие

к нему.

Наряду с огромной научной и научно-организационной деятельностью Е. И. Крупнов проводил исключительно большую работу по подготовке научных кадров. Достаточно сказать, что ин один из ученых-кавказоведов не имел и не имеет стольких учеников, сколько Е. И. Крупнов. Большой отряд ого учеников сейчас успешно трудится как в Москве, так и во многих научных цептрах союзных и автономных республик Кавказа. Несомненно, что, создав свою школу в археологии, он тем самым внес неоценимый вклад в развитие советского кавказоведения.

Е. И. Крупнов выезжал в научные командировки в ряд зарубежных стран — Ливан, Сприю, Турцию, Ирак, Индию и Югославию, где достойно

представлял советскую цауку.

Вся жизил Е. И. Круппова — этого кристально честного, принципиального и обаятельного человска — служит ярким примером беззаветного

служения науке и выполнения высокого гражданского долга.

Почти 20 лет Е. И. Круппов состоял членом КПСС. Как истинный коммунист, всегда строгий и требовательный к себе, он постоянно выполнял большую общественную работу. Он много лет работал членом месткома ГИМ, неоднократно избирался в состав партбюро Института археологии АН СССР, был депутатом райсовета г. Москвы, в течение нескольких лет являлся заместителем Председателя экспертной комиссии ВАК по историческим наукам и научим консультантом «Большой советской энциклопедии». Особенно следует отметить огромпую работу, которую проводил Е. И. Крупнов по спасецию историко-археологических памятников нашей страны, активно сотрудничая во Всесоюзном обществе по охране памятников истории и культуры.

Многогранная научная и общественная деятельность Е. И. Крупнова была отмечена орденом Трудового Красного Знамени и медалями Советского Союза, а также почетными грамотами Верховных Советов автономных республик Северного Кавказа. Ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Чечено-Ингушской АССР и Кабардино-

Балкарской АССР.

Ученый и граждании, педагог и общественный деятель Е. И. Крупнов был большим патриотом своей Родицы и вместе с тем подлинным интернационалистом. Всю свою яркую жизнь он отдал изучению истории и культуры народов Кавказа, к которым всегда проявлял глубокое уважение и искрениюю любовь. Е. И. Крупнов увековечил свое доброе имя, создав свою школу и многочисленные труды по истории кавказских народов, среди которых, в частности, особое место занимает его монографическое исследование «Средневековая Ингуметия». К сожалению, автор не сумел принять участия в работе над текстом в нроцессе редактирования его в издательстве. При оформлении рукописи к печати сохранен авторский текст, в пего внесены лишь незначительные редакционные исправления.

Порогой для меня памяти профессора Л. П. Семенова посеящается эта книга

От автора

Предлагаемая вниманию читателей монография по существу представляет собой первый обобщающий опыт освещения средневековой истории, хозяйства, общественного строя и духовной культуры небольшой ингушской народности, составляющей несьма значимую часть самого крупного на Северном Кавказе этинческого массива, известного под названием чечено-ингушского, или вайнахского, народа. Чеченцев и пигушей, по данным переписи 1970 г., на территории СССР насчитывалось 771 тысяча, в том числе ингушей 158 тысяч.

Публикацией этой работы я выполняю, правда с большим опозданием, свой долг перед кавказоведением и в первую очередь перед ингушским народом. Историей и культурой этого народа я заинтересовался еще будучи студентом МГУ и участвуя в 1928—1930 гг. в археолого-этнографи-

ческих экспедициях, возглавляемых проф. Л. П. Семеновым.

В 30-х годах нашего столетия территория Чечено-Ингушетии, особенно Чечии, была еще белым пятном на археологической карте Кавказа. Имеющаяся к тому времени преимущественно краеведческая литература далеко не полно, а иногда и противоречиво освещала историю и культуру корепного населения края — чеченцев и ингушей. Да и в методологическом отношении большинство исследований было несовершенным.

Выбор темы по истории Ингушетии определялся желанием подвергнуть разработке и дать посильное освещение всех основных вопросов средненековой ингушской истории с максимальным привлечением намятников

материальной культуры в качестве исторических источников.

Известна перавномерность исторического развития многонационального Кавказа, объясияемая чисто историческими причинами, в силу чего одни народы этого края давно уже образовали классовые общества и государственность, а другие оказались только на пороге этого. Но своеобразием истории и культуры отличаются все народы, как большие, так и малые. Поэтому все они в равной степени должны вызывать интерес исследователя. Это понимали передовые прогрессивные люди и дореволюционного периода.

Вот, например, что с упреком русскому обществу и с сожалением говорилось в редакционной статье первого номера газеты «Кавказ», основанной в Тифлисе в 1846 г.: «...у нас в России больше интересуются и знают

зарубежные страны, чем свое отечество». Эта статья призывала «изучать окранны России». Известно, инсала газета, что Кавказ населяют «грузины, татары, армяне, гурийцы, осетины, лезгины, персиане, имеретины, тушины и многочисленные племена гор, и каждое из этих поколений имеет свой особый тип, свою физиономию, и физическую и правственную.

Каждый говорит, думает, чувствует и поцимает по-своему... Вникните в жизнь каждого из этих илемен, разоблачите условия существования

отдельных лиц — и Вас вознаградит за все высокий интерес!

В частной жизни грузина, татарина и кабардинца Вы найдете столько же содержания, сколько в жизни мастерового французской провинции или в жизни германского бурша, найдете, может быть, интерес еще больший; будете свидетелями драм жизни высоких, занимательных и патетических!»

Не увлекаясь натетической стороной дела, должен сказать, что я лично получил огромное удовлетворение, занимаясь научной разработкой вопросов, связанных с восстановлением средневекового хозяйства, истории поригинальной культуры пебольного самобытного ингушского народа.

Этому и посвящена данная работа.

В основе монографии кроме разнообразных данных, почерпнутых из обширной кавказоведческой литературы, лежат как ценные археолого-этнографические материалы, уже опубликованные Л. П. Семеновым, так и мои собственные наблюдения и разыскания по истории и культуре всего вайнахского народа (ингушей и чеченцев). Эти наблюдения получены мною за время многолетних работ объединенной Северокавказской археологической экспедиции (СКАЭ) Института археологии Академии наук СССР, Государственного Исторического музея, Чечено-Ипгушского паучно-исследовательского пиститута истории, языка и литературы и республиканского Музея краеведения в Грозном, проведенных в различных районах Чечено-Ингушской АССР с 1935 по 1940 г. и с 1946 по 1967 г. включительно.

Узкой полосой в 111 км простирается Ингушетия с севера на юг в центральной части Северного Кавказа. На севере она граничит с Кабардино-Балкарской АССР, на юге Кавказский хребет отделяет ее от Грузинской ССР, на западе Ингушетия соприкасается по р. Тереку с Северо-Осетинской АССР, наконец, с востока по р. Фортанге к ней примыкают районы, населенные чеченцами. Вся земельная площадь, занимаемая ингушами, ненамного превышает 3000 кв. км (рис. 1).

Вполне допустимо предположить, что у отдельных читателей может возникнуть сомнение в целесообразности скрупулезного изучения только части единого и большого этноса, а не всего народа в целом. Не узкая ли это тема для самостоятельного исследования? Предвидя эти вопросы, сразу

отвечу категорическим — нет! И вот почему.

Во-первых, сама логика научной работы давно подтвердила правильность методического приема — вести любое исследование начиная от частного и переходя к общему. Во-вторых, известный опыт исторических обобщений по истории больших регионов или этнических групп и народов давно доказал целесообразность именно такого подхода. В-третьих, Чечня до последнего времени была совершенно не изучена в историко-археологи-

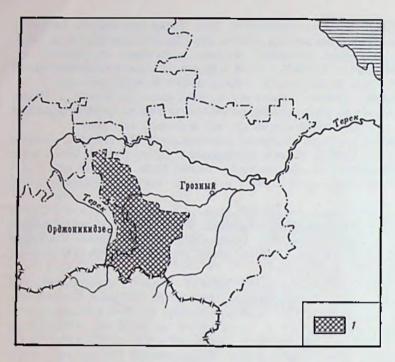

Рис. 1 Карта Чечепо-Ипгушской АССР (1) территория, заселенияя пигушами

ческом отпошении. И наконец, для истории любого народа (даже при относительно малом числе исторических источников) весьма важна задача

изучения отдельной территории и ее населения.

Вспомним опыт исследования истории восточного славянства. Только после монографического изучения отдельных средневековых племенных групп: вятичей, кривичей, дреговичей, радимичей, полян, северян и других восточнославянских племен — были установлены конкретные истоки и прослежен процесс сложения и формирования белорусского, русского и украинского народов. Такой же опыт известен из области изучения финно-угорских народов Поволжья, скажем мордвы. Так же протекало изучение народов Кавказа, например процесс сложения грузинского народа из отдельных племенных групп и народностей. В этом отношении очень показательны отдельные монографии С. И. Макалатия, посвященные хевсурам, пшавам, мтеульцам и другим народностям горной Грузии.

Вполне понятно, что ни один народ, большой или малый, в том числе и ингуши, не должен составлять исключения. Тем более что средневековые предки исторически слабо изученных ингушей, насколько известно, хотя и представляли собою отдельные племена кистов, галгаев и других со своими этнографическими чертами, тем не менее издавна были связаны

между собою единством происхождения, языка, материальной и духовной

культуры и общиостью исторической судьбы.

Разумеется, от внимания исследователя не полжна ускользать и предшествующая история самой территории, независимо от того, связана ли органически эта территория с историей изучаемого народа или нет. В обоих случаях историк должен дать позитивные ответы на эти вопросы. Именно в таком плане и была мпою задумана 30 лет тому назад работа, содержащая понытку последовательно, с глубокой превности проследить развитие исторического процесса на территории, именуемой Ингушетией. Называлась она «Очерки истории Ингулии с превнейших времен до XVIII века» 1. Эта монография объемом 12 авторских листов была завермена мною в 1940 г. ². После двойного обсуждения в бывшем Ингушском научно-исследовательском институте в г. Орижопикидзе, в стенах Института археологии АН СССР и Государственного Исторического музел в Москве она была утверждена к одубликованию отдельным томом в серии «Труды ГИМ».

Летом 1941 г. в тинографии изготавливались уже соответствующие клише. Но намеченное издание книги под редакцией проф. А. Я. Брюсова

не состоялось из-за начавшейся Великой Отечественной войны.

После окончания войны по ряду причип я пе смог издать подготовленную к нечати работу целиком. В «Археологическом сборнике» ГИМ в 1948 г. была опубликована лишь небольшая часть монографии, освещающая только древнюю и раинссредневсковую историю паселения Ингушетии з. Основная же часть, посвященная средневековой истории, непосредственно связанной с предками ингушей, осталась неизданной. В последующие годы мие пришлось заниматься разработкой других вопросов и я не имел реальной возможности целиком посвятить свое время только ингушской тематике.

Запятый другими научными вопросами, я был лишен возможности полностью отпаться разработке позлиесредневековых тем по ингушской истории, да и пового материала за истекшее время прибавилось не так много. При этих обстоятельствах я выпужден был ограничиться лишь тщательным просмотром и редактурой давно написанного текста, внесением в него ряда исправлений и дополнений, обусловленных необходимостью современного освещения изучаемых вопросов исторической наукой. Но я старался по возможности свести к минимуму все эти добавления и комментарии, чтобы особенно не увеличивать объема книги. Разумеется, был пополнен современной литературой и научный аппарат. Новой, отсутствующей в первом варианте монографии, является последняя глава, посвященная духовной культуре ингушей.

Таким образом, предлагаемая читателю работа содержит: исторический обзор, характеристику средневековой материальной культуры прямых

³ В литературе распространено двоякое название области, населенной ингушави: «Ингушстия» и «Ингушти». И хотя последнее название лингристически более правильное, в быту и в печати преобвадает первос — «Ингушстия». В дальнейшем и я буду его придерживаться.

² В 1939 г. в «Вестнике древней истории» № 2 была опубликована моя статья «К истории Ингушти», поиспецтивно ослещающая основные эталы истории этого края.

² Е. И. Крупнос. Археологические памятники верховьев р. Терска и бассейна р. Сунки. ТГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 5—55.

предков ингушей, исторические сведения об ингушских племенах; в книге освещаются также проблема происхождения ингушей, состояние их хозяйства, общественного строя и первобытная идеология ингушских племен до XVIII в.

Пусть не посетует читатель, если по некоторым вопросам оп не найдет в книге исчернывающих ответов. Современное состояние источников и степень их изученности пока не всегда позволяют приходить к категорическим заключениям. Окончательное решение многих вопросов из ингушкой истории — дело будущего, когда отдельные периоды и связанные с ними проблемы подвергнутся специальному монографическому исследованию.

Считаю себя обязанным с глубокой благодарностью отметить помощь и содействие в выполнении этой работы со стороны руководства и коллективов Института археологии АН СССР и Государственного Исторического музея, в стенах которых она выполнялась, а также основной состав Северокавказской археологической экспедиции, разделявний со мною все трудности экспедиционной работы. С особой признательностью я должен упомянуть и о помощи знатока ингушского языка и быта Н. Г. Ахриева, просмотревшего мою рукопись и сделавшего в ней ряд ценных замечаний.

С приятным чувством посильно выполненного долга я и отдаю свой труд на суд читателей.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Ингушетия составляет сравнительно небольшую часть территории современной Чечено-Ингунской АССР. Ее изучение в любом плане нераз-

рывно связано с изучением Чечии.

Первыми учеными, посотившими отдельные районы Северного Кавказа. в том числе и западило часть Чечено-Ингущетии, были академики Российской Академии наук И. А. Гюльденштедт (1770-1773 гг.) 1, П. С. Паллас (1793 и 1794 гг.) 3, Г. Ю. Клапрот (1807—1808 гг.) з и др. Все они не ставили перод собою специальных археологических целей, не производили раскопок, а занимались общим историко-этнографическим описанием быта гориев Кавказа, в том числе осетии и вигушей. Тем не менее ими были отмечены некоторые наземные скленовые сооружения и боевые башии в предгорной зоне Соверного Кавказа, в частности в долине р. Фортанги.

Первые археологические предметы, найденные в Чечено-Ингушетии в 1850 г. при земляных работах у бывш. крепости Воздвиженской на р. Аргуне и привлекине виимание ученых Н. В. Ханыкова и И. А. Бартоломея, представляли собой изделия из броизы и железа4. Изданная статья

явилась первой публикацией древностей Чечено-Ингущетип.

К сожалению, эти интересные, оригинальные укращения кобанского тина и позднее, когда уже были открыты замечательные кобанские могильинки в Северной Осетии, не были восприняты археологамы как точные сигналы о бытовании кобанской культуры и в Чечне, а не только в Северпой Осетии и Кабардино-Балкарии. Поэтому почти до самого последнего времени паже в кругах кавказоведов Чечия никогда не включалась в ареал теперь широко известной так называемой кобанской культуры позднебронзового века Центрального Кавказа.

Некоторое оживление в археологической работе в царской России паступило лишь с 1859 г. Оно было связано с созданием при императорском

^{1.} A. Gäldenstadt. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirge, Bd. I-II. St. Petersburg. 1787-1791.

2 P. S. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, Bd. f. Leipzig. 1799.

3 J. Klaproth. Reise in der Kaukasus und nach Georgienunternomhmen in den Jahren 1807 und 1808, Bd. I-II. Berlin und Halle. 1812—1814.

4 H. B. Ханкков и П. С. Сасельев. Древности, найдевные на Карказе. ЗРАО, т. IX, вмп. і. 1856, стр. 50—60.

дворе специальной археологической комиссии, которая возглавила всю собирательскую и исследовательскую работу по археологии на всей росспиской территории. Тогда же была выработана и основная установка в археологических исследованиях — сбор и изучение в первую очередь так вазываемых классических (т. е. художественных образнов античной культуры) и христианских древностей. Естественно, что при таком подходе к отысканию и изучению памятников материальной культуры основное виимание археологов привлекли классические древности из районов Северного Причерпоморья и Скифии, т. е. степпой и лесостепной Украины. И совершенно обойденными вниманием оказались районы Северного Кавказа, в частности Чечено-Ингушетия. Лишь в 1868 г. случайные находки броизовых вещей и чеченские средневсковые намятички были бегло описаны А. П. Ипполитовым 5.

Переломным моментом в развитии общего кавказоведения, особенно в историко-археологическом обследовании ряда районов Кавказского перешейка, явился У археологический съезд, состоявшийся в Тифлисе в 1881 г. Ему предшествовала хорошо организованная и успешно проведенная предварительная полевая работа почти на всем Кавказе: она была обусловлена открытием в ряде мест первоклассных древностей первобытной культуры. Раньше всего заслуживают упоминания случайные открытия в 1869 г. могильников у с. Кобан в Северной Осетии 6. ставших знаменитыми своей великоленной броизой; открытие в 1870 г. огромного древнего Самтаврского кладбища близ г. Михета 7, Вориакского могильника в Армении в 1871 г. в; обнаружение оригицального клада броизовых и железных предметов на месте древнего культового места в с. Казбеги (Казбегский клад) в 1877 г. в и другие знаменательные археологические факты.

Интересные коллекции из этих археологических объектов были эксиопированы на антропологической выставке в Москве, состоявшейся в 1878 г. в Политехническом муже. Опи привлекли внимание научной общественности своей новизной и оригинальностью и послужили стимулом для

активизации археологического обследования Кавказа.

В порядке подготовки к V археологическому съезду на Северном Кавказе была проведена серия полевых экспедиционных работ. Одной из этих экспедиций были обследованы и некоторые районы Чечено-Ингушетии и даже произведены первые научные раскопки памятинков материальной культуры.

По поручению подготовительного комитета съезда В. Б. Антонович 10 п В. Л. Беревштам 11 в 1879 г. произвели раскопки нескольких курганов

[•] А. П. Ипполитов. Этнографические очерки Аргунского округа. ССКГ, т. І. Тифлис, 1868,

^{**}A. П. Ппполитов. Этнографические очерки Аргунского округа. ССКГ, т. І. Тифлис, 1868, стр. 49.

**Мизеит Саисазісит», т. V. Тифлис, 1902; П. С. Уварова. Могильшин Северного Кавказа. МАК, вып. VIII. М., 1900.

**Ф. Бойери. Исследование древних гробнин близ д. Михета легом 1871 г. ССК, т. П. Тифлис, 1872, стр. 326—336; Г. А. Ломпативов. Археологические раскопии в Михета. Тонниси, 1955, стр. 12.

** Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 5.

** Г. Д. Филимовов. О доисторической нультуре в Осетии. «Протоколы заседания Комитета по устройству антропологической выставки Общества любителей сетествознания, антропологии и этнографию. М. 20. М., 1878.

**В. Б. Антонович. Диевник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 года. «V археологический съезд. Протоколы подготовительного комитета». Тифлис, 1879, стр. 216.

**В. Л. Беренштам. Диевник археологических работ, веленных на Кавказе в 1879 году. Там же, стр. 298.

в плоскостных районах Чечено-Ингушетии, близ с. Базоркина, Назрань и в других пунктах. Судя по дневниковым данным, курган № 1 у с. Базоркино и курган № 2 у с. Назрань, исследованные В. Б. Антоновичем, должны относиться к эпохе броизы 12. Все же другие раскопанные в этих районах певысокие курганы (до 0,70 м) содержали погребения в дубовых колодах или гробах с явными признаками распавшихся железных предметов (кресала, наконечники стрел, сабли), что и позволяет уверенно связывать их с проникновением адыгских (точнее, кабардицских) этнических элементов на Восток и датировать XIV—XV вв. 13 В Государственном музее Грузии хранится несколько мало выразительных для точного определения предметов (каменные бусы, броизовая спираль и камень), с паспортом «из курганов у сел. Базоркино» 14.

К сожалению, иногда довольно обстоятельно составлениме полевые отчеты о проведенных в этот период на Кавказе археологических исследованиях при их публикации в «Трудах V археологического съезда» не сопровождались необходимым иллюстративным материалом (рисунки найденных предметов и графика), что передко затрудняет верное восприятие

упоминаемых намятников.

Говоря о V Всероссийском археологическом съезде 1881 г., нельзя не признать его огромной организационной роли в изучении всего Кавказа, и в частности в изучении Северного Кавказа. Включенными в программу заседаний и обсуждениями докладами съезд возбудил в широких научных кругах общий интерес к этому замечательному краю как в нашей стране, так и за границей. Безусловно, съезд оказал самое благотворное воздействие на дальнейшее направление историко-археологических исследований и судьбы кавказоводения в целом.

По существу именно съездом были намечены задачи дальнейшего изучения края, основанные на первой научной оценке появившихся тогда перед лицом науки первоклассных древпостей позднебронзовых культур Грузии и Кавказа. Именно съезд вызвал появление у нас и за рубежом первых и значительных трудов по описанию первобытных древностей Кавказа и первые попытки их сравнительного изучения. Я имею в виду появление в печати круппых монографий: выдающегося немецкого ученого Рудольфа Вирхола 15, французского археолога Эрнеста Шантра 10 и, наконец, первое солидное издание материалов из могильников Северной Осетии, выполненное П. С. Уваровой 17. Этими трудами была окончательно закреплена мировая известность оригинальных намятников кобанской культуры из центральных районов Северного Кавказа.

Вместе с тем нельзя не признать, что, котя последующие, 80-е годы XIX столетия и характеризуются некоторым оживлением археологического изучения Северного Кавказа, вызванным влиянием V археологического

17 2 Е. И. Крупнов

¹² E. H. Крапава. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Супки. ТГИМ, вып. XVII. М., 1948, стр. 10.
13 Там же. стр. 11; О. В. Милорадович. Набардинские курганы XIV—XVI вв. СА, XX. М., 1954, стр. 343.
14 «Museum Caucasicum», т. V. Тифлис. 1902, стр. 161, № 3370—3372.
15 R. Virchev. Das Graberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883.
16 E. Chantre. Recherches antropologiques dans le Caucase, vol. I—IV. Paris—Lyon, 1885—1887.
17 H. G. Уварова. Указ. соч.

съезда, почти все районы Северо-Восточного Кавказа, и в частносты Чечено-Ингушетия, по-прежнему мало привлекали исследователей. Только в 1886 г. в высокогорные районы теперешней Чечено-Ингушетии направляется первая серьезная археологическая экспедиция Московского археологического общества под руководством известного кавказоведа проф. В. Ф. Миллера. Экспедиция проводила работы в всрховьях бассейнов рек Ассы. Сунжи и Терека и собрада обильные и разновременные материалы, которые позволили В. Ф. Миллеру научно оценить важное значение поздилх и средневековых сооружений (башии, склепы и христианские храмы). Научные итоги экспедиции 1886 г. были освещены главой экспедиппи в первом выпуске «Материалов по археологии Кавказа» 18.

К сожалению, в заключительной главе этого пенного труда проф. В. Ф. Миллер высказал ошибочное заключение о якобы извечной культурной отсталости народов Кавказа 19. Позднее это мнение было развенчано выдающимся русским археологом В. А. Городцовым 20, а затем полностью опровергнуто всем дальнейшим опытом изучения археологии Кавказа 21.

Здесь уместно будет вспомнить, что с того же 1886 г. начинается илодотворная деятельность на Северном Кавказе одного из пионеров местного преподавателя Владинавнаэсного реального училища В. И. Лолбежева. По поручению археологической комиссии В. И. Долбежев в течение 20 лет (с 1884 по 1904 г.) проводил большие разведочные и стапронарные работы по изучению разнообразных памятиков материальной культуры Северного Кавказа, начиная с эпохи броизы и кончая средневековым периодом. Территориально его работами были охвачены районы Северного Кавказа от Пятигорья, Кабарды и Балкарии до Дагестана включительно и от предгорий Терского хребта до высокогорных пунктов Грузии (с. Тли и др.).

О плодотворной археологической деятельности В. Н. Долбежева написан обстоятельный очерк проф. Л. П. Семеновым 22. Это обстоятельство избавляет меня от необходимости подробно останавливаться на полевых

работах этого энтузпаста археолога.

В. И. Долбежев провел очень ценные разыскания и в ряде районов теперешней Чечено-Ингушетии. Так, в 1890 г. он внервые обнаружил и псследовал на правобережье р. Терека, в ущелье р. Арм-хи у с. Гоуст (Гоуэдок) катакомбные захоронения аланского типа раннесредневекового периода 23. В следующем году им были исследованы памятники разных стадий эпохи бронзы: подкурганные погребения у с. Москеты и особенно интересный комплекс из кургана, вскрытого близ станицы Нестеровской 24. Еще раньше, в 1882 г., вместе с Д. Н. Анучиным он посетил Аргунское ущелье ²⁵. Им исследованы также интереснейшие грунтовые

¹⁸ В. Ф. Миллер. Терская область. Археологические экскурсии. МАК, том. І. М., 1888.
18 Там же, стр. 11 1—113.
19 В. Л. Городуов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 315.
21 Е. И. Нерипов. О культурных связях Северного Кавиаза по археологическим данным.
УЗКНИИ. Т. 2. Нальчик. 1947.
15 Л. П. Семенов. В. И. Долбежев как археолог-навказовел. ИГПИ, т. VII. Владикавказ. 1930.
Отцельный отписк. См. также: Е. И. Крупнов. Древияя история Северного Кавиаза. М., 1960.

СТР. 33-35.

3 ОАК за 1890 г., стр. 87.

3 ОАК за 1891 г., стр. 132.

3 Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. ПРГО, т. ХХ. СПб., 1884, стр. 379.

могильники скифского времени в предгорном районе Ингушетии, близ селений Кескем и Пседахи 26, правильно разделенные им на две хропологические группы. В последующие годы В. И. Долбежевым были обследованы

курганные группы «Науруз-Барц» и др. 27

Ему принадлежит также попытка первого исторического освещения быта и культуры посителей кобанской культуры. В специальной статье о кобанской броизе, которая, как показал опыт дальнейшего изучения Северного Кавказа, была распространена и на территории Ингушетии и даже Чечии, В. И. Долбежев высказал ряд верных заключений, не потерявних своего значения и до наших дией 26.

Довольно крупные для того времени раскопочные работы в разных пунктах Соверного Кавказа были произведены в 1888 г. предсенателем

археологической комиссии А. А. Бобринским 29.

Нацбольший интерес вызывают исследования А. А. Бобрицского, проведенные им в Алхан-Чуртской засущиньой дольно. Здесь, в районо г. Грозного и селений Алхан-Юрт, Алды, Куляры и далее на юго-запад до с. Урус-Мартан им было зафиксировано огромное количество курганных насыпей. Зпачительным итогом этих работ было обнаружение на левом берегу р. Сунжи большого городища педалеко от с. Алхан-Кала, привлекниего визмание исследователей лишь в советские годы 30. Ряд раскопанных кургалов содержал интересные комплексы скифской и сарматской культур.

Тогда же несколько курганов было раскопано П. С. Уваровой в районе г. Грозного 31. В одном из курганов у с. Куляры местными жителями была найдена золотая гривна, состоящая из прута с заходящими друг за друга концами в виде тройных годов животных с развичутой пастью. Это укращение, выполненное в поздпескифском или ранцесарматском стиле VI-V пв. до п. э., было приобретсно П. С. Уваровой и передано на хранение

в Государственный Исторический музей 31.

Приблизительно с 1888 г. в различных районах б. Терской области начинают вести собирательскую, а иногда и раскопочную работу любители археологии и этнографии, по преимуществу представители местной военной администрации. Таким любителем местных древностей оказался и помощинк начальника Грозпенского военного округа Н. С. Семенов. Его деятельпость, сосредоточивалась в пределах Грозпенского района, а сообщения о результатах его археологических разысканий печатались в газете «Терские ведомости».

В первые годы ХХ в. некоторую активность стали проявлять представители терского областного статистического комитета и областного музея. основанного во Владикавказе в 1897 г. и ставшего средоточнем добываемых местных древностей. Так, секретарь терского статистического комитета

²⁶ ОАК за 1898 г., стр. 157—162.
27 ОАК за 1907 г., стр. 97—99.
28 В. И. Лембежев. Об орнаментах и формах броиз, находимых в доисторическом клаябище близ сел. Уолиа-Кобан Терской области. СМОМПК, т. VI, отд. П. Тифлис, 1888, стр. 57.
29 ОАК за 1888 г., стр. СССІІ—ССІХХІ.
39 А. И. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетви летом 1936 г. ЗЧИНИИ, т. І. Грозный, 1938, стр. 9; «Археологические открытия 1967 г.» М., 1988, стр. 65.
21 И. С. Уодрова. Могильники и курганы Кавказа. «Древности». ТМАО, т. XV, вып. 1. М., 1894, стр. 84—88.
32 Колисиции ГПМ. Собрание Уваровых, инв. № 455.

Г. В. Вертепов в течение 1900 и 1901 гг. раскопал близ с. Урус-Мартан более двух десятков курганов в урочищах «Апи-Ирзо» и «Бойси-Ирзо» 33. Раскопки дали интересные коллекции паходок скифского времени. Материал поступил в Государственный Эрмитаж и уже в советское время подспециальному изучению О. А. Артамоновой-Полтавцевой 34. Г. В. Вертеповым раскопаны также древние курганы и у с. Закап-Юрт 35.

В последующие песятилетия на Северном Кавказс, в том числе и на территории нынешней Чечено-Ипгушетии, никаких значительных археологических работ не производилось. Исключением являются полевые разыскания, проведенные накануне первой мировой войны в разных районах края представителем местной воснной адмилистрации подъесаулом Ф. С. Панкратовым. Итоги своих полевых работ он систематически публиковал под исевдонимом «Ф. С. Гребенец» в 1912—1914 гг. в газете «Терские ведомости». Особый интерес представляют открытые им захоронения богатых аданских воннов VIII—IX вв. у бывш, станицы Фельдмаршальской у входа в Ассинское ущелье 36. Материал этих раскопок хранится в Грозненском музее краеведения. Великолспные наборы оружия и конского снаряжения не раз привлекали внимание исследователей и попрергались специальному изучению проф. А. А. Захаровым уже в советские годы 37.

Коренной перелом в изучении края наступил только после Великой Октябрьской социалистической революции, после возникновении в национальных городских центрах первых вузов, музеев и научно-исследователь-

ских учреждений.

Еще в период гражданской войны на Кавказе в 1919 г. археологом М. А. Радимевым были обследованы окрестности г. Владикавказа и даже вскрыты два кургана эпохи броизы 38. В 20-х годах горные районы Чечии посетил австрийский любитель древностей Брупо Плечке, который обстоятельно описал средневековые памятники материальной культуры в спепиальной работе «Чеченцы» 39.

Особо нужно отметить плодотворную работу проф. Л. П. Семенова. Начиная с 1920—1921 гг. и вплоть до второй мировой войны на территории Ингушетии и современной Северо-Осетинской АССР под его руководством развернулась планомерная и систематически проводившаяся экспедицион-

ная работа.

В полевых изысканиях активное участие принимали художник-архитектор И. П. Щеблыкин, художник Х. Б. Ахриев и др. В отличие от практики своих предшественников, Л. П. Семенов особое внимание уделял изучению бытовых памятников средневекового периода. В результате многолетних работ этой экспедиции в горимх райопах Ипгушетии и Север-

²³ ОАК за 1900 г., стр. 54; ОАК за 1901 г., стр. 86.

** О. А. Артамоново-Полтависва. Культура Северо-Восточного Кавназа в скифский период.

СА, XIV, 1950, стр. 20.

** ОАК за 1904 г., стр. 132.

** О. С. Гребенец. Превнейшие могильнени в Ассинском ущелье. «Терские ведомости», № 54—

56. Владинавиза, 1914.

** А. А. Захаров. Древности из Ассинского ущелья. ИЧИНИИ, т. IV, вып. 2. Орджоницидзе —

Грозный, 1934—1935, стр. 129.

** Л. Л. Семенов. Археопогические разыскания в Северной Осстии. ИСОНИИ, т. XII. Дзауджика, 1948, стр. 61.

** См.: В. Placischke. Die Tschetschenen. Hamburg, 1929.

ной Осетни средневековые памятники этих районов оказались лучше изученными, чем в других пунктах Северного Кавказа. Об итогах работ участинками экспедиции написан ряд статей 40, получивших довольно вы-

сокую оценку в цечати 41.

В 30-х годах в изучение Чечено-Ингущетии активно включаются археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Государственного Исторического музея. Начиная с 1936 г. уснешную полевую работу в Чечне проводят от ГАИМК проф. М. И. Артамонов, А. П. Круглов, Ю. В. Подгаецкий, А. В. Мачинский, С. Н. Аносов и др. 42 Важнейшим итогом экспедиции ГАИМК явилось открытие и исследование раннесредневекового катакомбного могильника у с. Дуба-Юрт и более древнего могильника у с. Харачой 43. Его богатейшие материалы вместе с материалами из ранее открытого еще В. И. Долбежевым Канкентского могильника в Цагестане позволиди выявить в Северо-Восточном Дагестане новую, ранее неизвестную так называемую каякентско-харачоевскую культуру позднеброизового века 44. Этим был внесси крупный вклад в древнюю историю Чечии и Дагестана и в кавказоведение в целом. Экспедицией были также заложены разведочные раскопы на Алхан-Калинском городище и раскопана группа позднесарматских курганов 45.

Гибель А. П. Круглона, С. Н. Аносова, Ю. В. Подгаецкого и А. В. Мачинского во время Великой Отечественной войны прервала так успешно

начатые археологические исследования ГАИМК в Чечне.

Продолжателями работ по исследованию присунженских городищ и Алхан-Кала в известной степени стали Т. М. Минаева, Н. И. Штанько и М. П. Севостьянов, которые в послевоенные годы провели очень результативные разведочные работы в Грозненском и других районах края 46.

Начиная с 1935 г. и до последних лет (с перерывом, вызванным Великой Отечественной войной) на территории Чечено-Ингушской и других реснублик Северного Карказа работала Северонавназская археологическая экспедиция Государственного Исторического музея, а позднее - Института археологии Академин наук СССР под руководством автора этих строк. Экспедиция всегда действовала в контакте с местными научно-исследовательскими институтами и музеями и по существу являлась объединенной экспедицией Института археологии и местных учреждений.

44 Е. И. Крупнос. Каякентский могильник — памятник древней Албаник. ТГИМ, вып. XI. 46 Е. И. Нрупнос. Каякентский могильник — намитик древней Аноании. 17 им, выс. 3.1. М., 1940.

48 НСШИМИ, Северо-Кавказская II экспедиция, вып. 1. Л., 1939, стр. 28; Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала и натакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавназе. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1956.

48 Т. М. Мимаева. Археологические разведки в долине р. Сунжи. «Сборпик трудов Ставропольского пединститута», вып. 13. Ставрополь. 1958, стр. 413; М. П. Севоставнов. Маршругы экспедиций и походов по Грозненской области. ИГОМК, вып. 7—9, 1936, стр. 218.

⁴⁰ Л. П. Семенов. Археологические и отнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963; Л. П. Иссаимия. Искусство Ингушетии в памятниках материальной культуры. ИИНИИК. т. І. Внадицавияз, 1928.

41 Л. П. Круглов. Археологические расконки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. ЗЧИНИИ, т. І. Грозный, 1938; Е. И. Круглов. Реценяни на т. XII «Известий Северо-Осетинского научно-исследовательского института». СЭ, 1950, № 4, стр. 213.

42 Л. П. Круглов. Археологические расконки в Чечено-Ингушетия летом 1936 г. ЗЧИНИИ, т. І. Грозный, 1938.

43 Л. П. Круглов. Северо-Восточный Кавиаз во II—I тысячелетиях до и. з. МИА, № 68. М.—Л., 1958.

Свои полевые изыскания экспедиция проводила по разработациой программе, охватывающей широкую проблематику, начиная от задачи выяснения времени и условий первого заселения края человеком и кончая вопросами этпогенеза и формирования культуры современного корепного населения от времени палеолита до позднего средневековья.

Северокавназская археологическая экспедиция работала в составе 3-5 отрядов, руководимых Р. М. Мунчаевым, В. И. Марковиным, Н. Я. Мерпертом, В. Б. Впноградовым, В. А. Кузпецовым, В. И. Козенковой, О. В. Милорадович и др. В процессе работы экспедиции готовились научные кадры археологов — представителей местных национальностей (С. Т. Умаров, М. Х. Багаев, М. Х. Ошаев, Т. Б. Тургиев, М. Б. Мужухоев). Научные итоги деятельности экспедиции изложены в различных статьях, брошюрах и монографиях. Экспедиция имеет уже свою собственвую библиографию, насчитывающую более сотии названий. Поэтому здесь целесообразнее отослать читателей к монографиям участинков СКАЭ 17. Коллективом экспедиции в 1963 г. издан специальный сборник о древностях Чечено-Ингушской АССР 48.

Учитывая слабую изученность Чечии, экспедиция особое внимание уделила изысканиям на территории восточной части роспублики. Главным итогом работы явилось открытие здесь следов каменного века, намятников всех этапов броизового века — куро-аракской, майкопской, кобанской и других культур, ранее неизвестных на территории Чечено-Ингушетии.

Нельзя не сказать и о полевой работе, выполненной экспедицией в высокогорных районах Чечии. Впервые научно был описан уникальный «городок мертвых» в урочище «Цой-педе» и другие архитектурные комплексы (башин, склепы, святилища) в Аргупском ущелье, в районе озер Кезеной-Ам и Галанчож 49. Во время половой работы были отмечены некоторые локальные черты и особенности в архитектурном зодчестве чеченцев и ингушей. Наряду с этим было подтверждено и единство материальной и духовной культуры этих двух слагаемых вайнахского народа. С древвейших времен культура чеченцев и ингушей развивалась на единой основе. Конечно, следует признать, что разработка средневсковой тематики далека еще от завершения даже в полевом отношении, начатые

^{6°} Е. И. Крупнов. Превили история Северного Кавиаза; он же. О чем говорят памятинии материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961; Р. М. Мунчев. Превисйшая культура Северо-Восточного Кавиаза МНА, № 100. М., 1961; В. И. Марковии. Культура племен Северного Кавиаза в эпоху бронзы. МНА, № 93. М., 1960; он же. В ущельях Аргуна и Фортани. М., 1965; он же. Пагестан и гориам Чечна в древности. МИА, № 122. М., 1968; он же. В стране вайнахов. М., 1968; В. В. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавиаза. ТЧИППИ, т. ЧІ. Грозный, 1963; он же. Тайны минувших времен. М., 1966; В. А. Кульеуов. Аланские племева Северного Кавиаза. МИА, № 108. М., 1962; В. В. Виноградов, И. К. Лосев, А. А. Саламов. Чечено-Ингушстия в советской исторической науке. Грозный, 1963; В. В. Виноградов, В. И. Марковин. Архсологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966.

4 В. И. Крупнов. 10 лет работы Северокавиазской археологической экспедиции в Чечено-Ингушентии. «Тезисы докладов на сессии отлежения истории АН СССР, посвищенной итогам полевых работ 1967 г.» М., 1968, стр. 37—39; он же. Десять лет декальности Северокавизаной археологической экспедиции в Чечено-Кингушеной АССР. АЭС, т. ПІ. Грозный, 1969, стр. 18; В. И. Марковии, Р. М. Мунчасв. Археология Чечено-Пигушении в свете новейших неселеравный КСПА, вып. 100, 1965; В. И. Марковии. Исследовання памятников средневековыя в высокогорной Чечие. КСИА, вып. 90, 1962; он же. Чеченские средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Ченты-Аргуна. ИЧИНИИ, т. ПІ. Грозный, 1963.

СКАЭ работы в высокогорной зоне должны быть продолжены археологами-медиевистами.

В результате длительного археологического изучения Чечено-Ингушетии собран значительный материал и накоплен первый опыт по созданию сводной научной истории этой республики. Этот опыт, основанный главным образом на данных экспедиции последних двух десятилетий, нашел отражепис в первых главах I тома «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР», изданного в Грозном в 1968 г. Сопержанием тома в какой-то степени проясияется ряд важных вопросов местной истории, в том числе и самая животрененцущая проблема — происхождение коренного населения республики. По ряду признаков прослежена преемственность в материальной культуре современного населения от более древних времен, начиная с эпохи первого появления металла.

Эти данные вместе с показаниями антропологии, языкознания и этнографии позволяют считать, что культура вайнахских племен имеет глубокие местные кории, а сам вайнахский парод является одним из древнейших коренных этипческих массивов Кавказа. Однако средневековая история и культура этого массива далеко еще не изучены. Данцая монография является линь первой попыткой автора дать посильное освещение этинческой, социально-экономической истории и культуры части этого этинческого массива. В монографии использованы и первые труды дореволюционных авторов, превосходных знатоков местного быта: пигума Чаха Ахриева, чеченца Умалата Лаудаева, П. А. Головинского, И. Ф. Грабовского, А. П. Берже, Б. Далгата во и других, а также труды целого ряда советских исследователей 31. Несомненно заслуживают внимация и раздел «Ингуши» в I томе «Народов Кавказа» 62 и «Очерки этнографии горной Ингушетии», опубликованные в Тбилиси под редакцией А. И. Робакидзе во II «Кавказеком этнографическом сборнике» в 1968 г., а также три тома археологоэтнографического сборинка, опубликованные Чечено-Ингушским научноисследовательским институтом языка и истории в последние годы 53.

Все содержащиеся в этих работах данные исторического характера мною учтены и использованы в соответствующих главах монографии.

^{** 4.} Акриев. Ингуши. ССКГ, т. VIII. Тифлис, 1875; У. Лаудаев. Чеченское племя. ССКГ, т. VI. Тифлис, 1872; П. А. Головинкий. Чеченцы. ТС, вып. 1. Владинавказ, 1878; И. Ф. Грабовский. Экопомический доманний быт интелей горского участка Ингушевского округа. ССКГ, т. III. Тифлис, 1870; А. Н. Берже. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859; Б. Далгон. Первобытная религия чеченцев. ТС, вып. 3, ин. 2. Владинавказ, 1893; от же. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. ИИНИИК, т. IV. вып. 2. Оражонницае — Грозный, 1934—1935.

*** И. Ф. Яковлее. Ингуши. Владинавказ, 1925; от же. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927; А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей. ЗКВ, т. V. П., 1930; Е. М. Шилами. Ингушей и чеченцы. Сб. «Религиозные верования народов СССР», т. II. М.—Л., 1931; Г. К. Мартиросии. История Ингушей. Оражонницае, 1933; А. С. Варманетов. Проблемы родового строя ингушей и чеченцы. Сб. «Религиозные верования народов СССР», т. II. М.—Л., 1931; Г. К. Мартиросии. История Ингушей. Оражонницае, 1933; А. С. Варманетов. Проблемы родового строя ингушей и чеченцы. Сб. 1938. № 4: Б. В. Скитский. К попросу о феодальных отношениях в история ингушей и чечения. Прозный, 1960; Г. М. Мазоркии. Памитики средневенсковы в горной Чечено-Ингушей. 1964; М. Мамакаев. Чеченкий тейп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1962; Х. Д. Ошасв. В сердце Чечии. Грозный, 1938; он жее. Некоторые вопросы напользания нахоних банен в бою. КЭС, вып. И. Тойлиси, 1968; М. А. Абазамов. О вредс перемитнов нариата и адатов в Чечено-Ингушейии и путах их преодоления. Грозный, 1963; А. И. Иламасев. Религиозные культы чеченцев и ингушей и пута их преодоления. Грозный, 1963; Е. Н. Кушева. Вазанмостновные культы чеченцев и ингушей и пута их преодоления. Грозный, 1963; Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их сялои с Росскей в КУИ—ХУИ вв. М., 1963; С. Ц. Умаров. О постания и искоторых сообенностях социально-которыческого развития горной Чечено-Ингушейи позный, 1969; И. М. Саидов. Мекк ихся (совет страны) у нахов в прошлом. КЭС, вып. И. Тойлиси, 1968.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ ОБ ИНГУШАХ

Основным населением западных районов современной Чечено-Ингушской АССР являются ингуши. Вместе с чеченцами они образуют единуювайнахскую социалистическую нацию.

Современное название «ингуши» сравнительно педавнего происхождения. Впервые оно появилось в русских источниках пе ранее второй половины XVIII в. ¹ Опо происходит от названия селения «Онгушт» или «Ангушт» — одного из первых ингушских селений, основанного на «илоскости» (так в местных кругах называют равшины, заключенные между Терским или Супженским кряжами и последующими лесистыми кребтами Кавказа). В более ранних документах этот этноним отсутствует. В них упоминаются другие племенные названия — «калки», «ероханские люди» или «акозы» — население «горских землиц» ².

Как известно, почти все народы входят в историю не под самоналванием, а под названиями, данными их соседями. По-видимому, название «ингуши» также было дано местным племенам русскими, подобно тому как в более раннее время предкам осетии, населяющих центральную часть. Северного Кавказа, были присвоены названия «аланы», «овсы» и «ясы» византийскими греками, грузинами и русскими.

Постепенно название «ингуши» было перенссено на все родоплеменные образования, некогда известные как «галгаи», «кисты», «цоринцы» и другие, объединенные с ними общей территорией и общиостью языка и культуры.

Еще сравнительно недавно ингуши-горцы называли себя «ламур» или «ламро», что значит — горный житель (от «лам» — гора) 3. Отдельные же-их группы, очевидно отдельные племена, имели в недалеком прошлом различные самоназвания: «галгаи», «кисты», «фяппинцы», «цоринцы», «арштхойцы» и др. С течением времени, очевидно в силу социально-экономической значимости галгаевской племенной группы, обитавшей в Ассинском ущелье — древнейшем центре ингушской культуры, имя этого пле-

² А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей. ЗКВ, т. V. Л., 1930. стр. 70, ² Эгот вопрос обстоятельно освещен в монографии Е. Н. Кушевой (см.: Е. Н. Кушево Северного Кавиаза и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, стр. 64). ² С. Броневский. Новейщие географические и исторические известия о Кавиазе, ч. И. М., 1823, стр. 461.

мени — «галгаи» — было перепесено и на другие ингушские племена. Во

всяком случае и поныне все ингуши называют себя «галгаями» 4.

Упоминания о племенах, являющихся далекими предками ингушей, встречаются в очень ранних исторических источниках. Еще не так давно считалось, что древнейшие известия о прямых предках вайнахских племен — чеченцев и ингушей — под именами «нахчаматьяны» и «кусты» («кисты») содержатся в известной «Армянской географии VII века», ранее приписывавшейся Монсею Хорсискому в. Сейчас имеются серьезные основания признавать достоверность еще более рапних свидетельств о предках пигушей. Такие известия о предках вайнахских племен, как теперь выяснено, приводятся в «Географии» Страбона (І в. н. э.). Он первый из древних авторов упоминает ряд местных племен, размещая их на северном склоне центральной части Северного Кавказа; называя среди нях гаргареев, Страбон уверенно именует их ближайшими соседями мифических амазонок, обычно помещаемых на р. Термодонте (вероятно, Терек). Дровний географ писал: «...амазонки живут рядом с гартароями, па северных предгорьях Кавказских гор, называемых Керавискимия в. Упоминание рядом сарматов подтверждает, что речь идет о населении Северного Кавказа. Это же удостоверяют Стефан Византийский, когда, говоря об амазонках у Термодонта, называет их савроматидами 7, и другие древиме авторы, в частности Плутарх и Гай Плиний Секунд (Старший), Последний в своей «Естественной истории» также помещал гаргареев на Северном Кавказе, по называл их «гегарами» в.

Из истории Азербайджана известно, что одно из древних албанских племен, проживавших вдоль р. Гаргар, называлось «гаргарами» («гаргарейцами») в. Арминский историк V в. Монсей Хоренский (Сесроп Хоренаци) характеризовал гаргарский язык как «обильный горловыми звуками» 10. Современные лингвисты установили сходство албанского, в частности «гаргарского», языка с некоторыми языками северокавказской группы общекавказской языковой семьи 11. По всем данным, «гаргары» Кавказской Албании отношения к страбоновским «гаргареям» не имели.

В послевоенные годы рядом исследователей было высказано предположение об отождествлении древнего этнонима «гаргареи» с современным самоназванием ингушей — «галган» 12. Специально занявшись этим вопросом, я пришел к выводу, что правомерность отождествления страбоновских «гаргареев» с ингушским племенным самоназванием «галган» может быть признана вполне обоснованной. Аргументация этой гипотезы изложена мною в монографии «Древияя история Северпого Кавказа» 13.

⁴ Е. М. Шиллинг. Кигуин и чеченцы. Сб. «Религвозные верования народов СССР», т. И. М.—Л.,

⁴ Е. М. Шиллинг. Ингурни и печенцы. Со. «гели вознае веровали.
1931. стр. 9.
6 Г. К. Мортиросцан. Негория Ингурнии. Орджонницвае. 1933. стр. 16.
8 В. В. Латминев. Повестия превних писателей о Синфии и Кавказе. ВДИ, 1947. № 4, стр. 222.
9 ВИИ. 1947. № 4. стр. 236.
9 ВИИ. 1947. № 4. стр. 236.
9 «История Азербайджана», т. І. Баку, 1956, стр. 51.
10 М. Херенский. История Армении. М., 1898, стр. 121.
11 А. Г. Шакидзе. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки.
ИНГЯНМК, вып. IV. Тонинев, 1938, стр. 37.
12 И. М. Дэлконае. Реценария на кинсу Г. А. Меликишвили «Древневосточные материалы по истории народов Закавказья». ВДИ, 1946. № 2,стр. 59; Л. А. Ельницкий. Коммонтарии к перензданию «Павестий древних писателей о Скифии и Кавизае» В. В. Латминева. ВДИ, 1947. № 4. стр. 222; В. Н. Гамрексаи. О племени двалов. Сб. «Мимомхиялеля», т. ІХ., Томпец. 1957, стр. 203. Примечание.
12 См.: Е. И. Крупков. Превиля история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 72.

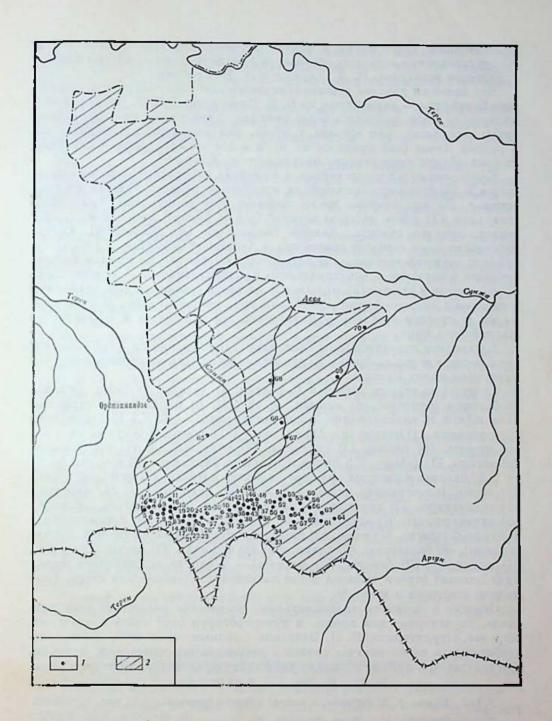
Карта средневековых рамятников на территории Ингушстии (XII-XVII вв.) 1—компленсы жилых и боевых башен, силенов и святилищ; 2— территория, заселенная ингушами в XVIII—XIX вв. 1— Фуртоуг; 2— Дугаргишт; 3— Озми; 4— Джерах; 5— Памот; 6— Могучнал; 7— Эби; 8— Роуст; 9— Кашиете; 10— Гарпе; 11— Пейни; 12— Лемг; 13— Морч; 14— Фалхан; 15— Горак; 16— Мецхал; 17— Ольгисто; 18— Эран; 19— Коши; 20— Койрах; 21— Тарш; 22— Шуан; 23— Верхний (Хули; 24— Нижний Хули; 25— Гу; 26— Салти; 27— Лейнаг; 28— Хаши; 29— Някиет; 30— Тумой; 31— Цоли; 32— Гаш; 13— Нем; 34— Кок; 35— Бишт; 36— Пуй; 37— Хайрах; 38— Какт; 39— Кост; 40— Дошхамле; 41— Корт; 42— Коли; 43— Кок; 35— Кок; 44— Лейми; 45— Одзик; 46— Эгинал; 47— Хамхи; 48— Таргии; 49— Гул; 50— Евлой; 51— Нюй; 52— Палицт; 53— Рент; 54— Вовиушик; 53— Бирк; 56— Койрах; 57— Мяшхи; 58— Меллер; 59— Никоный Алкуи; 67— Верхний Алкуи; 68— Мужич; 69— Датых; 70— Вамут; 65— Ангушт; 66— Никоный Алкуи; 67— Верхний Алкуи; 68— Мужич; 69— Датых; 70— Вамут

В 1963 г. известный специалист по нахским языкам проф. Ю. И. Лешериев подверг сомпению закономерность сделанного сравнения древнего этионима с современным, по признавал, что «к сожалению, мы не в состоянии сейчас дать положительный ответ на поставленный вопрос» 14. Одновременно он подчеркнул, что «полытка Е. И. Крупнова объясиить страбоновский этноним «гаргареи» посредством пигушского «гаргар» и чеченского «герга» — близкий, родственник — заслуживает виимания» 16. Основанием для сомнения Ю. Д. Дешериеву послужило предположение, что сам этношим «галгай» позднего происхождения и связан с термином «гала» --башия, крепость, т. е. житель башии, крепости. Вряд ли с этим можно согласиться. Очевидно, термин «галгай» более древнего происхождения и из древнейшего кавкарского языкового субстрата он вошел в дагестанские языки. Например, слово «башия» звучит у кубачищев как «гlaл», у даргинцев — «къали», у лезгии — «квал» 10. По-чеченски и ингушски «гала» — это жилая башия, а «галан» — оборонительный комплекс. Как известно, в Осетии оборонительные укрепления тоже называются «галунами». Пумается также, что не случайно термин «галагаи» связан органически с древнейшим культурным очагом Ингущетии в верховых р. Ассы, называемым «Гадай-чур» 17. По разъяснению знатока пигушского языка и быта Н. Г. Ахриева, в буквальном переводе, это — «внутренность» или «брюхо Ингушетии».

Отправляясь от доводов Ю. Д. Дешериева, два других автора -В. Б. Випоградов и К. З. Чокаев — в 1966 г. попытались развить их в специальной статье, по, изложив свои рассуждения противоречиво и непоследовательно, вынуждены были признать, что «гаргарси - несомненно производное от нахского термина «гаргара» — близкий, соседний, родственный» 16. Отмеченная полемика еще более укрепила меня в правильности локализации страбоновских гаргареев именно в ингушской долине «Галга-чув», что подтверждается археологическими, антропологическими и этнографическими данными. Недавно мои доводы признали

¹⁴ Ю. Д. Дешерисе. Сравнительно-историческая грамматика нахоких ламков и проблемы происхождения и исторического развития горских навиазских народов. Грозный, 1963, стр. 35.

Там же, стр. 54.
 А. И. Робакидзе. Жилища и поселения горных ингушей. КЭС, вып. П. Топлиси, 1968, стр. 48. 17 Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925— 1932 годах. Грозный, 1963. стр. 139. 19 В. Б. Вимографов, К. З. Чокаев. Древние свидетельства о названиях и размещении нахоних племен. ИЧИНИИ, т. VII, вып. 1. Грозный, стр. 67.

«заманчивыми аргументами в пользу установления генетической связи между гаргареями античных источников и современными галгаями» видные

грузинские этнографы Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе 18.

Что насается другого древневайнахского этнонима, впервые упомянутого Страбоном, — «хамекиты», то В. Б. Виноградов и К. З. Чокаев, полемизируя со мной, оказались более правыми. Транскрибируя слово «хамокиты», «хамхети», как «страна хамхов», они локализуют хамекитов не в горной Чечне (как предполагал я), а в тех же верховьях Асспиского ущелья вблизи современного ингушского с. Хамхи 20.

Более точные и важные сведения о предках райнахских народов содержатся в закавказских письменных источниках периода раннего средневековья. Из них ведущее место занимает уже упомянутая «Армянская география VII века», автором которой был не Монсей Хоренский, а, как теперь принято считать, Ананий Ширакский (Л. Ширакаци). Среди перечня пародов, пекогда обитавших в Азнатской Сарматии, в этой «Географии» значатся этнонимы, за которыми скрываются уже прямые предки чеченцев и ингушей — «нахчаматьяны» и «кусты» («кисты» — «кистинны»):

«Сарматия (Азнатская) отделяется от своей половины (Европейской) восточными оконечностями Рипейских гор, рекою Тананс, Местийским морем и простирается вдоль Кавказских гор у Грузии и Албании до

Каспийского моря.

В Сарматин находятся горы Гинпийские, Кераунские и другие и многие реки, в числе которых Этиль с 70 рукавами (истоками), на берегах которого

укрепился народ Басилы.

Следующие народы живут в Сарматии: 1) хазары, 2) буши (булхи), 3) баслики (барсилы), 4) апшеги, 5) абхазы, 6) царственные сарматы, 7) приофаги, 8) нахчаматьяны (подчеркнуто мною. — Е. К.], 9) финрофаги, 10) сюрикаци, 11) митрикаци, 12) амазоны, 13) аланы, 14) хебуры (хебары), 15) кудеты, 16) скюми, 17) аргаветы, 18) марголы, 19) такоци (такры), 20) аргоды, 21) дачаны, 22) пинчи, 23) двалы, 24) гунны, 25) воспуры (акулы), 26) цанары, у которых проходы Аланский и Цекан, 27) туши, 28) хуши, 29) кусты [подчеркнуто мпою. — E. R.], 30) антронофаги, 31) цховаты, 32) гудамакары, 33) дунчики, 34) дидоци (дигоп, вериее дидои), 35) леки, 36) катапастианы, 37) агутаканы, 38) хепуты (хенуки), 39) ишлы (шибы), 40) тгичбы (тгиги), 41) хелы, 42) каспы, 43) пухи, 44) ширваны, 45) хераны (хараны), 46) баваспары, 47) хечматаки, 48) ижамахи, 49) посхи, 50) пусхи, 51) пиканаки, 52) баканы, 53) маскуты, - у самого Каспийского моря, куда доходят отроги Кавказа и где воздвигнута Дербентская стеца, громадная твердыня в море» 21.

Отметив в названии «нахчаматьяны» этинческое окончание «ян» или «янц», характерное для армян, и интерпретируя слог «мат» в значении «страна», «территория», К. П. Патканов с полным основанием сам корець разбираемого слова «нахча» связал с современными чеченцами, которые действительно и поныне называют себя «нахчо», «нахчуо», в литературном

Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. К вопросу о нахоной этнонимике. КЭС, вып. И. Тбилиси. стр. 21. ²⁰ В. Б. Виноградов, К. З. Чокаев. Указ. соч., стр. 55. ²¹ «Армянская география VII века по Р. Х.» Перевод К. П. Патканова. СПб., 1877, стр. 36.

языке — «похчо» 22. Позднее Н. Я. Марр установил, что вторая основа разбираемого термина «мат», «матт» известна всем нахским пародам: «мат» — по-ингушски, «мот», «мотт» — по-чеченски и бацбийски в значении «изык», «место» 23.

Действительно, слово «матт» в различных вариациях распространено на обширной территории Северного Кавказа и включается в разные этнонимы. По наблюдениям И. А. Джавахишвили, оно встречается даже

в грузинском языке 24.

Известно также, что слово «мат» составляет вторую основу таких этпонимов, как «сармат», «яксамат» и других, известных среди древних ирапоязычных племен Предкавказья. В этой связи уместно привести авторитетное заключение армянского ученого акад. С. Т. Еремяна по поводу дилетантских попыток связывать термин «яксамат» с этнонимом одного из вайнахских народов — чеченцев — «пахчаматьяне». В своем докладе «О расселении горских народов Кавказа по Птолемею и Армянской географии VII века» на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, состоявшемся в Москве в августе 1964 г., проф. С. Т. Еремян говорил: «Армянская передача греко-римской формы «яксамат» приближается к этиониму «нахчо», как пазывают в настоящее время себя чеченцы. Армянский автор VII в., лучше зная Кавказ, правильно передал местный этимческий термин. Однако вряд ли в VII в. нашей эры предки современных чеченцев жили у устья рекп Танаис — Дона. В этот период они должны были населять территорию нынешней Чечено-Ингушской АССР, а локализация их местообитация у устья р. Танане — Дона сделана под вниянием Птолемен, так как указанный отрывок текста, где названы «нахчаматьяны», является почти дословным переводом текста греческого географа-картографа» 26.

Еще больший интерес в плане разрабатываемой темы представляет средневековый этноним «кусты», прямо связанный с предками ингушей. Здесь важно отметить, что в новом списке «Армянской географии», открытом в библиотеке Мхитаристов в Вепеции и изданном в 1881 г., в том же перечне народов, населяющих Азиатскую Сарматию, термин «кусты» фигурирует уже в форме «кисты» 20. Этот термин в качестве названия одного из вайнахских племен часто встречается в средневековых грузинских источниках и архивных документах в форме «кишты». И хотя предполагается, что этноним «кишты» уходит в глубь веков вплоть до XIII в. 27, в действительности в форме «кисты» этот термин известен был еще в раннем средне-

Древнее местообитание кистов или кистинцев определяется довольно точно. Это — ущелье р. Арм-хи — правого притока Терека в 22 км к югу

доклада.

24 К. П. Поткаков. Из нового списка «Географии», приписываемой Монсею Хоренскому.

ЖМНП, 1883. март. стр. 21.

27 А. И. Шаккелишенан. Из истории взяимоотношений между грузписким и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963, стр. 38.

 ^{10.} Д. Демериев. Указ. соч., стр. 25.
 12. Н. Я. Марр. Кавиазсине племенные названия и местные параплели. М., 1922, стр. 20.
 14. А. Дессодименая. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавиаза и Ближиего Востока древиейшей энски. ВДИ, 1939. № 4, стр. 40.
 15. Выражаю благодарность С. Т. Еремяну за любезное разрешение привссти выписку из его

от г. Орджоникидзе, ибо эта река и называлась по-грузински «Кистетис Uхали» и «Кистицка» в русских источниках: соседние же осетины называют

ее «Макалдон» («река коршунов»).

Так же давно было установлено, что в период средневековья закавказским наподам паселение Чечин было известно под именами «дзурдзуков», «дурдзуков» («дурдзук» — в грузинских хрониках 28, «дуцук» пли «дурпук» — в армянских 20), а население Ингушетии — под именами «гидигвов», «глигои» 30. Современные грузипские исследователи также свидетельствуют, что в грузинских источниках для обозначения пигущей упоминается термин «глигви», который соответствует ингушскому «галга»³¹.

Впервые имена «дзурдзуки» и «глигви» упоминаются в грузинских хрониках XI в. (Леонтий Мровели) и сохраняются, особенно этношим «дзурдзук», вплоть до XVIII в. В известном своде грузписких детописей «Картилс Цховреба» указывается, что Кавкасос был предком дзурдзукова: Существует мнение, что этноним «дурдзук» в осмыслении поэднейшего историка — Вахушти Багратиони — охватывает «всю группу нахоких

племен, выражая вместе с тем их общность» 33.

Ранние свидетельства об интересующих нас народах встречаются в описании состава грузинских «эриставств» (кияжеств), учрежденных кахетинским царем Квирике II (1014 г.); они содержатся в вахуштовской «Сакартвелос пховреба» («Жизнь Грузии»). Описывая состав второго «эристави» (Кветерского княжества), якобы простправшегося и на северные склопы Кавказского хребта, летописец писал: «Это есть эрцотионетцы, пховцы, дзурдзуки и глигвы» 34. Но из этого отрывка не ясно, существовала ли в начале XI в. зависимость северокавказских горцев от феодальной Грузии.

Сведения о двурдзуках имеются и в летописи похода знаменитогополководца царицы Тамары — Иванэ Мхаргрдзели (Долгорукий пли Долгоплечий), предпринятого для подавления крупного восстания пховпев (пшавов и хевсур) и дидойцев, вспыхнувшего в 1212 г. 35 По словам грузинского историка, Иванэ Мхаргрдзели «подиялся на гору Кады, перешел гребень и переступил далее на гору ихойцев и дидоев, чего никтоне совершал пи рацьше, ни впоследствии: с одной стороны у исго оказались дзурдзуки, а с другой — дидои и пховцы»36.

Глубокие потрясения, перепесенные населением значительной территорин нашей Родины в связи с татаро-монгольским нашествием в XIII в., не миновали и Закавказье. Они пагубно сказались на культурно-политических и экономических связях Грузии и горцев Северного Кавказа.

За исключением редких свидетельств, например описания поездки католикоса Евфимия к навказским горцам при Георгии V Блистательном

²³ К. П. Патканов. Ванские надписи и значение их для пстории Передней Азип. ЖМПП, 1883, стр. 230; В. Ф. Миллер. Осстинские этюды, ч. III. М., 1887, стр. 19.

29 Сопоставление этионима «дурдзук» с названием древнепереднеазнатского города Дурдукка, в районе Урмийского озера в стране Мана, стеданное В. Н. Гамрексии, на мой взгляд, научно не обосновано (см. Г. А. Меликишении. Н истории превней Грузии. Тбилиси, 1954, стр. 121).

20 Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 33.

21 Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 20.

22 А. И. Шаскелишении. Указ. соч., стр. 37.

23 Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 24.

34 Инт. по кн.: С. И. Макалатия. Хевсурети. Тбилиси, 1940, стр. 23.

35 М. Вгоззеі. Нівтогіс la Georgic, 1. Paris, 1849, р. 474.

36 Цит. по переводу кн.: Н. Я. Марр. Кавказские племенные названия и местные параплели.

36 М. 1922. стр. 5.

M., 1922, crp. 5.

(1318—1346 гг.) эт и вплоть по XVI—XVII вв., в грузинских хрониках почти инкаких сведеный о северокавказских горцах не встречается. Вместе с тем известно, что в период упадка феодальной Грузии, разпираемой и внутренней фоодальной междоусобицей и ослабленной внешними врагами (персами и турками), соседние горцы — тушины, пшавы и хевсуры — отказались повиноваться кахетинскому парю Георгию I, сыну Павида (1471—1492 гг.) зв.

Есть некоторые основания считать, что районы Чечни и Ингушетии тоже рано отпали от Грузии. Так, например, историк Вахушти утверждает. что «кахетинцы считают своими дзурдзуков, глигвов и кистин, а они не ведают об этом с того времени, как отпали» зв. Косвенным образом об этом же свидетельствует и грузинский историк царевич Теймураз: «Кистины, газган и дурдзуки прежде говорили на грузписком языке и были хри-/ стианс» 40. Любонытно, что в переводе этой же фразы М. Г. Джапашвили

«талган» были заменены «глигвами» 41.

Только в начале XVII в. кахетинскому царю Теймуразу I в целях обеспечения нормальных дипломатических отношений Грузии с Московским государством пришлось лично побывать во главе своего войска у соседних горнев Северного Кавказа и в особом письме к московскому царю Михаилу Федоровичу указать их точное местонахождение. «А здесь близ Каракалканов [Парьил. — Е. К.] и меж черкасских мурз пребывают пароды кисти и оси и ниме многие цароды. А преж сего они были християне под областью государя иверского, а ныце они ин христьяне, ин турки. Н нокамест они не отпали, яко леки, и мы об имх порадеем, чтоб их крестити в православную христьянскую веру, только о том будет твое дарское произволение. А их есть больши 80 тысяч дворов» 42.

В сиязи с закрытием более удобной дороги через Дагестан, в результате происков пранского шаха Аббаса и собственных неудач в Дагестане, Теймураз вынужден был предпринять экстренные меры к обеспечению повой дороги на север, по которой могли бы осуществляться сношения с Московским государством. Этот вопрос очень беспоконя грузинского царя. В одном из писем к московскому дарю он писал: «...имеем мы другую дорогу через кистов, но та очень опасна; через Туские горы [Тушинские. -Е. К.] имеем хорошую дорогу, по она теперь завалена спегом и открывается только в июле месяце» 43. Наконец с трудом он находит новый путь.

После завершения похода Теймураз I пишет московскому царю Михаилу Федоровичу несколько хвастливое письмо: «Сам я с боярами и войском отправился ради великой любви к нарскому Вашему Величеству; пошел п открыл дорогу через Туские горы, по Псавским, Клегудским, Хевсурским и Кистинским, по которой дороге ни посол, ни древние иверские цари

²⁷ М. Г. Джанашвили. Ипвестия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМИК, т. ХХИ. Тифинс, 1897, стр. 50.

28 С. И. Макалатия. Унас. сеч. стр. 24.

29 Вахушти. Географии Грузин. Перевод М. Г. Джанашвили. Тифлис, 1904, стр. 110.

40 Цит. По ин.: С. И. Макалатия. Указ. сеч., стр. 29.

41 М. Г. Джанашеции. Указ. сеч., стр. 51.

42 М. Полистинов. Материалы по истории грузино-русских взаимостношений (1615—1640 гг.).

Томинсы, 1937, стр. 118.

43 М. Броссе. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российским государями 1639—1770 гг. СПО., 1861, стр. 24.

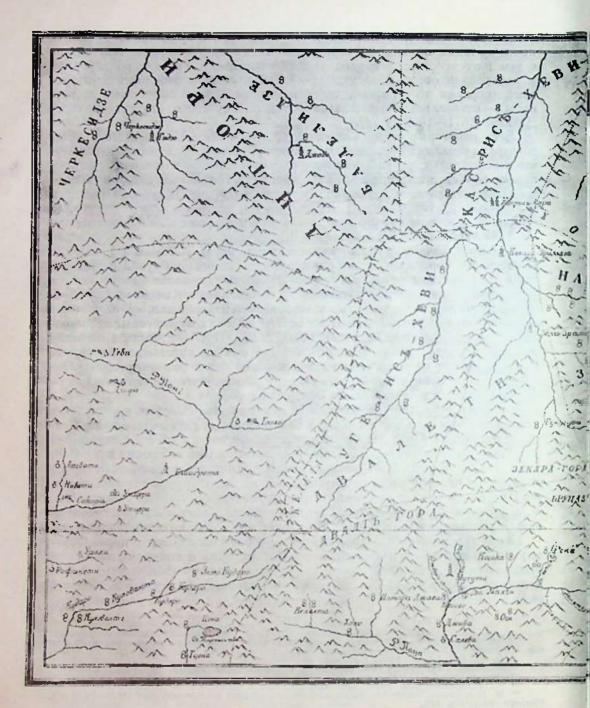
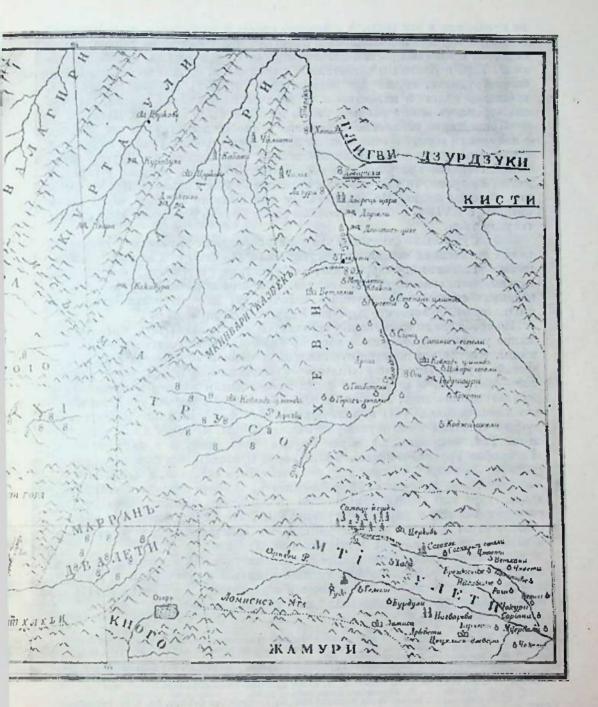

Рис. 3 Карта Северного Канказа по карте грузивского историка XVIII в.

Вахушти Багратиови (по М. Даканашвили)

не проходили в эти горы. А с божьею силою и милостью в. ц. в. [жители] всех этых гор мее подчинились и принесли мне свои старые записи, и я их скрепил, и многие крестились, и теперь еще стоят церкви, иконы и колокола. Там, в Кисте мы встретились с послами в. ц. величества, по я еще более трудился, целых два месяца, пока [открыл], очистил дорогу [...], и божьею силою и милостью в. ц. величества подчинил горцев, так что они спелались моныи рабами, так-то и сперва было во время Льва» 44.

Приведенное заявление Теймураза о якобы достигнутых им успехах в покорении горцев и открытии им новой дороги военной силой находятся в явном несоответствии со свидетельством, содержащимся в другом документе, согласно которому «тое дорогу, он, Теймураз, упросил у горских людей на время, только чтоб вам пройти к пему в Грузп» 46. Кто же были эти «горские люди»? По всем данным ими были те «кисты», через земли которых с XVII в. и были налажены связи Грузии с далеким Московским государством.

Выше уже было отмечено, что в разнообразных грузниских средневековых источниках чеченцы и ингуши были известны под самыми различными названиями: «дурдзуки», «дзурдзуки», «зурзуки», «дзурдзукиглигвы», «глигви», «кисты», «нахчи». Эти этнонимы часто упоминаются в таких основных исторических источниках, как «Картлис Цховреба»

и «Описание Грузинского царства» Вахушти Багратиони 46.

По сообщениям письменных источников можно заключить, что в содержание указанных этнонимов передко включались как ингуши, так и чеченцы. Иногда это понятие суживалось до единой конкретной этнографической группы, например «галган» — самоназвание одной части вайнаков - интушей, а «дурдзуки» были эквивалентом общего наименования всех нахов: чеченцев, ингушей и бацби (тушин) 47. Весьма показательно, что в источниках XVIII в. этнические имена чеченцев и ингушей «дзурдзуки» и «глигвы» часто звучат уже как спнопимы, а ппогда и как часть целого. Так, например, на карте Грузии, составленной в вахуштовской «Географии Грузии» и изданной М. Броссе, «Dzourdzouci» помещены в бассейне р. Армин, т. е. там, где надлежит быть «кистам», а «ghlighwi» восточнее, там, где должны были бы обитать, по более поздним источникам, «дзурдзуки» или «кисты дальние». В то же время расположение других соседних племен и пародов («гудамакары», «хевскры», «пшавы») вполне соответствует по всем другим данным их действительному расселению в высокогорных районах Центрального Кавказа.

Поэтому вполне естественно предположение, что наименования «глигвы» и «дзурдзуки» в равной степени могли относиться и к чеченцам, и к ингушам, т. е. к «нистам» как ближним, так и дальним. Еще в конце XVIII в.

И. А. Гюльденштедт отождествлял ингушей с «кистами» 48.

^{**} М. Брессе. Переписка на иностранных намках грузинских царей с российскими государями 1639—1770 гг. СПб., 1861, стр. 29. Лев (Леван) — кахстинский царь (1520—1576 гг.).

** М. Полискию. Указ. соч., стр. 289.

** Вахушии Богратиони. Описание Грузинского царства. Под ред. Н. Бердоснивния и Т. Ломоури. Тбилиси, 1941 (на груз. на.); «Картлис Цховреба», т. І. ІІ. Под ред. проф. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955 (на груз. на.). См. такне: А. И. Шоскханивнии. Указ. соч., стр. 6.

** Р. Л. Харадзе, А. И. Робахидзе, Указ. соч., стр. 26.

** J. A. Guldenstadt. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirge, Bd. I. St. Petersburg,

Географическое описание интересующих нас районов заключается в следующих строках произведения царевича Вахушти: «К вопросу о кисти. Теперь же начном (описание) кавказцев к востоку от Хеви, так что закончили (описание) западной части. В конце Хеви, где выходит на равнину река Арагва, или Ломеки [Терек.— Е. К.], к этому Арагви выше поселения Хетадзе присоединяются Кистетская и Дзурдзукская реки. Эта последняя присоединяется с востока, вытекает из Дзурдзуки и Пшав-Хевсуретии (которая есть Пховели), между Кавказом, течет с юга на север и слегка на северо-запад. Длиной (оца) от Кавказа до Ломеки. Где же соединяются эти две реки, там между (ними лежит) Джариехи, скала большая, окружающая большую долину, утесистая, и этим она весьма крепка, и построена (там) башия большая со стеной, подобно крепости.

И выше этой реки, в ущелье, выше этого Джариехи расположена страна

кистов (имеющая) поселения (и) строеция.

К (вопросу о) Дзурдзукии. Опять же южнее этого, выше Кистети, расположена Дзурдзукия, (имеющая) строение (и) поселения; те и другие с башнями. Эти ущелья ограничиваются: с востока Кавказом (расположенным) между Кист-Дзурдзуки и Глигви; с юга Кавказом (расположенным) между Пшав-Хевсурстией и Дзурдзуки; с запада Кавказом (расположенным) между Кист-Дзурдзуки и Хеви; с севера Кавказом (расположенным) между Черкессией и Кистети. И проходят дороги из Кист-Дзурдзуки через эти Кавказы (в) Хеви Пшав-Хевсурстию, Глигвети и Черкессию.

К (вопросу о) Глигви. А с востока этой Кист-Дзурдзуки расположен Глигвети, (так) наименованный от Глигоса, внука Дзурдзукоса, или названные (так) за неодетость, река, которая вытекает (из) Кавказа (идущего) между Пшавней и Глигви, и течет с юга на север и присоединяется (к)... реке, (а) потом присоединяется к Богариской реке. На этой реке расположен Ангушт, посоление большое. И (застроено) это ущелье строениями и поселениями... А жители Ангушта похожи на черкесов, религией магометане, суппиты... Но эти ущелья, которые мы описали, первоначально назывались все они Дзурдзукией, ныне же разделяются так» 49. Крайне интересно, что в другом месте грузинский географ писал, что «Дзурдзукетия опять разделилась на Дзурдзук, Кист и Глигв» (рис. 3).

В трудах европейских ученых и путешественников и русских авторов конца XVIII и XIX вв. мы уже почти не встречаем ранее так часто употреблявшихся названий «дзурдзуки» и «глигви» 60. Грузинское же название «кисты» прочно вошло в кавказоведческую литературу, посвященную пигушским племенам. За отдельными племенами чеченцев и ингушей теперь уже закрепляется или самоназвание или название, данное им окружающими соседями и русскими, с которыми ингуши установили довольно прочные отношения с 1769 г., когда они были приняты св российское подданство и дали аманатов 61». Известно, что в 1770 г. в присутствия

⁴⁹ А. П. Шовхелишенли. Указ. соч., стр. 121 (приложение — выдержил из «Описания Грузниского парства» Вахушти в переводе С. Канабадае). 40 П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. І. СПб., 1869, стр. 300. 41 Л. Гюльденштедт. Географическое и статестическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. стр. 77—113.

акад. И. А. Гюльденштедта русский офицер принямал от ингущей

присягу в верности и взяд аманатов (заложников).

Опуская довольно вопробное, но палеко не точное описание отпельных ингушских и чеченских племен, данное акап. И. А. Гюльпенштелтом и легшее в основу дальнейших исследований по истории ингушей, отметим, что в целом риде работ отмечается смешение названий отдельных ингушских племен. Так, например, по Штедеру 32 и Палласу, одно и то же влемя именуется ингушами или «кистами», по Клапроту — ингуши то же, что «галга», а С. Броневский главным образом на основании данных И. А. Гюльденштедта прямо говорит, что «кисты сами себя называют попеременно кисты, галга, ингуши и одно название вместо другого употребляют» 53.

Обычно полобевя картина наблюдается в тех случаях, когда то или иное племя или даже народность в силу своего социально-экономического превосходства и значимости постепенно переносит свое название на ряд соседних этнически родственных, а пногда и неродственных групп

населения.

Ниже ым помещаем довольно точные сведения о названиях и местоположении отдельных ингушских племен, какими располагала историческая наука в середине прошлого столетия. Сведения эти взяты у А. П. Берже, который причислял ингушей вместе с чеченцами к единому этинческому, так называемому вайнахскому массиву 54 (рис. 4).

1. Назрановцы. Занимают низменные места, орошаемые реками Камбилейкой, верхней Супжей и Назрановкой до внадения р. Яндырки в Сунжу, и по Тарской полине. Они являются спимми из первых переселенцев с гор

на плоскость и здесь получили название петушей.

2. Карабулаки (от тюркского «кара» — черный и «булак» — источник). Занимают равнину, орошаемую реками Ассой, Сунжей и Фортангой, по течению которых и расположены их аулы. Сами себя карабулаки называли «арштхойцами» — «аршти». Между прочим в райопе с. Бамут на левом берегу среднего течения р. Фортанги до сих пор сохранились два небольших селения Аршти и Новый Аршти 55 — следы некогда живших вдесь нарабуланов («арштхойцев»). В 1860 г. почти все нарабулансное племя переселилось в Турпию ⁵⁶.

3. Галашевцы. Расселены по рекам Ассе и Супже. В 1851 г. их общество состояло из 30 аулов, 39 дворов (1139 мужчии и 992 женщины, всего

2131 чел.).

4. Джерахи. Проживают по обоим берегам Макалдона (осетинское название р. Армхи, правого притока р. Терека).

⁵¹ Steder. Tagebuch einer Reise die im Jahr 1781 von der Gränzfestung Nosdok nach dem Inneren Caucasus unternommen worden. St. Petersburg und Leipzig, 1797, S. 27.

52 С. Броневский. Указ. соч., стр. 153.

53 См.: А. И. Берже. Ченя и чеченцы. Тифиис, 1859, стр. 81.

54 Р. М. Мунчаеs. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии. КСИА, вып. 84, 1961,

стр. 56.

36 В научных кругах в настоящее время больше склонны относить карабулаков к чеченнам, не отрищак из близости и и негушам. По мнению же Н. Г. Ахриева, карабулаки, или арштхойцы, занимают в ламковом отношении промежуточное положение между чеченнами и шнушами, но они ближе к последяны. Не случайно остатки нарабулаков, не считающих себя чеченнами, по сих пор проживают именко в Ингушетии в селенвях Верхиий и Нежний Аршти, Бамут, Датых, Сагопш. Это же подтвердил в письме ко мне от 20. IV 1963 г. знаток внгушского языка в культуры проф. Д. Д. Мальсагов.

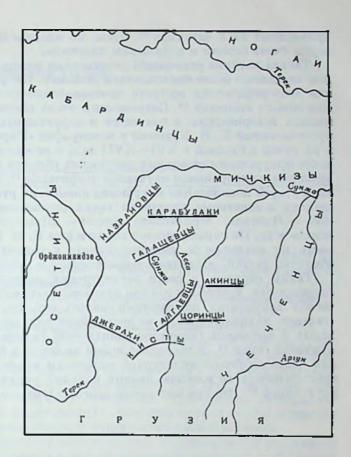

Рис. 4 Карта ресселения ингушских племен в XVIII в. (по А. П. Берже)

5. Кисты. Разделяются на ближних и дальних. Ближние расселены по ущельям Макалдона, а дальние — по ущельям р. Аргуна. Общество дальних кистин состояло в 1851 г. из 21 аула, 402 дворов, 3267 чел. (1620 мужчин и 1647 женщив).

Общество ближних кистин сосредоточено в глубокой котловине, окруженной со всех сторон высокими хребтами, идущими от Главного Кавказского хребта и замыкающимися в долине Терека, у Джераховского укрепления, близ которого р. Кистинка (Армхи) впадает в р. Терек. В этом обществе в 1967 г. считалось 32 аула; они большею частью расположены по берегам р. Кистинки. Самый большой аул Джерах состоит из 20 дворов.

6) Галгаевцы. Обитают у верховьев р. Ассы и по берегам р. Тоба-чочь,

между кистинами, цоринцами и акинцами.

7) Цоринцы. Обитают в верховьях восточного истока р. Ассы. В 1851 г. это общество состояло из двух больших и трех малых аулов (87 дворов, 774 чел., из которых 390 мужчин и 384 женщины).

8) Акинцы. А. П. Берже считает их ингушскими племенами. Но в настоящее время большинство историков, языковедов и этнографов

причисляют их к чеченцам 57, хотя, по мнению Н. Г. Ахриева, акинпы-

горцы очень близки к ингушским племенам.

Такова картина расселения родственных между собою ингушских племен по данным более чем столетней давности. Ею фиксируется относительная этнографическая пестрота древпевайнахского массива и отсутствие еще общего этнонима 68. Современный очень обстоятельный анализ письменных исторических, в том числе и нарративных, русских источинков, произведенный Е. Н. Кушевой в монографии «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв.», в основном подтвердил правильность причрочения отдельных ингушских обществ к определенным географическим микрорайонам изучаемой территории 60. Наряду с подтверждением старой локализации ингушских племен, по русским источникам были сделаны и некоторые уточнения таких синонимов, как «калки» — «галгай» — «глигви», «ероханские люди» — «Джерах» — «жарехи» — «Джариехи» и др. По справедливому заключению Е. Н. Кушевой, «центральное место по значению и местоположению в горной Ингушетии занимало общество галгай, название которого имело и более широкое значение» «0.

Таким образом, в свете рассмотрения разнообразных исторических свидетельств, чечено-ингушские племена, значившиеся в древиих исторических документах под именами «пахче», «кусты», «дзурдзуки», «глигвы». «ганган», являются одними из древнейших народов Кавказа. Они принадлежат к восточной (дагестано-вайнахской) группе пберийско-кавказской языковой семьи 61. В последнее время выявилась возможность установления более глубокой культурной подосновы пропохождения общекавказского этнического массива, своими кориями уходящего еще в неолитическую эпоху ⁶². Это придает новый аспект изучению и ингушской истории.

^{**} Ю. Л. Демерисс. Указ. соч., стр. 25; Н. Г. Волково. О расселении чеченцев и нигушей в первой половине XIX века. ИЧЕНИИ, т. VII, вып. 1. Грозный, 1966, стр. 90.

** Отмечаемые в грузивских источниках факты обобщения всех вайнахских племен под названяями «глитвы» или «пурдзуки» вряд ли можно считать правыльными. Только этновии «глига» является таковым для более поздисто времени.

** Е. Н. Кушеве. Указ. соч., стр. 64: «Книга большому чертежу». М.—Л., 1950, стр. 88.

** Е. Н. Кушеве. Указ. соч., стр. 65.

** С. Н. Кушеве. Указ. соч., стр. 65.

** Е. И. Кушеве. Указ. соч., стр. 65.

** Е. И. Кушеве. Кушеве. Купетенский купьтура Карказа и карказская этническая общность. Сл., 1984, № 1, стр. 26—44.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИНГУШЕЙ

Несмотря на трудности решения этногенетических проблем, попытки их постановки и разработки в современных общеисторических исследованиях вновне естественны и закономерны. Проблема происхождения того или пного парода настолько актуальна, что при любых условиях она встанет перед исследователем и потребует от него посильного освещения.

В настоящее время общепризнанно считать, что проблема этпогенеза это прежде всего комплексная проблема. На течение этногенетического пронесса действуют самые различные факторы, характеризуемые определенными признаками, специфичными для материальной и духовной культуры народа. Только при должном учете показателей всех этих признаков, изучаемых целым рядом научных дисциплин (археология, этнография, антропология, история, языкознание), с большим правом можно надеяться па более или менее верное решение этногенетической проблемы.

Этот принцип комплексного использования всех возможных источников мы и положим в основу нашей попытки освещения вопроса о происхождении ингушей. Оговоримся сразу, что, поскольку предки чеченцев и ингушей исторически были теспо связаны между собой, в освещении этногенеза ингушей в рядо случаев одновременно будет затрагиваться и вопрос о происхождении чеченского парода как более многочисленной и, может быть,

ведущей ветви единого вайнахского этнического массива.

Рассмотрим последовательно те теории и заключения о происхождении чеченцев и ингушей, которые существуют в исторической литературе и основаны главным образом на языковых данных.

Акад. П. С. Паллас, например, высказал предположение, что ингушские племена «кисты» являлись прямыми потомками адан 1. Основанием для такого суждения было наличие в кистинском наречии ингушского языка понятия семибожия («Ардауда»), выражаемого аланскими словами «вар» (семь) и «дада» (отец) или «дела» (бог). Как известно из «Перипла Черного моря» анонимного автора V в. и Скимноса Хиосского 2, греческий

¹ См.: P. S. Pallas. Bemerkungen auf einer Reiso in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, Bd. I. Leipzig, 1799.

³ В. В. Латишев. Известия древнях писателей о Скифик и Кавказе. ВДК, 1947, № 4.

город Феодосию таврические алашы называли «Ардабда» (т. е. «семибожный»)³. На это обратил внимание еще С. Броневский, одновременно заметивший, что эти словосочетания («Ардабда», «Ардауда», «Вардада») при сравнении со словарем навназских наречий И. А. Гюльденштедта обнаруживают и некоторые расхождевия ⁴. Существующее же не только в алано-осетинских, но и в абхазских древних культовых представлениях понятие семибожия с культовыми терминами «арды», «грды», «ерды» в осетинском и ингушском языках («Аларды» — в осетинском, «Гальерды» — в ингушском) ⁵, позволяет судить лишь о значительных следах аланского влияния в местных (так называемых яфетических) языках народов Кавказа, но не больше. Для установления же прямой генетической преемственности,

скажем, пигушей или абхазов от алан нет никаких оснований.

В 1928 г. Б. А. Алборов посвятил этому вопросу специальную статью. В противоположность высказанному взгляду об пранском происхождении осетинских терминов «Alardi», «Alaurdi», он вместе с ингушским «Hal'erdy» возводил их к шумеро-аккадской, т. е. семитической, основе, что представляется еще менее правдоподобным в. При толковании происхождения «Аларды-Гальерды» Б. А. Алборов весьма поверхностно исходил из особенностей религиозных представлений шумеро-аккадов, ассирийцев, вавилонян, отчасти хеттов и даже египтян и заключал, что «одна из составных частей осетинского и ингушского народов прибыла из тех мест, где сильно было религиозное влияние указапных выше древних народов» г. В свето современных данных это заявление звучит совершенно неубедительно, ибо все эти народы относятся к различным языковым системам, вернее, семьям, каждый имел свои особые исторические судьбы и к кавказским народам не имел прямого отношения.

Только в качестве курьеза можно привести мисние антрополога И. Павтюхова о происхождении чеченцев и ингушей от сирийских халдеев и иракоязычных татов. В обоснование своего заключения он положил наблюдение над волосатостью тела и некоторые антропологические показатели у ингушей. Правда, И. Пантюхов сам отказывается говорить о том, «как природа и обстоятельства переделали ингушей из халдеев и татов чуть не в чистых чеченцев» в, оставляя свою теорию образчиком антинаучных построений и примером крайнего дилетантизма и вульгаризаторства.

Первые же серьезные лингвистические работы П. К. Услара и Л. П. Загурского послужили основанием для выделения чеченского и ингушского языков из окружающей среды и отнесения их к самостоятельной «восточно-горской группе языков срединной части Кавказского края» 9. Ряд последующих авторов, оперируя главным образом этими тезисами, основанными на языковых данных, также относили ингушей к восточнокавказской

^{*} В. И. Абасе. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 21.

* С. Бронесский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. И. М., 1823, стр. 154.

стр. 154.

Б. А. Алборов. Ингушское «Галь-ерды» и осетивское «Аларды». ИИНИНК, т. І. Владыкавказ, 1928, стр. 349.

Там же, стр. 425.

Б. А. Алборов. Указ. соч.. стр. 425.

«Известия кавказского отделения имп. Русского географического общества», т. XIII. Тифлис,

^{*«}Известия кавказского отделения имп. Русского географического общества», т. XIII. Тифлис, 1900.

• П. И. Услор. Этнография Кавказа, вып. 2. Чеченский язык. Тифлис, 1888; Л. П. Загурский. Этнологическая илассификация кавказских языков. «Кавказский календарь на 1888 г.» Приложение.

семье народов и считали их одной из вствей чеченского народа 10. Западноевропейские языковеды (Р. Эркерт, А. Дирр, Н. Трубецкой, А. Тромбети и др.) тоже объединяли чеченский, ингушский и тушинский языки в единую чеченскую, или кистинскую, группу 11.

В 1915 г. акад. Н. Я. Марр выделил ингушский язык вместе с чеченским и дова-тушинским (бацбийским) диалектами в особую чеченскую группу 13. позднее пазвав ее срединной ветвью яфетических языков Северного Кав-

каза 13.

Панцые последующего изучения народов — носителей чеченского. ингушского и бацбийского языков — полностью подтверждают это положение. Исследование же языковых особенностей этих народов позводило по только поместить их в одну группу, но и объединить единым термином — «пахские пароды» или «пахский изык». Так, известный кавказовед Ю. И. Лепериев прямо говорит о «пахских пародах» и «общенахском языке». На основании тщательного анализа особепностей языка чеченцев, ингумей и бацбийцев он считает, что эти языки образовались в процессе распада более древнего общенахского языка-основы, некогда характерызовавшегося едиными признаками — вокализмом, консонантизмом, системой склонения, спряжения и др. В итоге он приходит к признанию самостоятеньности этой явыковой группы в единой кавказской семье языков, зацимающей промежуточное положение между дагестанской и абхазоадыгской группами 14.

Между прочим, немаловажным является и то обстоятельство, что принадлежность всех этих народов к единой лингвистической группе блестяще подтверждается и общностью их материальной и духовной культуры, в особенности чеченцев и ингушей. Эта общность все более подкрепляется наблюдениями над формами жилищ, предметами быта и другими категориями древией и средневековой материальной культуры вайнахов 16. Опыт новейших археологических исследований доказывает глубицу и давпость происхождения ряда форм материальной культуры, уходящей

своими корнями в I тысячелетие до и. э. и даже глубже 16.

Не менее важными являются заключения антропологов, рассматривающих чеченцев и пигушей как представителей единого так называемого кавкасионского антропологического типа, характерного для всего современного паселения Центрального Кавказа 17.

¹⁰ Г. Н. Казбек. Военко-статистическое описание Терской области, ч. 1. Тифиис. 1888, стр. 107. 11 М. Я. Немировский. Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики. ИИНИИК, т. I. Владинавказ, 1928, стр. 299—348. 11 Н. Я. Марр. Кавказаведецие и абхазский язык. ЖМНИ, 1916, № 5, стр. 12 и 16; ок же. Племенной состав населения Кавказа. Пг., 1920, стр. 44. 13 БСЭ, т. 15, стр. 840; т. 65, стр. 941. 14 БСЭ, т. 15, стр. 840; т. 65, стр. 941. 15 БСЭ, т. 15, стр. 840; т. 65, стр. 941. 16 С. И. Демериев. Сравнительно-историческая грамматика нахових языков и проблеми происхождения и исторического развития горских кавиазских народов. Трозный, 1963, стр. 61, 532. 16 Е. И. Крулков. Песять лет деятельности Соверомавказской археологической экспедици в Чечено-Ингушской АССР. АЭС, т. III. Грозный, 1989, стр. 18; В. И. Марковик. Чеченские средневсковые памятивки в верховьях р. Чапты-Аргуна. ДЧи. М., 1963; ок же. В ушельях Аргуна и Фортанги. М., 1965; ок же. В страве вайнахов. М., 1969. 1969. 1965; ок же. В страве вайнахов. М., 1969. 1

Весьма интересно, что антропологическое обследование интушского народа, проведенное в 30-х годах нашего столетия экспедициями Московского антропологического института под руководством круппого советского антрополога проф. В. В. Бунака, еще тогда позводило ему высказать следующее: «В отдалевнейшую эпоху... Северный Кавказ был заселен двумя потоками народа: одним — пвигавшимся по запапной окраине Кавказа, другим - по восточной. Оба эти потока родственны с народностями Малой Азии. В центре Кавказа они встретились и образовали собственный своеобразный тип, в разных видоизменениях встречающийся к югу от Главного Кавказского хребта, но в известной мере проникций и на северные его склоны. Среди ингушей этот собственный кавказский тип сохранился более чем у кого-либо из других северокавказских народов» 18. Позднее другой видеми советский антрополог проф. Г. Ф. Дебец признал, что кавкасмонский антропологический тип «самый кавказский из всех кавказских» 10.

Приведенное выше заключение В. В. Бунака об участии в формировании антропологического типа кавизание каких-то южных малоазийских элементов с указанием направлений движения этих элементов почти полностью совпадает с положениями Н. Я. Марра, высказанными им еще в 1916 г. Выясняя происхождение горских языков северной полосы, так называемого яфетического мира, Н. Я. Марр установил отдаленнейшую связь их с древними «яфетидами», некогда живними в соседстве с просвещенными народами Малой Азии 20. Любопытно, что эти тезисы крупнейших антрополога и историка-лингвиста полностью подтверждаются последними выводами археологов: по памятникам материальной культуры также устанавливаются очень давнее кавказское культурное единство 21, нозможная этипческая общиость и связи этой культурной общиости с культурой Закавказья и Малой Азил еще в III тысячелетии до п. э. 32 В разной степени это признается и представителями исторической науки, в частности акад. Г. А. Медикишвили 23, проф. И. М. Дьяконовым 24 и др.

Таким образом, можно считать, что ингуши, как и чечениы, являются потомками одних из превнейших и коренных обитателей Кавказского перешейка. С давних пор они развивались в контактах с окружающим миром, проявлявшихся в разных формах — и в бранных делах, и в мирных деловых сношениях.

Исследователи, занимающиеся изучением истории ингушей, отмечают следы их различных культурных взаимоотношений с другими пародами. Доказательствами этих связей являются и памятники материальной культуры, общность или сходство поведения, существующих обычаев (адатов) и (в большей степени) словарный материал. Последовательно рассматривая состав этих источников, мы вынуждены признать, что больше всего обна-

²⁸ В. В. Бунах. Антропологическое изучение чечено-ингушского народа. «Грозненский рабочий», 5. VII 1935.
19 Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Дагестане. ТИЭ, т. Х.Х.III. М., 1956, стр. 214.
20 Н. Я. Морр. Кавиазоведение и абхазский яаык. ЖМНП, 1916, № 5.
21 Р. М. Мумчаес. Древвейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МНА, № 100. М., 1961.
22 Е. И. Коринос. Древвейшая культура Кавказа в навназская этническая общность. СА,
1964, № 1, стр. 41.
23 Г. А. Меликишенан. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 120.
24 И. М. Дъяконос. Предыстория арминского народа. Вреван, 1968, стр. 23, 119.

руживается фактов, свидетельствующих о грузино-ингушских взаимоотпошениях.

Весьма показателен факт наличия в ингушской лексике элементов грузинского языка. Заимствованиую из грузинского языка лексику можно

разделять на две категории.

К первой категории относятся слова, которые следует приурочить к более ранией поре общения ингушей с грузинскими племенами. Таковы: «известь», «верхике этажи», «башни», «потолочная жерць», «падка», «пида», «Щіппы», «коса», «серп», «мотыга», «люлька», «тренога», «путы», «лук», «дуб», «пламя», «огонь», «миска иля молока», «мещок», полный комплект пахотных оруний и т. п. Среди названий животных также встоечается ряд грузинских заимствований. Так, осел, бывший некогда главным транспортным средством, только с улучшением порог вытесненный верховой и выочной лошадью, именуется ингушами по-грузински — «вир». Слова «курица», «кошка», «маленькая лошадь» и другие также связываются с грузинскими цазваниями этих животпых 26.

Несомпенно, при более тщательном анализе ингушского словаря можно проследить последовательные этапы языковых и культурных связей с грузинами. Копечно, такие термины, как «известь», «пида», «шинцы», «маникули» и др., попали в обиход пигушей позже, чем слова из основ-

ного словарного запаса («огонь», «дуб», «палка» и др.).

Ко второй катогории относятся слова, появившиеся в Ингушетии вместе с проповедью христианства, что подтверждается наличием на ингушской территории грузинских храмов «Тхаба-Ерды», «Альбы-Ерды». Грузинское происхождение имеют такие названия, как «пятница», «суббота», «воскресенье», «неделя», «понедельник», «крест», «пост», «ад», «свеча»,

«дворец», «часовия», «свадьба» и т. п. 26

Иптереспо было бы также проследить, не являются ли грузинскими этинческие и топонимические имена и названия с окончаниями на -хи 27, аналогичные ингушским Арм-хи (белая река или вода), Сурхо-хи (красная река, вода), Пседа-хи (красивая река или хорошая вода) и т. д.28 По свидетельству грузинского историка царевича Теймураза, «кистины, галган и дзурдауки прежде говорили на грузинском языке и были христиапе» 29. Конечно, это нужно понимать не в буквальном смысле, исключающем существование своего языка.

Возможно, некогда подобных «грузинизмов» в ингушском языке было гораздо больше, но постепенно они вытеснялись при последующем общении ингушей с тюркскими народами и с алано-осетинами, обогатившими их

КУМЫКСКИМИ И ОСОТИНСКИМИ СЛОВАМИ 30.

«Грузинские племена, - писал Н. Я. Марр, - рано появляются на Кавказском хребте и успевают оказать свое языковое влияние на чеченский

А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей. ЗКВ, т. V. Л., 1930, стр. 740.
 У. Лаудасс. Чеченское племя. ССКГ. вып. VI. Тифлис, 1872, стр. 57; А. Н. Генко. Указ. соч., 738—759.

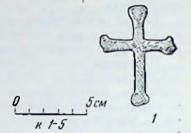
стр. 738—759.

37 Н. А. Джазакишвили. Основные историко-этнопогические проблемы истории Грузии, Кавказа и Епининего Востока превнейшей эпохи. ВДИ, 1939, № 4, стр. 47.

38 В. И. Хрисписнович. Гориал Ингушил. Ростов-на-Дону, 1928, стр. 681.

39 Паревич Теймураз. История Грузии. Спб., 1848, стр. 36.

10 О наличии следов других влинний в вигушеном языне см.: А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 681—
762: В. И. Абасе. Осетино-вайнахские лексические параллели. ИЧИНИИ, т. 1, вып. 2. Грозный,
1954, стр. 115—117; Ю. Д. Цешерисе. Указ. соч., стр. 26—31.

Pac. 5

Комплект железных крестов (I-5) и броизовых поясных блях (6, 7 винзу), найденных Л. П. Семеновым в 1929 г. в тайнике святилища «Эрзеля» близ с. Эрэп

и туминский (галгайский) языки. Бесспорно необычайно глубокое влияние

грузинского народа на язык, исихпку чеченского племени» 31.

Не следует забывать, что так называемые нахокие народы (включая пытушей) и грузины, принадлежа к одной языковой семье кавказских вародов (иберийско-кавказская языковая семья), в далеком прошлом имели между собою больше общих элементов и более тесные связи, чем позднее с западными соседями - праноязычными осетинами.

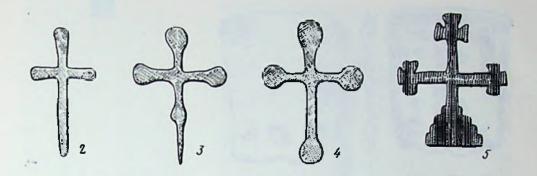
Еще И. А. Гюльденителт выясиня, что в превише времена «сей народ

был подвластен Грузии».

По С. И. Макалатия, «в XI в. Хевсурети (Пхови) вместе с Кистети и Чечней (глигвы и дзурдзуки) в административном отношении являлась частью Кахетии и подчинялась кветерскому эристави» 32. Паревич Вахушти писал, что «кахетинцы считают своими дзурдзуков, глигвов и кистин, а они не ведают об этом с того времени, как отпали» 33. Некоторые группы хевсуров, тушин и пшавов и до сих пор вмеют культуру, близкую к ингушской. Согласно Вахушти, тушины Пароманского (Пприкительского) ущелья «верой и языком смещаны с кистами». По другим данным, «повские и пирикительские тушпны суть кистинского происхождения». А. Н. Генко был даже склонен считать, что «древнейшим очагом чеченоингушского национального бытия была современная Тушетия, впоследствии огрузинившаяся» 34.

Памятники материальной культуры этих народов также обнаруживают черты, общие с ингушскими памятниками. Постройки в Пшавии, Хевсуретии и Тушетии сходны с ингушскими. Таковы жилые и даже боевые башви, многочисленные склеповые сооружения, сложенные из местного кампя с перекрытием из тонких плит шиферного сланца 36. Хевсурские и тушинские башни с пирамидальными крышами по технике кладки и конструкции весьма близки к ингушским боевым башням 36. С подобными крышами из-

¹¹ Н. Я. Марр. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. ИАН, № 15, 1916, стр. 136.
22 С. И. Макалатил. Хевсурети. Тбилиси, 1940, стр. 24.
33 Вахушти Багратиони. География Грузии. Тифиис, 1904, стр. 110.
34 А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 710.
35 В. Н. Худадов. Мегалитические памитники Кавказа. ВДИ, 1937, № 1, стр. 198.
36 С. И. Макалатил. Указ. соч., стр. 100.

вестны древние молельни (святилища) в Пшавии. Хевсуры и тушины считают, что строительное мастерство (постройка башен) и ним было завесено

пигушами.

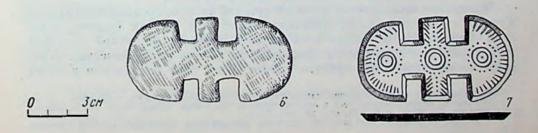
Здесь уместно вспомнить о значительном наборе медных и бронзовых массивных орнаментированных поясных блях, пряжке и наконечниках поясного ремия (всего 16 шт.) из окрестностей г. Манглиси (Грузия) 37. Подобные бляхи были обнаружены Л. П. Семеновым в тайнике одного из ингушских святилищ (рис. 5). Время бытования этих предметов пока не поддается точному определению. Манглисский поясной набор найден в каменном ящике с вещами, допускающими предположение о более ранней дате, чем известные ингушские памятники. Близкие манглисскому комплексу части поясного набора недавно поступили в Грозненский музей из раскопок разрушившейся грунтовой могилы в с. Ольгите в Джерахском ущелье (рис. 6).

Эти находки, относящиеся к раннему средневековью, в тайник святи-

лища могли быть положены намного позже.

Некоторые ингушские культы имеют особенности, присущие культам, некогда бытовавшим у отдельных грузинских племен. Существовавший до сравнительно позднего времени в Ингушии культ женского божества Тупюли (богиня плодородия, деторождения, размножения и т. д.) носил ярко выраженный фаллический характер. Весьма редким па Кавказе является фаллический памятник, до 1930 г. стоявший перед святилищем

³⁷ «Museum Caucasicum», т. V. Тифлис, 1902, стр. 90, № 2239.

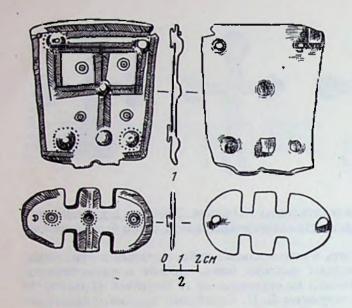

Рис. 6
Части поясного набора
(бронза) из грунтовой могилы в с. Ольгите. Доставлены в Чечено-Ингушский музей в 1965 г.

ингушского с. Кок ³⁸ (рис. 7). Подобные массивные памятники, если не считать многочисленных бронзовых статуэток, найденных па Северном Кавказе и в Закавказье и восходящих еще к эпохе кобанской культуры, известны только в Закавказье. В окрестностях г. Ахалкалаки близ ст. Мурдтахсти находятся еще два каменных фаллических памятника ³⁸. О других фаллических памятниках из этого же Ахалкалакского района, в частности о памятнике из Катахевского монастыря, упоминает П. А. Флоренский ⁴⁰. Церемонии, совершаемые вокруг этих памятников местными женщинами, также напоминают собой действия ингушек, желавших иметь детей.

Несколько массивных фаллических памятинков из разных пупктов Советской Армении экспонированы в Армянском государственном музее в Ереване. В различных местах Грузии (включая и Сванетию) до позднего времени бытовали верования и обряды с ярко выраженным фаллическим оттенком, аналогичные ингушскому культу Тушоли.

В заключительной части своей интересной работы, посвященной культу Тушоли у ингушей, Е. М. Шиллинг писал: «Так же как Тушоли, сванский «Сакмиссай» не может быть целиком выведен из глухой нагорной территории, где держащееся вопреки всем физико-географическим условиям земледельческое хозяйство являет собой факт сохранения в горах

^{**} В настоящее время памятник находится в Чечено-Ингушском музее в Гроэном.
** Ростом. Ахалкалакский усяд в археологическом отношеник. СМОМИК, т. ХХV. Тифлис.
**1898, стр. 93—94; МАК, вып. ХИ, стр. 28, рис. ХИИ.
**40 П. А. Флоренский. Фаллический памятник Каталевского монастыря. «Живая старяна», вып. 1, 1908.

Piic. 7 Фаллический памятник блаз с. Кок

традиций, заиссенцых из более южных районов. Точно так же и корни ингушского культа Тушоли, характерного для земледельческого обихода, следует искать не па Северном Кавказе, а в кругу старой земледельческой культуры, связанной с весенним праздинком возрождающейся природы, божествами плодородия и фаллическими образами, направленными на обеспечение урожая» 41-42.

А. А. Захаровым приводится ряд параллелей ингушскому культу Тутоли в древних культах Передней Азии 43. Действительно, аналогичных примеров из культов северокавказских народов, кажется, нет. Есть лишь не совсем достоверные сведения о нахождении отдельных памятников

(якобы фаллических) в районах Северного Кавказа.

Лингвистический разбор имени Тушоли, произведенный в специальной статье 3. К. Мальсаговым с выделением корпя «Туш» («ли» является суффиксом принадлежности), предположительно позволяет сближать этот корень с корнем имени халдского бога Туш-ба 44. Позднее правомочность этого сближения с хурритским Тешубом и уратским Тейшебом была подтверждена Д. Д. Мальсаговым и Ю. Д. Дешериевым 46.

Таким образом, из рассмотрения одного из основных древних ингушских культов — культа Тушоли вытекает, что исторические корни культа следует искать где-то па юге, возможно в Грузии. Некоторые нагушские

^{41—42} См. об этом: Е. М. Шилаинг. Культ Тупюли у ингушей. ИИНЧИК, т. IV, вып. 2. Орджо-никидзе — Гроспый, 1934—1935, стр. 98. 43 Там же, стр. 114. 44 Там же, стр. 126. 45 Ю. Д. Дешериев. Указ. соч., стр. 56.

Рис. 8
Житель с. Шуан Бунухо Шажоев, сообщивший экспедиции о произлом быте пигушского народа.
Фото И. Л. Щеблыкина, 1929 г.

мифы (например, миф о дэвах) также сближаются с мифами народов Закавказья и даже Передней Азии. В ингушском и чеченском фольклоре сохранились многочисленные упоминания о южном происхождении отдельных чечено-ингушских родов. Эти предания оказывают существенную помощь в выяснении происхождения и этичческого состава изучаемого народа. Некоторые фамилии выводят своих мифических предков из Ирана, Турции, Аравии, Сирии, Дагестана за, сопровождая свои рассказы такими подробностями, что происхождение этих легенд уже нельзя не поставить в прямую связь с мусульманизацией чечено-ингушского народа, начавшейся не ранее XVI—XVII вв. за и окончательно закончившейся у ингушей только в середине XIX в. В одном предании об арабах прямо говорится, что арабские воины, приблизившиеся из Чечни к пограничным ингушским районам и предложившие пегушам принять мусульманство и подчиниться их власти, положили основание некоторым ингушским

Г. А. Вертенев. Ингули. ТС, вып. 2. Владинавназ, 1892, стр. 80.
 В. И. Марковин. Чеченские средневсковые памятынки в верховыях р. Чанты-Аргуна, стр. 272.

фамилиям 48. В ряде случаев в этих предациях проявляется тенденция феодализирующейся верхушки отдельных родов связать свое происхождение с классовыми обществами и как бы обосновать свое превосходство ная соплеменинками 40.

Другие фамилии ведут свое происхождение от кабардинцев, фиренгов (европейцев) и даже от грсков («джелтов», «джилинов»). Но, кажется, больше всего и ингушские, и чеченские предания упоминают о грузинском происхождении многих чечено-ингушских родов и фамилий. Почти в каждом гориом ингушск<u>ом ауло</u>можно услышать предание о связях ингущей с отдельными грузпискими влеменами, ближайшими их соседями. В специальной литературе опубликовано немало сведений о пересолении в далеком произлом ингушей из Грузиц, об уходе ингушей в Грузию и об обратном возвращении их на родину.

Образование кистинского общества народное предание связывает с некоторыми событиями из грузпиской истории. Мнимые родоначальники ингушских фамилий Евлоевых (населяющих несколько горпых аулов в Ассинском ущелье: Евлой, Нюй, Пялинг), Зауровых из с. Салги и других считаются выходнами на Грузии. Фамилия Бекбузаровых из с. Хамхи, как предполагают, происходит из Хевсуретии, «Несколько ингушских фамилий из Джерахского ущелья когда-то давно выселились в Грузкю и живут там где-то близ Тифлиса. Переселились они из-за какой-то ссоры с другими фамилиями, жившими в Джерахском ущелье. По рассказам, потомки выселившихся в Грузию ингушей приходили временами в Джерахское ущелье, чтобы брататься с местными жителями, поддерживать прежине родственные связи» 50.

Имена некоторых грузинских царей были очень популярны в ингушской среде. Возникновение таких древнейших ингушских аулов, расположенных в верховыях Ассинского ущемыя и считающихся колыбелью питушской культуры, как Таргим, Эгикал, Хамхи, Мецхал, Фалхан и других, предания относят к периоду царствования грузинской царицы Тамары (XII в.). Среди нехристианских имен далеких предков отдельных ингушских обществ встречаются явно не местные, а христианские имена, такие, как Леван. Мануил и другие, скорее всего поцавшие сюда из Грузии. По мнению Ю. И. Дешериева, еще сильнее чувствуется влияние грузинского языка, грузинской культуры в бацбийской ономастике 51.

Сходная картина родства с грузинскими племенами рисуется и по чеченскому материалу. Существуют некоторые данные о родстве «бадби» (цова-тушии) с населением Мелхестинского района Чечни. По А. П. Ипполитову 32 и Н. Дубровину, некоторые чечелские фамилии имеют грузинское происхождение: «Так, например, фамилия Зумсой считает себя

[•] Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетки в 1925—1932 годах. Гроэный, 1963, стр. 88.

• Р. Л. Харадзе, А. П. Робакидзе. К вопросу о нахекой этнонимике. КЭС, вып. П. Тбилиси, 1968, стр. 14, 109.

• Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 117. Сведения о персседенцах и об их связях с районами Ингушин см.: Б. К. Далгат. Родовой быт чечениев и ингушей в прошлом. ИИНПИК, т. IV, вып. 2. Оражонивидзе — Грозный, 1934—1935, стр. 12 и сл.

• Ро. Д. Демериев. Указ. соч., стр. 61.

• А. П. Ипполитов. Этнографические очерки Аргунского округа. ССКГ, т. І. Тифлис, 1868, стр. 12.

происхождения грузинского, Калой — тушинского, родоначальники фами-

лии Варандинской — выходцы из Хевсуретии» 53.

По сведениям, полученным от Арсанукаева, в с. Центорой историкобытовой экспедицией Государственного Исторического музея (руководитель А. Б. Закс, 1936 г.) 34 искоторые чеченские фамилии Чеберлосвского района имеют родопачальников, проживающих в горных селениях Телавского района Грузии. Известно, что христианизации средневековых чеченпев также ила из Грузии. Народные предания, наряду со свидетельством о военных столкновениях грузии и чеченцев, содержат и примеры большой дружбы, некогда существовавшей между представителями этих народов. Такова легенда о храбром Бекбулатове, слышанная нами в с. Харачой и от жителя с. Ведево Омара Али Зелимханова (сына известного «абрека» Зелим-хапа). С его же слов нами была записана другая легенда, повествуюшая о неудачном приглашении чеченцами князя из Грузии 55.

Безусловно, необходимо считаться с некоторой условностью приводимых данных о связях и родстве чечено-ингушских илемен с другими илеменами. Нельзя категорически утверждать, что все приведенные свидетельства из легенд и преданий имеют точную историческую достоверность. Но вместе с тем пельзя не признать, что они содержат и какис-то зерна истины. Нередко они с достаточным основанием позволяют судить о некоторой пестроте чечено-ингушского этноса (конечно, относительной, как и каждого народа), окончательно сформировавшегося в процессе длительного развития и взаимосвязей с соседями, а также в условиях частичных передвижений, переселений и некоторой ассимиляции отдельных групп и фамилий 66. Любопытно, что о персселении говорят предания буквально каждого ингушского и чеченского рода, каждой фамилии. Известиа, например, чеченская тайпа (род) Кобартий (Гебертий) якобы кабардинского происхождения, а такое переселение могло быть пикак ис ранее XIV—XVI вв. Поэтому правильнее будет ингушские общества рассматривать как образовавинеся из глубоко местного древнего этипческого ядра с частичным включением разноплеменных родовых групп, сохранивших еще память о своем различном происхождении. Оценивая ингушский этногенетический процесс в таком аспекте, мы должны констатировать некоторое преобладание в нем южных элементов.

Весь рассмотренный материал указывает на определенный удельный вес грузинизован... :: элементов, пекогда участвовавших в создании всего вайцахского этноса и особенно в оформлении ингушской культуры.

Можно думать, что большинство этих данных когда-то имели под собой вполне реальные основания и до наших дней сохранились только как отголоски древнего культурного единства и языкового родства далеких предков ингушей с предками грузинских племен. Последние составляли, пожалуй, ведущую часть когда-то большого общекавказского этнокультурного единства или «яфетического» комплекса кавказских пародов;

 ⁴³ Н. Лубровии. История войны и владычества русских на Кавказе, т. І. СПб., 1871, стр. 273.
 44 В экспедиции 1936 г. прицимал участие и автор данной работы.
 45 В. А. Нолосе. Осетины. М., 1967, стр. 45—47.

отсюда и вероятность предположения, что в древности указанных «грузи-

низмов» в ингушской культуре могло быть гораздо больше.

Разбирая давнее и длительное влияние грузинских племен на горцев Центрального Кавказа, Н. Я. Марр писал: «Не скрою, что и грузинские горцы, в числе их хевсуры и пшавы, мис сейчас представляются такими же грузинизированными илеменами чеченского народа, по не предрешая пока пичего, оценивая только фактически бесспорное, необычайно глубокое влияние груэпиского народа на лэмковую психику чеченских племен даже тех, которые теперь разобщены с грузинами и находятся но сю сторону хребта в плоскостной Чечпе, мы не можем не наметить двух положений, во-первых, того, что появление грузии, даже картцев в обсуждаемом районе прохода [имеется в виду Дарьяльское ущелье. — E. K.] и надо датировать по меньшей мере древностью не менее десятка столетий, вовторых, в чеченах нельзя не видеть одного из коренных местных народов. вытесиявнихся из прохода грузинами в направленци с юга на север» 57. К заключению, что ингуши пришли на ныне занимаемую ими территорию «с юга, из-за гор», пришел и проф. В. П. Христианович, обследовавний горную Ингушстию в 20-х годах нашего столетия 68.

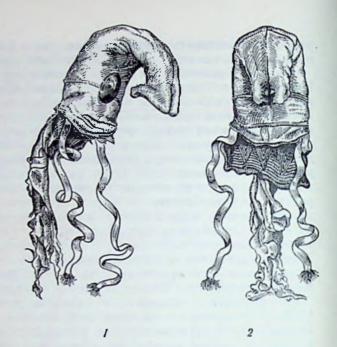
В этой связи заслуживают винмания и выводы, сделанные акап. И. А. Ижавахишвили на основании анализа топонимических названий Грузин. Н. А. Джавахишвили установил, что «восточные провинции Восточной Грузии некогда были заселены чеченскими и дагестанскими племенами» и что «магистраль направления передвижения этих племен

была с юга на север» во.

Консчио, признавая глубокую, притом местную, подоснову в формировании пигушской народности (вернее, нахского этноса) на Центральном Кавказе, нельзя исключать возможности более поэднего (а иногда, может быть, и вторичного) появления ингушских элементов в отдельных районах края. Иногда на это указывают местные предания и легенды. Так, по преданию горцев Джерахского ущелья (устье р. Арм-хи при слиянии ее с Тереком), «настоящее чеченское племя, населяющее ущелье Джейрах, пришлос», оно якобы вытеснило за Терек «жившее здесь осетинское племя» 60.

Передавая историю своих родовых селений, горцы обязательно перечисляют всех своих прямых предков. Переселение, например, горцев, положивших основание аулу Шуан, было совершено якобы 11-12 поколений назад. Помощник последнего ингушского жрена аула Фалхан 80-летний Алихан Мурзабеков, сообщая нам в 1929 г. сведения о заселении аула Фалхан, назвал 12 имен своих предков: 1) Тейбик, 2) Мойсур-Безик, 3) Мохош, 4) Токк, 5) Дзор, 6) Джамураза, 7) Бахмет, 8) Паччи, 9) Эсмурза, 10) Тоэй, 11) сам Алихан и 12) его племяник Орц. Считая в среднем по пятьлесят лет на одно поколение 61, мы можем если не самый момент появления ингушских родо-илеменных групп, то во всяком случае некоторые

^{11.} Л. Морр. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа, стр. 143.
В. Л. Христионович. Унав. соч., стр. 70.
И. А. Джевехичиении. Унав. соч., стр. 46.
ОАК за 1800 г., стр. 95—96.
Учитывая известное долголетие горцев, в кавказоведческой литературе одно поколение в среднем исчисанется в 50 лет.

Puc. 9

Женские головные уборы 1, 3— парадные голошые уборы «кур-харс» из надземного склена у с. Фалхан (выд сбоиу и прямо: 3— предполагаемый головной убор поздисброизового вега из могильника у с. Харачой (по М. М. Герасимову): 4— реконструируемый головной убор из Пестеровского могильника V в. до и. э. (по М. М. Герасимову): 5— ингуриский кур-харс» XV—XVII вв.

факты из прошлой истории ингушских обществ относить ко времени 600—800 лет назад 62. В этой связи заслуживает виимания одно старое хевсурское предание, недавно приведенное Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе. В нем указывается, что в годы царствования Тамары глигвы, т. с. ингуши, уже обитали в совремецных ингушских селениях Гапин, Цоли, Неакист, Кайрак и др. Предание сообщает также о переселении нынешних жителей Архоти (т. с. хевсур) из Ингушетии и о принятии ими христианства в Грузии 63.

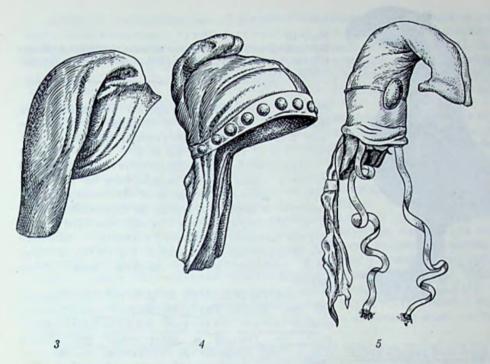
Данные генеалогий ингушских родов и преданий о происхождении отдельных аулов на первый взгляд как будто нисколько не противоречат выводам, получаемым при изучении памятников материальной культуры. Все эти башни, надземные и полуподземные склепы, равно как и культовые архитектурные сооружения, развиваются в основном во 11 тысяче-

летпи н. э.

Можно назвать еще одип источник, который прямо указывает на пачальные века II тысячелетия и. э. Это грузинский рукописный псалтырь, некогда хранившийся в храме «Тхаба-Ерды». По характеру грузинского письма исалтырь датирован XI—XII вв. Очевидио, исалтырь был доставлен в храм «Тхаба-Ерды» вскоре же после его сооружения ⁸⁴.

Таким образом, по фольклорным и письменным данным о ранней истории ингушей, наши знания как будто бы не уходят глубже

^{**} В. П. Христионович. Указ. соч., стр. 28. ** Р. А. Харадзе, А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 33—34. ** А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 737.

X1—XII вв. Но это не совсем так. Ибо другие, притом более ранние, исторические свидетельства регистрируют предков чеченцев и ингушей в основном на той же территории и в более раннее время. Некоторые же предметы материальной культуры, как, например, женские металлические головные украшения в виде овальных блях из могильника у с. Мужичи (быви. Луговое) середины I тысячелетия до и. э. и других мест Ингушетии 65, являются очень древними прототинами металлических блях, украшавших женский рогообразный головной убор «кур-харс» XVI в., хорошо известный по находкам из ингушских надземных склепов.

Правда, мы знаем, что содержание некоторых могильников Ингушетии (особенно катакомбных) с достаточным основанием связывается с аданскими илеменами, некогда населявшими значительную территорию Северного Кавказа, ираноязычную часть которых составляла племенная группа, вошединая в историю под именем «осов», «ясов» — прямых предков современных осетин. Последние же по языку считаются пранцами, индоевро пейцами 66. Получается как будто логичная последовательность. Конечная дата «аланов-осов», некогда бытовавших на части территории Ингушетии, по могильному инвентарю определяется X—XI вв., начальная же дата появления ингушей на этой территории приходится на XI—XII вв. Эти

⁴⁵ Е. И. Круппов. Древиля история Северного Кавиаза. М., 1960, стр. 424, табл. И, 3; Р. М. Мунчосв. Археологические раскопии в Ассинском ущемые в 1956 году. ИЧИРМК, вып. 10. Грезный, 1961; стр. 81—84, рис. 4; он же. Луговой могильник. ДЧИ. М., 1963, стр. 145 и сл., рис. 10, 15 и пр. 46 Н. Я. Марр. Племенной состав населения Кавиаза; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольмор.

Pitc. 10 Броизовый водолей VIII в., изготовленный в г. Басра (Прак). Куплен в с. Эрэн в 1931 г. для Чечено-Ингушского музея

«факты» придают кажущуюся убедительность мнению Н. Я. Марра о появлении на Северпом Кавказе чечено-ингушских племен на рубеже І и ІІ тысячелетий и. э.

Признаюсь, и мне лично этот вывол когда-то казался единственно возможным и правильным 67. Между прочим, и М. М. Ковалевский, конечно в первую очередь на основании работ В. Ф. Миллера, также считал, что «пигущи и другие илемена Северного Кавказа — не более как позднейшие насельники тех самых местностей, которые некогда запяты были осетипами» 68.

В действительности же нело обстояло налеко не так. Более глубовие вории вайнахского этноса и его культуры прослеживаются на этой же гориой и предгорной территории

вилоть до I тысячелетия до и. э. Это, конечно, не исключает возможных эпизолических перемещений вайнахских элементов из района в район и наличия небольних очагов, заселенных племенами иного этимческого массива.

Кроме того, нельзя думать, что отдельные переселенческие волны ингушских родо-племенных групп окончательно сметали негустое (судя по катакомбным могильшикам) так называемое аланское население в ущельо Арм-хи (с. Гоуст) и по среднему течению р. Ассы (с. Верхини Алкуи и б. станица Фельдмаршальская). Самый факт использования уже ингушскими обществами древних «аланских» кладбищ для своих захоронений в более позднюю пору говорит о какой-то преемственной связи между инми. Такую картину, вапример, дает огромный могильник близ с. Шуан, известный под названием «Райского кургана», где сочетаются аланские катакомбы с подземными склепами, возникшими на Северном Кавказе еще в эпоху бронзы 69.

Надо думать, такая же пресмственность наблюдалась и при более позднем заселении аданами ущедья Арм-хи, ранее данимаемого проингушскими племенами, папример аула Эрэн («Орел»). По народному повенью, Эрзи основан в ІХ в. на месте гнезда орла выходцами из Аравии, якобы положившими начало определенным ингушским фамилиям. В с. Эрзи найден великолепный бронзовый водолей, изготовленный в Ираке в VIII в. 70 (рис. 10).

^{**} Е. И. Криппов. К истории Писушин. ВДИ, 1939, № 2, стр. 83.

** М. М. Ковалевский. Родовой быт, вып. 1. М., 1995, стр. 10.

** В. И. Маркубии. Склепы эпохи броцам у сел. Эгикал. СА, 1970, № 4.

** М. М. Комонов. Арабская надпись на броцзовом орде из собрания Государственного Эрмитана. «Эпиграфика Востока», IV, 1951, стр. 24.

Конечно, окончательное оформление этинческой физиономии ингушских родо-племенных групп протекало пе без этипческого и языкового влияния и алано-осстинских, ныне праноязычных, племен 71. Л. П. Семенов, отмечая некоторую общность внешних сторон быта осетии и ингущей. свидетельствует, что «при всей отрывочности и противоречивости собранный материал ярко свидетельствует о давности и глубине культурного и экономического общения Ингушии и Осетию 72.

Долго сохранявшееся алано-осстинское пазвание Макал-доном ингушской реки Арм-хи, а также значительные остатки осетинского словарного материала в ингушской лексике 23, наличие некоторых общих элементов в нартском (богатырском) эпосо у осетии и ингушей убедительно свидетельствуют о давности и глубине этнокультурного и экономического общения этих народов. Обращает на себя внимание характер словарного материала,

тесно связанного с бытом и запятнями ингущей.

Такие слова, как «долица», «возвыщенность», «холм», «гребець». «илуг», «кораина-санстка», «охота», «олень», «оружие», «котел для варки инва», «арба», «настух», «лошадь», «седло», «удалец», «каменный мешок для иленных», «убийца», «кровинк», «рабы», и другие 74 чрезвычайно показательны для характеристики установившихся взаимоотношений ингушей и осетии не только в эпоху позднего средпевековья (XV-XVIII вв.). Консчио, они отражают общение более ранией поры. А. Н. Генко влиянию осстинского языка на ингушский склонен отвести важное место, вслед за грузинским 75.

На дальнейшей истории этих народов нам известны не только распри, по и примеры сотрудничества и даже орачных отношений. По данным Л. П. Семенова, осетинская фамилия Дударовых имеет ингушское происхождение до Такое же происхождение имеет и фамилия Андиевых (от Яндиевых) 77. Жители «пограничных» аулов — ингушского с. Фуртоуг и осетинского с. Чми были связаны даже брачными узами 78. Все это, конечно, говорит о значительности алано-осетинских черт в культуре ингушей, вытесилющих прежине черты, родиящие ингушей с грузинскими племенами. Действительно, XII-XV века характеризуются некоторой всиышкой грузинского влияния на ингушей, но ограниченного уже узкоцерковной сферой, связанной с распространением христианства. Доказательством этого служат упомяцутые выше памятники грузинской церковной архитектуры (в Ассинском ущелье - колыбели ингушской культуры), специфический словарный материал и фрагменты эпиграфики.

Позднейшие образцы ингушской материальной культуры — особый тип изящных босвых бащен со ступенчатой пирамидальной крышей, женский парадный головной убор («кур-харс»), особые женские серебряные и медные вистчиме кольца и другие явияются выражением сугубо инди-

⁷¹ В. П. Абага. Осетинский язык и фольклор.
72 ИПИШИК, т. 1. Владикавила. 1928, стр. 208.
73 По устному утверждению Н. Г. Ахрисоа. особенно у джераховцев.
74 А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 715—718.
75 Там же, стр. 727.
76 Л. Н. Семеное. Указ. соч., стр. 78; Б. В. Скитский. Очерки по истории осетинского народа с древпейших времен до 1867 г. ИСОНИИ, т. ХІ. Дзауджикау, 1947, стр. 57.
77 Б. А. Калосе. Указ. соч., стр. 45.
28 По мнению И. Г. Ахрисоа, искоторые даже дигорские фамилии имеют ингушское происхож-

видуальных особенностей ингушской культуры. Эти черты не встречаются,

например, в Северной Осетии.

По археологическому материалу начиная с I тысячелетия до н. э. можно допустить предположение о естественном развитии одних и тех же местных элементов в материальной культуре, правда не всегда хорошо

прослеживаемых.

Намечающаяся некоторая разница в элементах материальной культуры Осетни и Ингушетии находится в полном соответствии и с языковым различием населения этих областей. Но при этом следует всегда иметь в виду два важных обстоятельства. Во-первых, последними комилексными исследованиями проблемы этногенеза осетинского народа устанавливается значительная роль аборитенной кавказской среды (кавказского субстрата) в формировании осетинского парода 29. Во-вторых, признается, что сами аланские элементы, посители прапоязычной речи, пропикли и обосновались в высокогорной зоне Северного Кавказа не ранее VI — VII, вв. и. э. во И, в-третьих, сама аланская среда этинчески была далеко не однородна на всем Северном Кавказе *1. Это, конечно, не исключает бытования в отдельных районах более однородной этинческой массы праноязычных алан, действительно явившихся прямыми предками современных осетии, например, на территории Северной Осетии. Это блестяще было подтверждено и раскопками СКАЭ богатейшего катакомбиого могильника у станицы Змейской 82.

Все приведенные факты и доводы позволяют считать наиболее вероятным обитание предков ингушских племен на Северном Кавказе с весьма отдаленных времен; во всяком случае истоки некоторых элементов материальной культуры прослеживаются здесь еще с инчала 1 тысячелетия до в. э., если судить по данным Сержень-Юртовского и Алхастинского поселений и могильников кобанской культуры (приемы домостроительства,

генезис украшений и т. п.) 83.

Это подтверждают и факты из грузинской истории. Достаточно вспомвить, что рубеж 1 и 11 тысячелетий и. э. и особенно последующие века характеризуются упрочением мощи грузинской феодальной держаны, расширением государственных границ Грузии за счет подчивения своему влиянию ряда соседних провинций, в том числе и районов, населенных северокавказскими горцами, издавна связанных с населением Грузни. Давил II Агмашенабели (Возобновитель) (1089—1125 гг.) особое внимание обращал на укрепление севервых границ своего царства, сделав данниками даже многих кавказских горцев 64. Этим временем и датируются в осетинских, чечено-ингушских и даже дагестанских горах христианские памят-

В. И. Абаев. Синфо-европейские проглосы. М., 1965, стр. 145; Е. И. Круппав. Об этногенезе осетии и других народов Северного Кавказа. Сб. «Против вульгаризации марискама в археологии». М., 1959. стр. 158; «Происхождение осетинского парода». Орджоникидзе, 1967.
 Е. И. Круппав. Проблема происхождения осетии по археологическим даниям. «Происхождение осетинского народа». стр. 40.
 В. А. Кумецов. Змейский племена Северного Навказа. МИА, № 106. М., 1962, стр. 132.
 В. А. Кумецов. Змейский катаномбимй могыльник. «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии». МАДИСО, т. І. Орржоникидзе, 1961. стр. 62.
 Е. И. Круппов. О чем гочорят памятинки материальной культуры Чечено-Ингушской АССР.
 Грозный, 1963. стр. 44.
 А. Цагарсам. Грузия. «Энинкиопедический словарь Врокгауза и Ефрона», т. 18, стр. 797.

ники, свидетельствующие о грузинском влиянии на горцев Северного Кавказа.

Пользуясь благоприятной обстановкой, именно в этот период какая-то часть этинчески однородных горцев (как избыток населения) вновь могла спуститься ниже по севорным склонам Карказского хребта и осесть в районах, населенных тогда еще довольно редким смещанным вайнахским и аланским пасслением.

Кстати, это положение подкрепляется и известной «Армянской географией VII века» 66, где перечисляются племена, населявшие в эпоху раннего средненсковья Азнатскую Сарматию; среди них упоминаются и «кусты». или «кисты». И хотя пи одно из персчисленных в «Географии» племен, за исключением, может быть, маскутов, не определяется абсолютно точно географически, местопребывание как «кустов», так и «нахчаматьянов» в районах центральной части Северного Кавказа не вызывает сомнений. Их связь с родственными им цова-тушинскими (бацбийскими) племенами Закавказья общензвестна.

В литературе имеются сведения даже об обратном движении ингушей в Закавказье, якобы происходившем в эпоху XIV-XVI вв. и поэднее. Но эти примеры не могут изменить основной картины, ноо свидетельствуют обычно о переселении представителей одного-двух родов. Крайне любоимтно, что данные о поздних связях ингушей с южными соседями, особенно с «бацби», бытуют только в пограничных с Хевсурстией районах Ингушетин, в Джерахо-Мецхальском и частично Хамхинском районах 86. Эти факты линь подтверждают древнейшие связи отдельных ингушских родов и фамилий с родами и фамилиями «бацби» и другими грузинизированными народностями из более южных районов. По-видимому, в основе этих связей лежало и сознание древней этнокультурной близости и даже родства, позволявшее ингушам в случае нужды рассчитывать на гостеприимство закавказских илемен и в последующее время.

Насколько можно судить по ряду историко-этнографических данных, традиционная связь вайнахских племен с ближайшим грузипизированным населением северных районов Закавказья, основанияя в прошлом на единстве происхождения и общности культуры и быта, сохранилась до позднего времени.

Если же интересующий нас водрос о происхождении ингущей, а в целом и происхождения всего вайнахского народа не отрывать от общей проблемы происхождения иберийско-кавказского этнического массива, то с еще большей долей уверенности можно говорить о местном, автохтонном развитии всего этого массива на Кавказе уже с III тысячелетия до н. э. 87

Совокупностью антропологических, археологических, исторических, лингвистических и этнографических данных подтверждается давнее и сугубо местное происхождение и развитие этнического ядра, которое в наши дни именуется ингушским народом, составляющим одно из слагасмых так называемого нахского этнического массива Кавказа.

^{*** «}Армянская география VII века по Р. Х.». Перевод К. П. Патканова. СПб., 1877, стр. 35. *** Л. И. Семенов. Указ. соч., стр. 150—153. *** Р. М. Мунчасо. Древнейшая нумьтура Северо-Восточного Кавиаза. МПА, № 100. М., 1961, стр. 164; Е. И. Ирупнов. Древнейшая нумьтура Кавиаза и навназская этипческая общность. СА, 1964, № 1, стр. 43.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ИНГУШЕЙ

Каждому, кто впервые побывал в горных районах Центрального Кавказа, прежде всего бросается в глаза множество своеобразных надземных монументальных сооружений. Они совершенно разпотиным и различны по своему назначению. Вызванные к жизни опредоленными историческими условиями распада первобытнородовых отношений (не без влияния и географического фактора), все эти сооружения составляют наиболее интересный комплекс материальных исторических источников, непосредственно связанных со средневековой историей многих современных народов Кавказа. В силу тех же исторических событий прошлого эти монументальные башенные и скленовые объекты на территории Северного Кавказа сохранились лучше, чем в Закавказье, а в районах центральной части края лучше, чем, скажем, в Черкессии или Адыгее.

В этом отношении горная зона Ингушетии не составляет исключения. Больше того, из всех горных районов Северного Кавказа современная Ингушетия отличается, пожалуй, наибольшим количеством этих намятников и лучшей их сохранностью. Это объясияется прежде всего тем, что Ингушетия не была ареной боевых действий во времи русско-кавказской войны в XIX в., и потому здесь мучше сохранились и башни, и надземные склены, придающие горному аулу и даже ущелью своеобразие и красоту велико-

лепими архитектурнами ансамблями (рис. 11-13).

Исторические свидетельства о наличии этих объектов в горных ущельях Северного Кавказа, в частности на территории Ингушетии, вилоть до XVIII в. очень редки 1. Грузинские послы и участники русских посольств в Грузию XVI—XVII вв., иногда пересекавшие и районы Ингушетии, редко упоминают об этих памятниках. Приведем один из редких примеров такого далеко не ясного свидетельства XVII в. — выдержку из рапорта посла князя Федора Волконского московскому царю Михаилу Федоровичу: «И того же дни послы перешли кабаки горских владельцев. А те

¹ См.: С. Белокуров. Спошения России с Кавназом, вып. 1 (1578—1613 гг.). М., 1889; М. Броссе. Переписка на иностранных языках грумписких царей с посеийскими государями 1639—1770. СПб., 1861; А. Цагарели. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся до Грумии (1768—1801 гг.), т. 1 и П. СПб., 1891—1901.

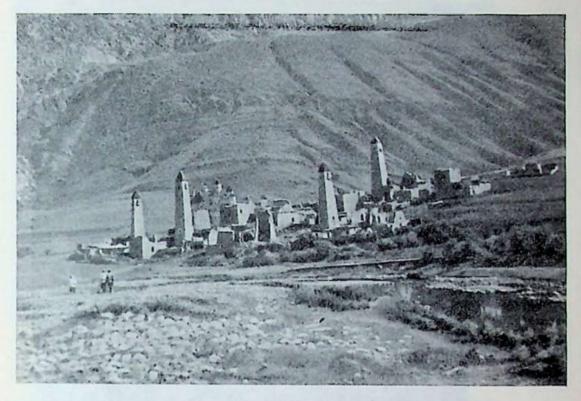

Рис. 11 Башенный комплекс с. Таргим. Фото И. П. Щеблыкина, 1929 г.

кабаки стоят по обе стороны того ручья. Дворы у них в горах каменные. А ходят мужики по-черкаски, а жонки посят на головах... что роги вверх и поларинина» 2 (рис. 9. 1).

В работах ученых и путешественников начиная со второй половины XVIII в. содержится немало сведений об основных видах архитектурных намятников, увиденных ими в горах Северного Кавказа, в том числе в ингушских горах и предгорьях в последующий период, вилоть до Великой Октябрьской революции, ряд местных работников (за небольшим исключением) бегло упоминают об этих памятниках, основное внимание концептрируя на насущных вопросах горского быта, экономики и права.

Только в послеоктябрьскую эпоху, когда началось комплексное историко-культурное изучение ингушского народа, было уделено должное внимание и архитектурным памятникам края.

² М. Полисантов. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615—1610 гг.). Тбилиси. 1937. стр. 251.

¹ См. авистированные библиографические списки в ки.: Ф. И. Леовнович. Адаты кавказских гориев, вып. 2. Одесса, 1885; А. И. Генко. Из культурного промлюго интушей, ЗКВ. т. V. Л., 1930; Е. И. Крисса. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1903.

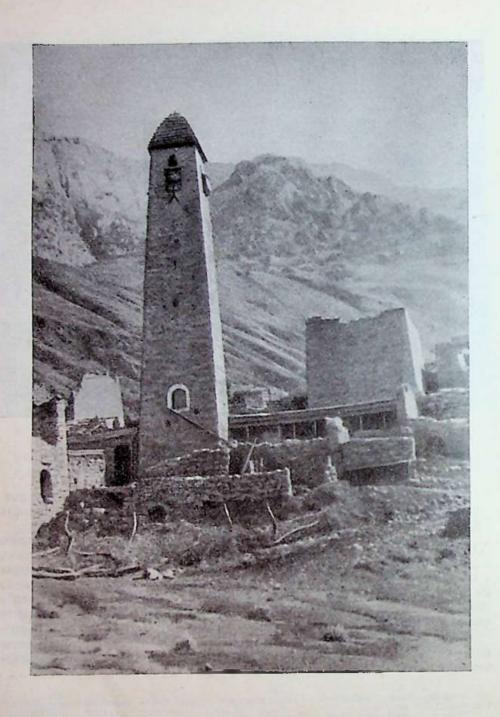
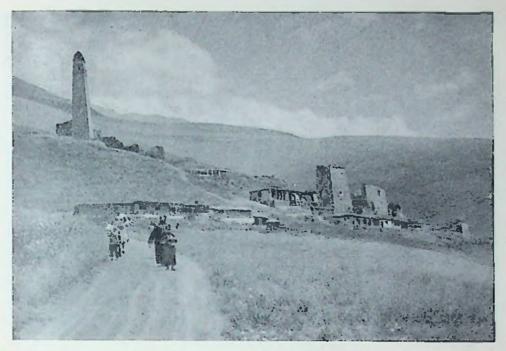

Рис. 12 Боевая и жилые баннии в с. Озми. Фото И. П. Щеблыкива, 1928 г.

Pire. 13 Общий вид с. Лежг. Фото В. А. Дерябина, 1963 г.

Огромная заслуга в этом начинании принадлежит проф. Л. П. Семенову. Вместе с художником-архитектором И. П. Щеблыкиным им осуществлено и предварительное научное описание материалов, добытых возглавлиемыми им экспедициями за период с 1925 по 1932 г. з По богатству, своеобразию и значимости как новых исторических источников первое место, конечно, припадлежит монументальным средневековым памятникам материальной культуры. Тогда же Л. П. Семенову удалось разработать типологию этих объектов и наметить их относительную периодизацию, сохранившую свое значение до наших дней.

Следуя за Л. П. Семеновым, в основу типологии этих намятников мы также положим принцип их функционального назначения. В соответствии с этим все надземные и подземные намятники Ингушетии можно разделять

на три основные группы:

1. Монументальные жилые и оборонительные сооружения. Это жилые башин, высокие боевые башин в, укрепленные замки, городища

⁴ См. статьи Л. П. Семенова и И. П. Щебямкина в «Павестмях Ингушского научно-неследовательского института краеведения», т. І—ПИ и IV, вып. 2, изданных в 1928—1932 гг. в Орджоникидзе и Грозном. В последнем томе опубликована библиография. Позднее все статьи Л. П. Семенова были перензданы отдельным выпуском под названием «Архсологические и этнографические разыскамия в Ингушетии в 1925—1932 годах», Грозный, 1963.
В По-ингушени жилая башия называется «гала» (Гіала), боевая — «воув» (віов).

Рис. 14
Жилые башин в с. Эгикал (I)
и боевая и жилые башни в с. Салги (2).
Фото И. И. Щеблыкина, 1929 г.

и остатки заградительных стен. Все эти сооружения, кроме городиц, сложены из грубо отесанных камией на известковом растворе (рис. 14—16).

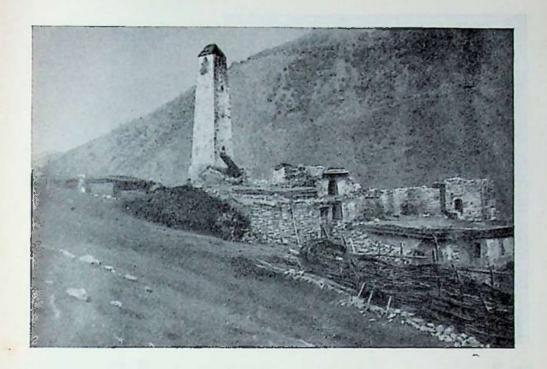
2. Погребальные сооружения — подземные, полуподземные и надземные каменные склепы («каши»), пещерные и грунтовые захоронения, каменные ящики и курганы (рис. 17—20, 2).

3. Это — древине христианские храмы, разного рода языческие свя-

тилища и придорожные стелы («чурты») (рис. 20, 1; 21).

Перечисленные категории археолого-архитектурных памятников разновременны и далеко не все связаны с историей ингушей. Распределяются они на территории Ингушетии неравномерно. В равнинной части они более однородны и представляют собой остатки древних селищ и городищ, курганы, грунтовые могильники и довольно редкие катакомбные захоронения. В западных районах Ингушетии близ селения Назраи, Базоркино, Алхасте, Бамут и других исследованы так называемые кабардинские курганы XIV—XVI вв. В Здесь же известны развалины одной башии в с. Гамурзиеве, по преданию выстроенной 230—240 лет назад 7, и хорошо сохранившийся мавзолей «Боргакаш» золотоордынского времени (1405—

О. В. Милорадович. Кабардинские курганы XIV—XVI вв. СА, ХХ. М., 1954, стр. 347;
 Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчасв. Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв. ДЧИ. М., 1963,
 стр. 217—242.
 д. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах, стр. 10.

1406 гг.) близ с. Илиева в. В горной зоне памятники более разнообразны и многочисленны, особенно надземные каменые сооружения.

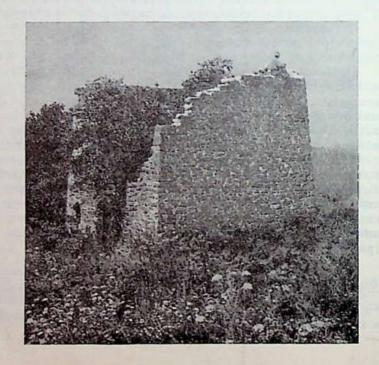
Оставляя за рамками нашего обзора памятники более раннего времени, рассмотрим объекты начиная с периода, прямо предпествовавшего татаромонгольскому нашествию на Кавказ (примерно с XI—XII вв.).

Наиболее древними из первой группы архитектурных памятников горпой Ингушетии нужно считать жилые башии — «гала». «Гала» являются
непременной принадлежностью каждого горного аула. По форме основания они делятся на две группы: квадратные и прямоугольные — продолговатые. Они обычно невысоки, в два-три этажа. Стены их постепенно суживаются кверху. Крыша плоская, прикрытая слоем земли и хорошо обмазанная глиной. Кладка стен из необработанных и грубообработанных
плит и камней более примитивна по сравнению с кладкой боевых башен.
Первый этаж башии использовался для содержания скота, второй и третий — для жилья. Иногда во втором этаже содержанся мелкий рогатый
скот, а в нервом — крупный в. Первоначально «гала» имели и оборонное
значение 14. Полезная площадь «гала» приближалась к 60—80 кв. м
(рис. 14, 1)

Л. П. Семенов. Брагунский мавзолей. ИСОННИ. т. XVII. Ордиконивидзе, 1956, стр. 196;
 М. М. Базоркин. Борганы в Присуписной долине. ИЧИРМК, вып. 10. Грозный, 1261, стр. 130;
 Л. И. Лиеров. Надлиси мавзолея Борга-Кант. ИЧИНИИ. т. V. вып. 1. Грозный, 1964. стр. 162.
 ³ А. И. Робахийзе. Жилина и поселения горных ингушей. КЭС, вып. И. Тбилиси. 1968, стр. 35.
 16 И. В Небликии. Искусстве Ингушетия в помятинках материальной культуры. ИИНИИК,
 т. І. Владимавказ, 1928, стр. 262.

Рис. 15 Рунны башен близ с. Нижний Алкун. Фото П. Ф. Мутовина, 1951 г.

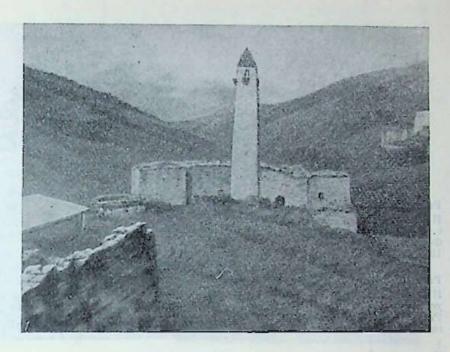
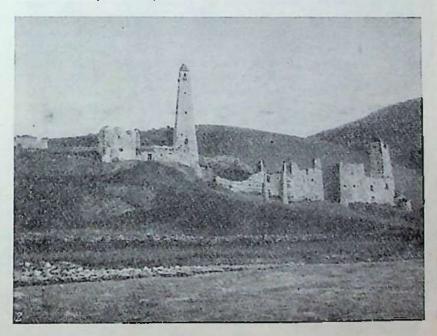

Рис. 16 «Замок» Евлосвых и с. Пялинг (1) и боспая и жилые башии в с. Пуй (2). Фото И. П. Щеблыкина, 1929 г.

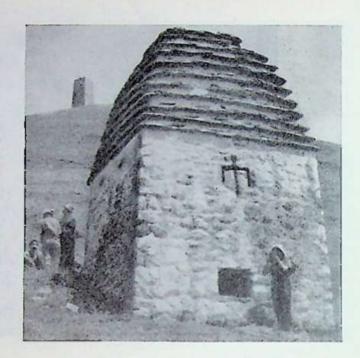

Рис. 17 Надземный склеп близ с. Лежг. Фото В. А. Дерябина, 1963 г.

Рис. 18 Надземный склен ус. Харие. Рисунок В. И. Марковина, 1956 г.

Рис. 19

Ингушские круглые надаемные силены XV—XVII вп.

1— у с. Лаперах.
Фото Е. М. Шиллинга, 1921 г.
2—блиа с. Эран.
Фото В. В. Вакания, 1966 г.

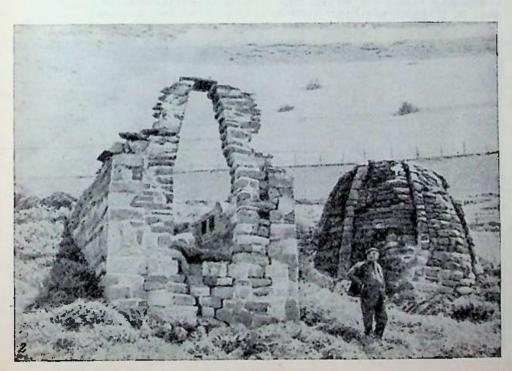

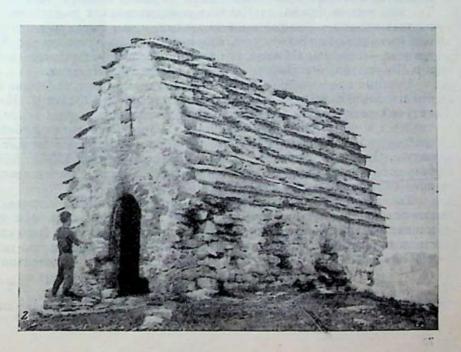

Рис. 20 Фасад святилища «Долте» у с. Карт (1) и падземные склены у с. Фалхан (2). Фото И. П. Щеблыкина, 1929—1930 гг.

Рис. 21 Небольшие святилища близ с. Эрэн (1) и общенигущское святилище «Мятцели» на Столовой горе (2). Фото В. И. Марковина, 1966 г.

Как архитектурные памятники такие постройки являются наиболее простым типом полужилых, полубашенных сооружений, широко распространенных как на северных, так и на южных склонах Кавказского хребта. Весьма вероятно, что их происхождение нужно вести с очень древних времен, со времени бытования на Центральном Кавказе кобанской культуры (І тысячелетие до н. э.). Возможность обитация древнего паселения горного Кавказа именно в таких «каменных домах» допускается почти всеми исследователями. И это логично. Менлющееся население, разумеется, использовало строительный материал от старых разрушающихся зданий для новых сооружений. Очевидно, в этом и кроется основная причина того, что за долгий период весьма продуктивной работы по исследованию многочисленных могильников в высокогорной зопе Кавказа ин одному исследователю пока не удалось отыскать и изучить ин поселения древних кобапцев, ни горный аданский поселок. Все исследованные кобанские поселки открыты в предгорной зоне 11. А если учесть некоторые результаты наших разведочных работ, которые доказывают последовательное использование меняющимся населением в качестве поселка одного и того же пункта, начиная с энохи Кобана и вплоть до современности (например, с. Камунта в Дигории, Северо-Осетилская АССР), то мы должны будем признать, что эта задача вообще трудпоразрешимая. Но ведь жили же кобанцы и в высокогорной зоне края! И жили, очевидио, в каменных постройках типа «гала», удобных для жилья и для обороны.

По наблюдениям почти всех исследователей, жилые бании по илощади, конструктивным особенностям, кладке следует считать более древними по сравнению с боевыми. И хотя их площадь обширнее боевых, по существу жилые башии являются доколями и первыми этажами боевых башен. То, что жилые башии на Кавказе предшествовали появлению боевых, подтверждается всеми горными жителями, в том числе и ингушами. Все они согласно свидетельствуют, что «вначале строились жилые башии, а позднее — боевые». Об этом нам приходилось не раз слышать и в Чечие,

и в Ингушетии, и в Осетии, и в других районах Кавказа.

Местиме предания об основании аулов тоже содержат указания на то, что первыми возведенными зданиями были жилые башии 12. По тем же ингушским преданиям, основание ряда древнейших горных аулов приурочивается к эпохе грузинской царицы Тамары. Генеалогия любой ингушской фамилии насчитывает 10—15 имен, которые хорошо поминт каждый ингуш. С именем одного из первых лиц, положивших начало какой-любо ингушской фамилии, связываются обычно основание определенного горного селения и постройка жилых башен.

Так, по словам жителя с. Ольгите старика Магомета Екурова, в сооружении башни участвовали «все члены данной фамилии, они помогали и живой силой и средствами... Построение башни должно было свидетельствовать о родовой силоченности и мощи» 13. Это свидетельство ценно тем, что оно содержит указания на сооружение башни в довольно ранций

¹¹ Е. И. Крупнов. Древияя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 148. 12 Л. П. Семенов. Археологические п этнографические размекация в Ингушстии в 1928—1929 гг. ИКНИПК, т. II—III. Орджонимидзе, 1930, стр. 395.

период развития родовой организации. Имеющиеся данные позволяют считать жилые башии «гала» древиейними нагушскими монументальными памятинками, а время сооружения наиболее архапчных «гада» из сохра-

вившихся до сих пор определять XII-XIV вв. п. э. 14

Ингущские боевые башии «воув» являются в подлинном смысле вершиной архитектурного и строительного мастерства древнего паселения края. Они поражают простотой формы, монументальностью и строгим изиществом. Боевые башин Чечено-Ингушетии - высокие образцы техники и строительного искусства того времени. Несколько перефразируя Константина Симонова, высоко оценившего сванские башин, можно сказать, что ингущские башии для своего времени были подлинным чудом человеческого гения, как для нашего столетия новые шаги человека в иебо 15. Особенно величественны бащии с пирамидально-ступончатой крышей. Соотношением высоты и основания (10:1) ингушские бащии резко отличаются от других кавказских башен 16 (рис. 23).

Как правило, боевые башии пятиэтажные, но встречаются и в четыре и даже несть этажей. Первый этаж нередко служил тюрьмой пля иленников, обычно же он являлся закромом для хранения зерна в особом угловом каменном мешке. На втором этаже находились защитники и стража во время осады, так как вход в «воув» был только здесь. На втором этаже находилось имущество осажденных. Третий этаж запимали защитники и их семьи и, паконец, все верхине этажи — защитники и наблюдатели.

В основании все башин квадратные, площадью 20-25 кв. м. Кверху стены сильно суживаются и достигают общей высоты 20-26 м. Крыши башен бырают нескольких видов: 1) илоскан, с барьером; 2) плоская, с зубцами на углах, увенчанными камиями конической формы; 3) пирамилаль-

ная, ступенчатая, с коническим замковым кампем 17 (рпс. 24, 25).

Обработка камией и кладка боевых башен производились тщательнее, пожели кладка жилых. Почти на всех боевых башиях сохранилась еще известковая облицовка, что указывает на относительно близкую дату их постройки; особенно свежий вид имеют башин третьего типа, с пирамидальной ступенчатой крышей: например, бащия в с. Джерах, которая, кстати, является одной из наиболее крупных в Ингушстии. Площадь первого этажа равна 7×7 м; второго -0×6 , третьего -5.3×5.3 , четвертого 5×4 и пя-

того 4×4 м18 (рис. 26).

Отличительными признаками многих чечено-ингушских боевых башен, особенно последнего типа, являются «машикули», т. е. маленькие защитные балкончики на верхнем этаже, которые вместе с бойницами на всех этажах служат пеням эффективной обороны. Другую особенность этих башен составляют сквозные крупные кресты, сложенные почти на всех сторонах верхней части башон; на них давно уже было обращено внимание исследопателей. В. Ф. Миллер отчасти в этих крестах видел влияние христианства, а строительство боевых башен связывал с прошлым грузицским куль-

¹⁴ Е. И. Крупнов. К истории Ингушин. ВДИ, 1939, № 2. стр. 82.

13 К. Симонов. Самонсты над башинын. «Правда», 3. VIII 1969 г.

14 А. И. Робонидае. Указ. соч., стр. 65.

15 Описание ингушских башен см.: И. И. Исбанкин. Указ. соч., стр. 271; В. И. Марковин.

В стране вайнахов. М., 1969, стр. 23 и сл.

14 А. И. Робонидае. Указ. соч., стр. 68.

Рис. 22 Боевал башвя в с. Эрзп. Рисунок В. И. Марковина, 1966 г.

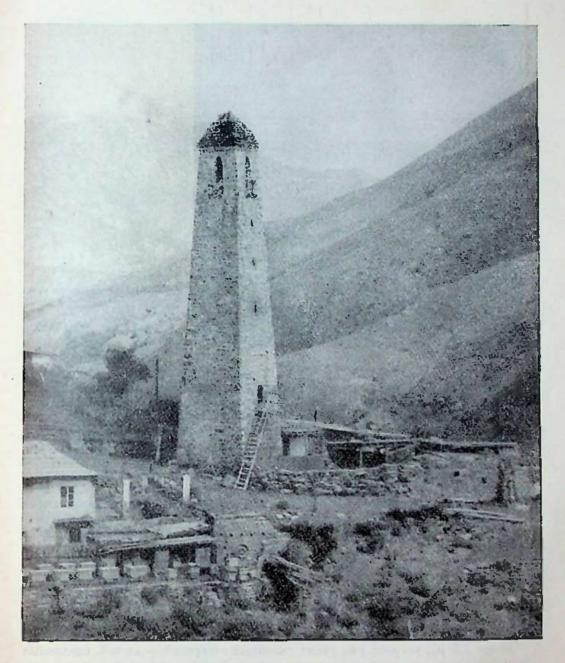

Рис. 23 Боскан баника в с. Джерах. Фото В. В. Бжания, 1966 г.

Рис. 24 Сторожевая башия между селами Шуан и Никаиий Хули. Фото В. И. Марковина, 1966 г.

турным влиянием на ингушей 19. Ниже мы познакомимся с другими ингушскими памятниками XII—XIV вв., которые блестяще подтверждают это положение видного кавказоведа. Влияние Грузии на народы Северного Кавказа, в том числе и на вайнахов, не заглохло и в более позднее время. Грузинские хроники повествуют о том, что в царствование Георгия V Блистательного (1318—1346 гг.) грузинский католикос Евфимий совершил числекторскую» поездку по окраннам и посетил храмы в различных местностях, в том числе и у «народов нахче» (т. с. чеченцев.— Е. К.); по его распоряжению, по всем церквам и монастырям были разосланы списки Евангелия 20. О еще более поздних связях ингушей с кристнанской Грузней свидетельствуют грузинские надписи на сосудах из храма «Гали-Ерды» в Ингушетии (XVII — XVIII вв., по определению проф. А. Г. Шанидзе) 21.

В связи с этими данными сами по себе изображения крестов на боевых башнях приобретают уже некоторую значимость, являясь косвенными артументами при суждении о дате их постройки. Ведь эти кресты конструктивно связаны с бащиями. Но более важными признаками в этом отношении являются некоторые детали, указывающие на технику обороны боевых башен. В довольно толстых стенах всех этажей, особенно второго (толщиною более 0,5 м), устроен ряд узких сквозных отверстий — щелей, сделанных

В. Ф. Миллер. Терская область. Археологические экскурсии. МАК, т. І. М., 1888, стр. 40.
 М. Джансшвили. Известия грузивских летописей и историков о Северном Кавказе и России.
 СМОМИК, т. ХХИ, 1897, стр. 50.
 И. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах, стр. 59—61.

Рис. 25 Джерахское ущелье, или ущелье р. Арм-хи. Общий вид

часто в специальных иншах. Если ширина проема этих бойниц внутри равнялась около 0,5 м, то выходное отверстие не превышало 0,10—0,15 м.
В такие отверстия мог пройти только ствол ружья. Сами отверстия так
расположены, что должны были защищать подступы к башие со всех
сторон. Такие бойницы устроены на высоте выше половины человеческого
роста. Стрелять из дука через эти отверстия невозможно. Опи очень малы,
в проем не втиснется человеческое плечо, по вполне пригодны для стрельбы
из ружей. Следовательно, время сооружения боевых башен, где имеются
эти пиши и отверстия, не может быть датировано раньше времени применения на Северном Кавказе огнестрельного оружия, как это делает
Х. Д. Ошаев, относя боевые башин к XIII—XIV вв. 22

Если у большинства европейских народов, в том числе и у русских, огнестрельное оружие появилось в XIV—XV вв. и стало повсеместно распространяться в XVI в.²³, то в XV—XVI вв., можно полагать, оно могло быть известно и в глухих ущельях Кавказа. Тем более что и в Грузии, по последиим исследованиям П. П. Закарая, влияние появления огнестрельного оружия на башенное строптельство заметно уже с XVI в.²⁴ Во всяком случае в начале XVII в. русские послы, направлявшиеся в

²² Х. Д. Ошасс. Некоторые вопросы использования нахених башен в бою. КЭС, вып. И. Тбилиси, 1908, стр. 120.

²³ М. М. Денисоса, М. Э. Портнос, Е. И. Денисос. Русское оружие. М., 1952, стр. 96; В. Масродин. О появлении огнестрельного оружия на Руси. «Вопросы истории», 1946, № 8.9, стр. 98—101; В. Е. Маркович. Ручное огнестрельное оружию, т. І. Л., 1937.

²⁴ И. П. Закарая. Крепостиме сооружения Картли. Тбилиси, 1968, стр. 5.

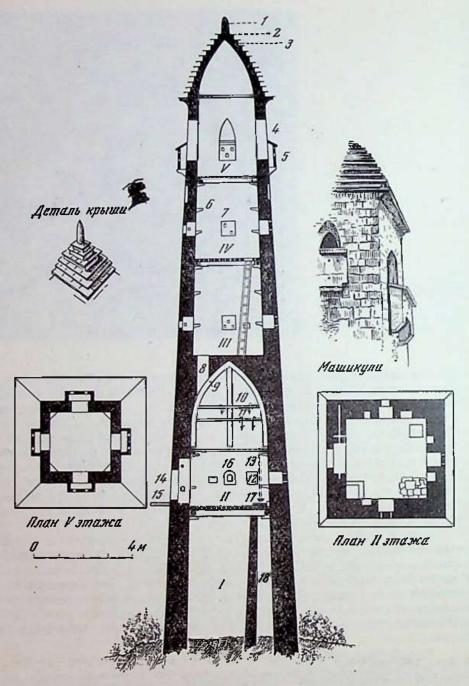

Рис. 26 Разрез «классической» пагушской босной банин (по И. П. Щеблыкину)

Грузню через Ингушетию, видели уже «у горских и турских людей пищали

и луки, и сабли, и копье» 26.

Характерно, что сооружение боевых башои местное население определяет приблизительно тем же временем. В работах В. Ф. Миллера 26, П. С. Уваровой ²⁷ и других содержатся сведения, указывающие, что те или иные боевые башин были выстроены предками местного населения лет 150-200 тому назад. За время многолетних экспедиционных работ в гооной Чечие, Ингушетии и Северной Осетии нам приходилось слышать от стариков и более глубокие даты. Иногда же время сооружения боевых, наиболее хороню сохранившихся бащен определяется эпохой царствования грузинского царя Ираклия (имя довольно популярное среди ингущей) 28.

Проф. Г. А. Кокиев в своей работе «Склеповые сооружения Северной Осетии» 20 датирует осетинские боевые бании XIV в., временем обостривнимся взаимоотношений между осетинами и кабардинцами. Эта датировка серьезно обоснована. Она подтверждается и датой (XIV—XV вв.) множественных кабардинских курганов в предгорной зоне Северного Кавказа. Кроме того, осетинский тип боевых башен без пирамидальных перекрытий, как у ингушей, более архаичен. Все башии этого типа, имеющиеся в Ингуметии, худией сохранности, нежели банции с пирамидальной крышей. И если времи возникновения этого наиболее законченного и совершенного тина ингушских башен определять XVI—XVII вв., то башии с плоским перекрытием должны быть отнесены к более раннему периоду. Время сооружения сванских боевых башен также определяется XV-XVI вв. 30 Башин и оборонительные комплексы в соседиих, северных районах Грузии датируются XVI и началом XVII в. 31 Косвенным аргументом для датировки ингушских боевых башен служит наличие в Анапурском замке на Военно-Грузинской дороге одной боевой бании специфически ингушского тина; она могла быть сооружена только после постройки рядом стоящего большого купольного собора, воздвигнутого в 1689 г. 32 Уже в наше время П. П. Закарая попытался уточнить датировку этой бащии, объявив се грузниской ³³. Но с его датировкой — не позднее XVI в. — никак нельзя согласиться, тем более принисывать ей грузинское происхождение. Индивидуальность именно ингушских башен признают С. И. Макалатия, А. И. Робакидзе, В. И. Марковии. Последний в 1961 г. имел возможность описать такую же небольшую башию-минарет в с. Эткали (в Чечие) и доказать ее позднее и местное происхождение 34.

Весьма важным основанием для датировки боевых башен Ингушетии являются надземные склепы с пирамидальной крышей, с абсолютной точностью воспроизводящие верхние этажи боевых бащен 36. Могильный

^{**} М. Полисоктов. Укал. соч., стр. 254.

** В. Ф. Миллер. Укал. соч., стр. 40.

** П. С. Уварова, Могильники Северного Кавиала, МАК, вып. VIII. М., 1000, стр. 8, 242, 378.

** Годы парствования праклия I — 1638—1703, Праклия I — 1744—1798.

** Г. А. Кокиса, Скленовые сооружения Северной Осстии. Владикавкал, 1928, стр. 55.

** М. И. Джандиери, Г. И. Лежава, Архитентура горных районов Грузии. М., 1940, стр. 53.

** П. И. Закарая. Креностиве сооружения Картли, стр. 15.

** Г. С. Ивериели, Ананурский Устенский собор. МАК, вып. VII. М., 1898, стр. 72.

** П. И. Закарая. Фортификационные сооружения Шида-Картли. КСИИМК, вып. ХLVI.

М., 1952. стр. 128.

** В. И. Марковик, Исследование намитинков средневсковья в высокогорной Чечие. КСИА, вып. 90, 1962, стр. 51.

пивентарь этих скленов с остатками щелковых пранских тканей датируется XV-XVI вр. и позднее, вилоть до XVIII в.

Все данные указывают на то, что строительство наиболее ранних типов ингушских боевых башен, как и у других горцев Северного Кавказа, могло возинкнуть не ранее XIV-XV вв. и продолжаться вилоть до XVIII в... что не раз подтверждалось свидетельствами стариков, упоминавших конкретных лиц из своих предков, при ком была сооружена та или вная башия.

Приблизительно к этому же периоду относится и появление на ингушской территории замковых сооружений и разного рода заградительных степ. Эти оборонительные комплексы возникли в тех же исторических условиях, что и боевые башии.

«Замки» являются комбинированными сооружениями, состоящими из нескольких жилых, а передко и двух-трех боевых башен. Уппкальным объектом такого рода ивляется башенный комплекс в с. Эрзи, еще в 20-х годах нашего столетия состоявший из 16 боевых башен (рис. 27) 36. Естественно, они сохраняют в себе характерные особенности как жилых, так и боевых башен. Исключением является один «замок» в с. Эгикал, состоящий почти из одинх жилых, похорошо укрепленных башен. Своеобразная бесплановость, как будто наблюдающаяся во внутреннем расположении замковых построск, имеет преимущество. Многочисленные углы. CBOC тупики, выступающие за общую линию, отдельные выступы степ, обусловленные особенностями рельефа местности, - все это улучшало систему обороны осажденных.

Воздвигались «замки» по заранее обдуманпому плану. Обыкновенно они сооружались на илощадках, имеющих стратегическое значение. Это были или утесы, круто обрывающиеся с трех сторон, к которым можно пробраться только по узкой троне по хребту утеса (как в с. Горак), или оконечности небольших горных кряжей (как в с. Фалхан), где подступы к воздвигнутому «замку» прикрывались двумя боевыми башиями.

Нередко «замки» занимали огромную по местным масштабам площадь. Так, например, «замок» Точневых в с. Мецхал расположен на площади, равной 795 кв. м.

²⁰ Иыне в с. Эрэн сохранились только 5 целых боевых и 20 жилых башен.

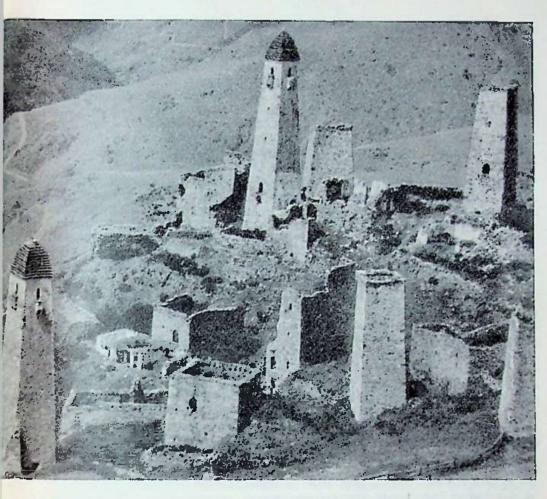

Рис. 27 Башенный комплекс с. Эрэн (по-русски «Орел»). Фото В. В. Бжания, 1966 г.

Такой «замок», состоящий из пести башен жилых и одной боевой, мог вместить в себя не одну семью, а целую фамилию с многочисленными родственниками. Великоленный многобашенный комплекс в с. Эрзи принадлежал 14 фамилиям — тейпам ³⁷. Но замковое сооружение имело далеко не каждое горное селение.

Погребальные сооружения. Видное место среди архитектурных объектов горной Ингушетии занимают памятники погребального характера. Они делятся на три основные группы. Первую составляют подземные склепы, вторую — полуподземные. Третья группа объединяет

³⁷ А. И. Робанидзе, Указ. соч., стр. 110, рис. 17.

подземные склепы, называемые чечено-ингушским населением «кашами». К погребальным намятникам относятся также разного рода каменные

нщики и груптовые могилы.

В отличие от третьей, наиболее многочисленной и разнообразной группы, намятники первой и второй групп известны нока в меньшем числе. Наиболее известными могильниками, состоявшими из подземных и полуподземных скленов, являются погребальные холмы у селений Шуан («Мохде» или «Райский курган»), Салги (урочище «Магате») и Бишт (холм севернее селения). Кроме того, подобные склены известны у селений Кяхк, Евлой, Тумгой, Дошхакле, Верхий Алкун и в окрестностях селений Галанки и Мужичи 33.

Наиболее типичными и лучие изученными являются склены у селений Шуан и Салги. За исключением Биштовского, обычно один и тот же могильник содержит как подземные, так и полуподземные склены. Подземные склены отличаются от полуподземных только тем, что они совершению скрыты в земле, тогда как вторые своей фасадной стеной выступают из земли (обычно по склону). Сложены они из дикого местного камия. Нередко стенками скленов служили каменистые отроги и расщениим скал, искусно прикрытые плитами. Длина подобных скленов колеблется от 2,5 до 4м, ширина от 1,5 до 2м при высоте более 1м. Средняя площадь 6—8 кв. м. Крыша скленов состояла из набегающих друг на друга илит и камией, образующих как бы незаконченный полусвод. Сверху клались толстые плиты, и склен засыпался землей. Ориентировка скленов различная, как правило, выходами по склону холма или отрога.

Входом в такой склен служило квадратное отверстие (даз) в фасадной стене со сторонами размером около 0,5 м. Через такие дазы втаскивались

покойники.

Почти все подобные склепы оказываются уже ограбленными, поэтому довольно трудно восстановить картину их первоначального состояния, тем более что природа в свою очередь довершила то, что не было окончательно разрушено и похищено человеком. От всех пстлевших костяков останись лишь плохо сохранившиеся черепа. И все же по ряду данных можно судить и о типе этих усыпальниц, о характере погребального инвентаря и о времени бытования этих объектов.

Как подземные, так и полуподземные склепы являются колдективными усыпальницами, содержащими нередко от одного до трех десятков костяков, при которых в большинстве случаев сохранился кое-какой могильный инвентарь. Еще до детального анализа этого инвентаря будет уместным проследить генетическую связь между отдельными основными видами погребальных намятников, начиная от подземных могил и кончая боевыми башиями.

Исследователи давно уже обратили внимание на одну характерную черту горской архитектуры — ступенчатое строение крыш древних сооружений. Некоторые авторы без достаточных оснований видели в этом влия-

^{**} В 1966 г. Первым отрядом СКАЭ под руководством В. И. Марковина были вскрыты полуподземные силсим в с. Эгикал, оказавшиеся по вивентарю погребальными сооружениями эпохи броизы (И тысляелетие до н. э.). См.: В. И. Марковин. Склены эпохи броизы у сел. Эгикал. СА, 1970, № 4.

пие восточной культуры Передней Азии и даже архитектуры пагол Цент-

раньной Азии 39.

Успешно проследил эполюцию горских архитектурных форм Л. П. Семенов, установивший, что «ступецчатое построение кровли надземных памятинков, не восходящих, вероятно, далее XIV в., связано с аналогичным устройством более древних местных памятников - подземных скиепов. из которых впоследствии развились полуподземные и еще позже наиземные склепы» 40.

Пействительно, ступенчатая (чешуйчатая) крыша подземных камерскленов типична для очень ранних намятников весьма общирной террито-

рии Кавказа, относящихся еще к эпохе VI-X вв. 41

Позднее, до XIV в., стали сооружаться подземные, а затем и полуподземные склепы. Около XIV в., появляются надземные двускатные ступенчатые склепы и наконец не ранее XV в. стали воздвигать надземные четырехгранные склены и боевые башни со ступенчатой крыщей. Эти памятники и завершают развитие местной архитектуры. Я полностью разделяю склеповую классифпкацию Л. П. Семенова и основанную на цей периодизацию. Правильность этой периодизации вполне подтверждается анализом могильного инвентаря, найденного в этих скленах.

В последнее время стала известна иная точка эрения на генезис средисвековых скленовых сооружений Северного Кавказа. Она принадлежит Jl. Г. Нечаевой, которая исходную форму каменных полуподземных склепов видит в сармато-аланских катакомбах. По ее мнению, склеп это не что иное, как катакомба, «воспроизведенная в камие» 42. Этот взгляц не кажется мие обоснованими наличным материалом. Оп в корие противоречит стройной и хорошо аргументированной классификации Л. П. Семенова и последним данным о возникновении на Кавказе склеповых сооружений еще в эпоху броизы 43. Вот где лежат местные истоки этой формы погребальных сооружений.

В связи с обсуждаемым вопросом о генезисе склеповых сооружений на Северном Кавказе необходимо хотя бы кратко остановиться на причинах, вызвавших их к жизни. Многими авторами, изучающими древние культуры Кавказа, неоднократно подчеркивалась специфика местных условий, прежде всего каменистость почвы, острый недостаток земли, что заставляло жителей каждый мало-мальски сносный земельный участок использовать под пашню, а не под кладбище. И это вполне естественно. С возрастающей же плотпостью населения в средневековую эпоху (судя по остаткам населенных пунктов) эти местные особенности должны были сказываться все острее. Они и породили сооружение именно надземных скленов.

³⁰ А. М. Дирр. В Тагаурской и Кургатинской Осетин. ИКОРГО, т. XXI, вып. 3. Тифлис. 1912, стр. 265; В. Рівеізейке. Die Тяснсівененен. Натигу, 1929, стр. 67—74. Одновременно В. Плечке высказывается и в пользу малоазийского происхождения башенного зодчества Центрального Кавказа, ссыпаясь на фольклорные данные о движении народов с юга на север. Эта гипотеза также совершенно неубедительна.

48 Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах, стр. 63.

49 Л. С. Уварова. Путсвые заметки. М., 1887, стр. 81.

49 Л. Г. Нечаева. Об этической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Повожное и на Северном Кавказе. Сб. «Исследования по археологии СССР».

31., 1961, стр. 154, примечание 17.

49 В. И. Маркович. Склены эпохи бронзы у сел. Этикал.

Только при учете этих обстоятельств становится понятным появление почти во всех горных районах Северного Кавказа в середине И тысячелетия н. э. многочисленных надземных склепов-усыпальниц в несколько ярусов, служивших местом последнего упокосния пелым фамилиям горцев, состоящим из нескольких десятков человек, умещавшимся на 9-10 кв. м. Такой способ захоронения умерших значительно экономил земельную площадь, в которой средневсковые горцы ощущали особо острую нужду. Аспирантом М. Б. Мужухоевым в 1969 г. в одном пятиярусном склепе у с. Оздне было зафиксировано до 190 погребенных. Какую огромную площадь нужно было бы использовать для захоронения их в земле!

И, конечно, не случайно все эти надземные и многоярусные «каши» (у чеченцев и ингушей), «дзападзы» (у осетин-тагаурцев), «обан» (у дигорцев) и «кашенэ» (у балкарцев) возникли в высокогорной зоне Центрального Кавказа. Обычно они располагались на непригодных для пахоты участках. Они были вызваны к жизни в первую очередь невепоятной земельной теснотой в горах. И глубоко прав был В. Ф. Миллев, объясняя этими чисто экономическими мотивами многоэтажность и разновременность средневековых могильников Кавказа. «При крайней тесноте для живых людей нельзя было отводить много места для мертвых», - писал он в I томе «Материалов по археологии Кавказа» 44. Этот довод признавался И. Ф. Грабовским, Г. А. Кокиевым и другими исследователями 44.

Какими-либо религиозными мотивами, скажем влиянием зороастризма, о чем говорил в свое время М. М. Ковалевский, или иным поздействием появление многоярусных надземвых скленов не объясинив. Ибо следов этих влияний в горах не установлено 46. А склены возникли только в высокогорных районах края. Культом мертвых этого тоже не объясинии, так как последний существовал и раньше. Кроме того, его нельзя приурочивать только к горной зоне. Это - повсеместное явление в первобытной религии 47.

Что же представляет собою содержимое этих погребальных сооруже-

Как в подземных, так и в полуподземных склепах обряд погребения совершенно одинаков. Умерших женщин и мужчин укладывали на полу рядами на спине, ногами к входу, с руками вытяпутыми вдоль туловища или сложенными у пояса. В головах ставились кувинны из хорошо отмученной и прекрасно обожженной глины, сделанные на гончарном круге. Поэтому все сосуды ярко-красного цвета, покрыты линейцым и волинстым орнаментами. Иногда кувшины находились в нишах степ склепов (рис. 28).

Обычный инвентарь этих погребений составляли предметы быта, оружие, украшения. Они и могут служить серьезным основанием для датировки самих склепов. Найденные в погребениях стрелы — черешковые, с длинными стержиями для насадки, по преимуществу ромбовидные и листовидные. Такие типы наконечников стрел имели широкое распространение на территории Восточной Европы, в том числе и на Кавказе, в период,

⁶⁴ В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 112—113.
65 Г. А. Кокиев. Указ. соч., стр. 66.
64 А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 715.
65 М. О. Косеек. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.

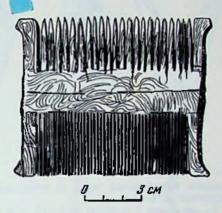

Рис. 28 Глимный красный кувшин из полуподаемного склена у с. Бишт

Рис. 29 Саминтовый гребень из нолуподаемного склена у с. Бишт

предпествовавший татаро-монгольскому намествию, и позднее ⁴⁸. Что же касастся крупных плоских стрел с ромбовидной боевой частью, то они широко применялись еще в X—XII вв. ⁴⁹ В целом подобные наконечники стрел характерны для XII—XIV вв. (рис. 30, 31) ⁵⁰. В большом количестве находятся в склепах железные пожи разных размеров с короткой рукоятью, железные поясные пряжки в виде прямоугольников и овалов с язычком-перекладиной, различные железные ножницы с дужкой или кольцом на конце (рис. 31, 7). Реже встречаются серебряные пряжки от поясного набора, укращенные ромбовидным чеканным орнаментом (рис. 32, 18).

Довольно широк ассортимент женских украшений, прежде всего бус, серег и височных подвесок. Преобладают стеклянные бусы сине-зеленого цвета и коричневые, имеющие круглую, овальную, чечевицеобразную форму, немало бус сделано из цветной глинистой композиции, покрытой узорами. Эти бусы круглые и бочкообразные. Сердоликовых бус (мелких овальных) встречается мало. Очень редки янтарные бусы в виде плоских кружков (рис. 32, 1-14).

⁴⁶ Е. И. Круппос, Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 237.

⁴⁷ С. А. Плетинска. Печенеги, торим и полощы в юнных русских степях. «Труды Волго-Донской экспедиции», т. І. МИА, № 62. М., 1958, стр. 179.

⁴⁸ А. Ф. Медеедев. Орукие превиего Новгорода. МНА, № 65. М., стр 167. М. К. Каргер. Превинй Ниев. т. І. М.—И., 1958, стр. 168, табл. XII; С. С. Сорокии. Женезные паделия Саркела — Белой Вежи. МИА, № 76. М., 1959, стр. 185, рис. 29; А. Л. Момгайт. Старая Рязавь. МИА, № 49. М., 1955, стр. 184.

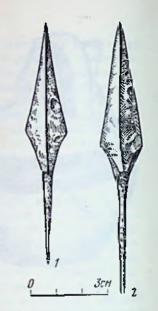

Рис. 30

Железные паконечники стрел из полуподземных скленов Ингушетии XII—XIV вв.

1, 3, 6 — из силена у с. Ијуан; 2, 4, 5, 7 — из силена Магате у с. Салги

Более разнообразный ассортимент составляют серьги и височные подвески.

Серьги. К простейшему типу серег относятся броизовые и серебряные проволочные серьги с верхним незамкнутым кольцом и стержнем, заканчивающимся цветной буспной или полым металлическим шариком

(рпс. 33, 1, 7, 8).

К более редкому типу серег, встречающихся в аналогичных памятниках почти всего Северного Кавказа, относятся золотые и серебряные серыги из прочного стержия с незамкнутым кольцом. Нижняя часть такой серыги представляет собой стержень, перевитый топкой проволокой, или столбик, состоящий из припаянных друг к другу мелких шариков; на конце такой серыги обычно припаяны 3—5 и более крупных шариков (рис. 33, 2—4) 51. Этот тип серег ведет свое происхождение со времени заката кобанской культуры и является лучшим подтверждением живучести арханческих черт древней местной культуры, проявляющихся в столь поздних формах.

Дальнейшим усложнением этого типа серьги является проволочная серьбряная или броизовая серьга с незамкнутым верхним кольцом и обвитым проволокой стержнем, на котором укреплен покрытый зерныю полый

крупный шарик (рис. 33, 5-12).

Височных подвесок являются бронзовые и серебряные подвески, давно известные по богатому погребению из Махческа ⁵² (рис. 33, 9); являясь

⁶¹ Е. П. Алекссева. Материальная культура черкесов в средние вска. ТКЧНИИ, вып. IV. Ставрополь. 1964, стр. 176, табл. XIII, 3, 4. О. В. Милорадович. Христианский могильник на городище Верхинй Джулат. МИА, № 114, М., 1963, стр. 99, рис. 8, 4, 5, 10.

⁸² П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 258, табл. СХІ.

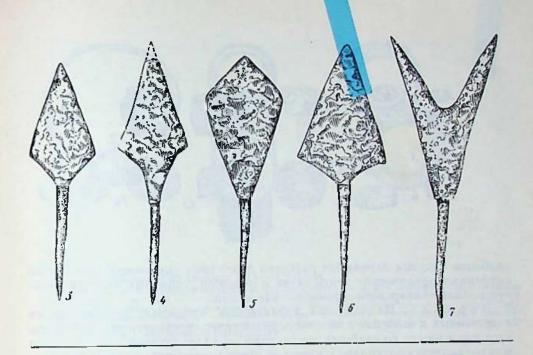
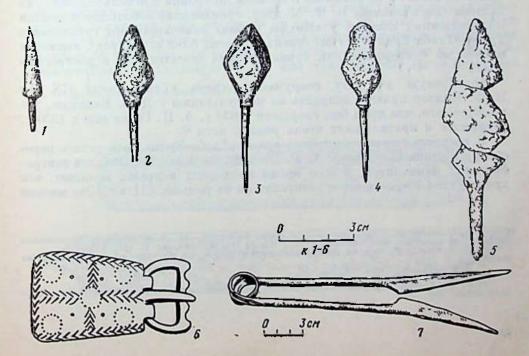

Рис. 31 Железные наконечники стрел, пожницы и броизовая поясная пряжка из полуподземных скленов горной Ингушстии

наиболее поздиим вариантом развития этого типа украшений, они все же сохраняют арханческие черты серог и подвесок, типичных сисе для куль-

туры алано-хазарского времени, VI-X вв.

Зеркала. Из наиболее характерных предметов, встречающихся в подземных и особенно в полуподземных склопах, следует уноминуть еще круглые плоские со слабыми закраннами зеркала; сделаны они из броизы или металлического сплава и известны почти повсеместно на Северном Кавказе 63. Внутренняя сторона их обычно покрыта геометрическим (кресто-

образным, радиальным) орнаментом.

Существующие в литературо датировки наиболсе ранних ингушских могильников в основном подкрепляются анализом рассмотренного материала. Мнение Л. П. Семенова о времени постройки и использования этих скленов уже изложено. В. Ф. Миллер, произведший небольшие расконки нолуподземных скленов у «Мохде» и близ замечательного грузниского храма «Тхаба-Ерды» 64 (в верховьях р. Ассы, близ с. Хайрах), высказал миение об одновременности существования могильников и построения храма 65.

Ошибочную же дату сооружения храма «Тхаба-Ерды» (IX в.) В. Ф. Миллер привсл, опираясь на консультацию у Д. З. Бакрадзе, утверждавшего, что храм был сооружен в 830 г. А. Н. Генко еще в 1930 г.

усомнился в правильности столь рацией даты 56.

В настоящее время датировка храма «Тхаба-Ерды» подверглась пересмотру и уточнению. Проф. А. Г. Шапидзе на основании анализа эпиграфических памятников, в свое время найденных в храме, полагает, что храм «Тхаба-Ерды» должен датироваться не рапыше XII в. 57 Это мнение

E. П. Алексесса, Указ. соч., стр. 176, табл. XIII о. 26—28; В. А. Кузнецов. Исследования Змейского катаномоного могильника в 1958 г. МИА, № 114. М., 1963, стр. 42, табл. 1V, 4—7.
 О мнению Н. Г. Ахриева, правильнее писать «Тхаба-Ерда», нбо звука «м» нет в вайнахских нзыках.

язынах.

66 В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 20, 29.

68 А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 736, примечание 2.

69 Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—
1932 годах, стр. 151.

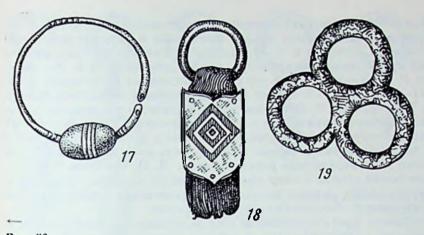

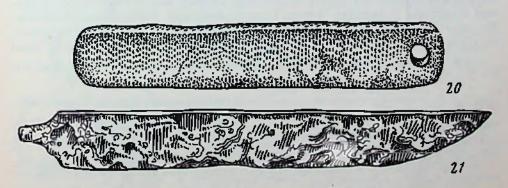
Рис. 32 Могильный иниситарь из склепов XIV—XVII вв.

I-IJ — бусины $(I, \delta$ — розовый сердолик; $2, 3, \delta$ — зеленое стекло; 4 — желтое стекло; 7 — темносинсе стекло; θ — явтарь; θ — зеленая паста, узор коричисный; I0, I2 — голубая паста, узор белый; II — коричиевая паста; I3 — зеленая паста, узор коричисный; IJ — поричиевая паста, узор белый); $I\delta$ — броизовые путовици; I7 — броизовые путовици; I7 — броизовые путовици; I7 — поричиевая паста, узор белый); I8 — часть серебряного пояского набора; I9 — железный пож из получодземного силена у с. Алхасте (случайная находиа) (синзу)

полностью разделял Л. П. Семенов и другие исследователи. Косвенным образом эта дата подтверждается и рукописью Исалтыря из храма, по характеру грузинского письма определяемого XI—XII вв. 58

Позднее и мие в специальной статье удялось доказать, что первоначальный вид храма «Тхаба-Ерды» имел облик явпо грузпиского архитектурного памятника и что сооружен он мог быть не ранее XII в., скорее всого при Давиде Строителе, когда впервые централизованное Грузинское государство стало активно включать в сферу своего влияния и горцев Северного Кавказа. Современный же вид храм получил после некоторой

10 А. И. Генко, Указ, соч., стр. 737.

перестройки местными малоквалифицированными мастерами (рис. 34, 35) 68. Эта датировка, действительно, вполне применима к окружающим древним могильникам, которые и В. Ф. Миллер считал принадлежавшими к однородной и одновременной культуре, хотя и датировал IX в. Но любопытно, что П. С. Уварова те же ингушские подземные могильники относила к XII—XIII вв. 60 К этому же периоду подобные осетинские склепы относил и Г. А. Кокнев 61. Свои выводы он достаточно убедительно аргументировал анализом архитектурных форм склеповых сооружений и их связью с архитектурой башен и древиих церковных зданий на территории горной Чечии, Ингушетии и Осетии. Правильность этого заключения была подтверждена и последующими работами проф. Л. П. Семенова 42.

Сравнительный анализ самого археологического материала из подземных и полуподземных склепов позволяет дополнительно уточнить приве-

денную датировку и обосновать ее археологически.

Так, например, красные глиняные сосуды, орнаментированные линейным и волнистым орнаментом (прием, широко распространенный и весьма типичный для XII—XIV вв.) 63, иногда имеют грузинские падвиси, датируемые проф. А. Г. Шанидзе временем «не древисе XII—XIV вв.» Таковы

сосуды из склепов «Магате», «Мохде» и др. 64

В полобных же сооружениях, известных и в Северной Осетии, эти сосуды находились вместе со стеклянными синими и зелеными пластинчатыми браслетами, которые подтверждают эту дату 65. Как известно, иластинчатые цветные, реже витые, браслеты довольно обычны в женских ногребениях ряда районов Восточной Европы XI—XIII вв., начиная от городских и сельских пунктов Древней Руси и кончая Тмутараканью и Херсонесом 66. Известны опп и на Кавказе.

В Закавказье, например, керамика, орнаментированная линейным и волимстым узорами, обычно встречается вместе с богатой поливной керамикой, относящейся к периоду царствования грузинской царицы Тамары, т. е. к XII—XIII вв. Опа известна из раскопок Дманиси, Ани, Старой Гандже и других городов Закавказья времени до монгольского нашествия.

Так же часто встречаются в Закавказье и на Северном Кавказе в намят-

никах изучасмой эпохи предметы вооружения в виде копий и стрел.

Различные части поясных наборов, бронзовые зеркала и особенно женские головные украшения (серьги и височные подвески), встречаемые в ингушских подземных и полуподземных склепах, имеют себе многочисленные аналогии в склепах Чечни, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, в подкурганных погребениях типа Белореченских на Кубани 67. Например, в Даргавсе (Северная Осетия) простейние типы

^{**} Е. И. Крупнос. Грузинский храм «Тхаба-Ерды» на Северном Кавказе, КСИНМК, вып. XV. М., 1947, стр. 124.

** П. С. Уварова, Могильники Северного Кавказа, стр. 242.

** Г. А. Ножиев. Указ. соч., стр. 64—66.

** Л. П. Семенов. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа. МИА. М. 23. М., 1951. стр. 302.

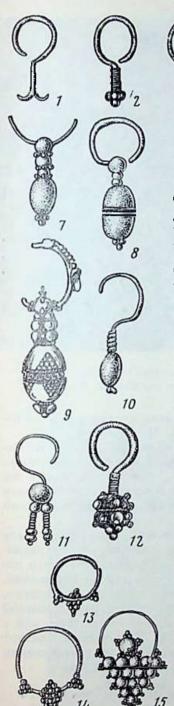
** Л. В. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 голях. стр. 151, 152.

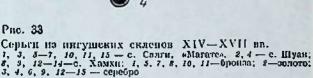
** В. Б. Неопик. Змейское средневековое селище. «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетим. МАДИСО, т. І. Орджонниндзе, 1961, стр. 46; В. А. Кулнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, № 106. М., 1962, стр. 112, рмс. 15, 2, 5, 6.

** В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 56, табл. XIII, рмс. 6, 8, могила № 3 (с. Сапиба).

** Г. Ф. Соловьева и В. В. Кротошкии. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов в Превней Руси. КСИИМК, вып. XLIX. М., 1953, стр. 21.

** Е. П. Алексеево. Очерки по истории черкесов в ХІV—XV вв. ТКЧНИИ, вып. III, Черкесск, 1959, стр. 10; она же. Материальная культура черксов в средвие века, стр. 176.

серег были найдены в подземных коллективных склепах вместе со стеклянными браслетами, время бытования которых на Кавказе также определяется XI-XIII вв. 68

Чеченские полуподземные склепы, обследованные В. И. Марковиным в 1961 г. у с. Какадой и у хут. Дере (Пакоч), также содержали украшения с русской и татарской серебряными монетами XIV в. Обследованные там же каменные ящики оказались синхронными склепам 69.

Другие категории предметов из склепов вряжки, бляшки, ножницы и женские украшепия — пайдены и в курганах Северо-Западного Кавказа. Опи тождественны перечисленным ингушским и чеченским и также датируются золотоордынскими монетами. Таков же инвенподкурганных погребений, вскрытых Н. И. Веселовским в 1896 г. у станицы Белореченской 70, в 1900 г. у станицы Ульской 71 п в других местах. Время Белореченских кургапов точно определяется найденными в них золотоордынскими монетами XIV и начала XV сто-

** П. С. Уворова. Могильники Северного Кавиаза, стр. 106, табл. II, рис. 1—5.
** В. И. Марковин. Исспедование намятивнов средневековъв в высокогорной Чечне. КСИА, вып. 90, 1962, стр. 52; ов
же. Чеченские средневековые памятники в верховъях р. ЧантыАргуна. ЛЧИ. М., 1963, стр. 247.
** ОАК за 1968 г., стр. 13, рис. 70 (вожницы); стр. 14, рис. 80 (блящим); стр. 25, рис. 120—122 (блящки); стр. 33, рис. 180 (серьги); стр. 54 (железные стрелы и зеркала).
** ОАК за 1900 г., стр. 36, рис. 98 (серьги и подвески).

Pnc. 34-35 Храм «Тхаба-Ерды». Общий вид. Фото конца XIX в.

летия 72. Детальный авализ всего инвентаря из этих курганов и их историческая интерпретация приведены в работе В. П. Левашевой 73.

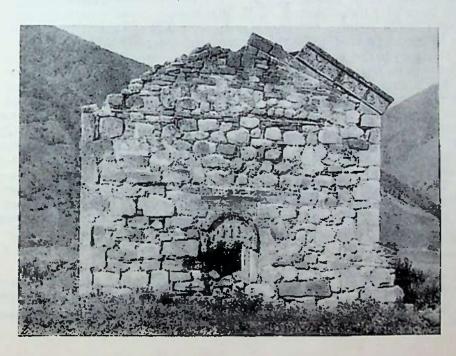
XIV веком датируются и известные Махческие могилы (Северная Осетия), инвентарь которых весьма близок к некоторым вещам из ингушских полуподземных склепов (серебряные височные подвески) 74. Такие же серыги и височные подвески известны из скленов Кобана и из могильников Лизгора (Северная Осетия), которые П. С. Уварова именует «могильниками новейшего времени» 75.

Весьма важные для датировки ингушских склепов результаты были волучены Л. П. Семеновым в 1937 г. при псследовании хорошо сохранившегося подземного склепа у с. Шуан. В числе обычного могильного инвентаря была найдена восточная монета с отверстием для подвешивация. По определению нумизмата Государственного Эрмитажа А. А. Быкова, монета — татарская, битая в начале XIV в. Она была первой монетпой находкой, сделанной в горной Ингущетии. Значение этой монеты, как и монет, обнаруженных в чеченских склепах В. А. Марковиным, состоит в том, что ими довольно часто подтверждается поздняя дата сооружения

 ⁷² Н. И. Веселовский. Свистищие стрелы. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 160,
 ⁷³ В. П. Левашева. Белореченские курганы. ТГИМ, вып. ХХИ, М., 1963, стр. 163—213.
 ⁷⁴ П. С. Уварова. Могилышки Северного Кавказа, стр. 261, табл. СХИ.
 ⁷⁵ Там же, стр. 200, табл. ХХХИ, рпс. 5—6.

Заподный (1) и восточный (2) фасады храма «Тхаба-Ерды». Фото А. Мальсагова и И. Дахгильгова, 1958 г.

полуподземных скленов на Северном Кавказе, в частности, на территории Чечено-Ингушетии.

Таким образом, даты ингушских подземных и полуподземных склепов, устанавливаемые по археологическому материалу, внолие совпадают с датировкой, основанной на архитектурном апализе самих склепов; по наличию же в полуподземных склепах бронзовых зеркал с растительным орнаментом и височных подвесок сложного типа (4), этот тип склепов следует считать более поздким, получившим наибольшее распространение не ранее XIV в., в то время как подземные коллективные склепы возможно датировать XI—XIII вв. и. э.

Переходя к рассмотрению второй группы памятников погребального характера горной Ингушетии — надземным склепам, следует заметить, что они также являются достоянием не только ингушской территории. Многими авторами отмечалось, что «около каждого аула взору исследователя представляется как бы другой аул из разнообразных по форме и по вели-

чине домиков. Это (рис. 20, 2) — местный некрополь» 26.

Разнообразные надземные склепы, сложенные из плит и кампей, составляют любопытную особенность многих вациональных районов Северного Кавказа и нагорного Закавказья. Время сооружения их — период позднего средневековья. Существует мнение, что эту категорию памятников следует связывать с архитектурой мусульманского Востока, с такими например, памятниками, как «усыпальница дервиша» во дворце ширваншахов в Баку (XV в.), мавзолей близ с. Ходжалы, и др. 77 Тезис, на мой взгляд, трудводоказуемый, поскольку распространение ислама именно в горных районах не только Ингушетии, по даже и Чечии археологически прослеживается не рапее XVII в. 78 Других же, более рапних данных об этом пока пет. Высказанный А. И. Шамилевым тезис о распространении ислама среди горпых чеченцев и ингушей с XIV—XV вв., с севера ни на чем не основан и противоречит наличным материалам из горпых районов 76.

Все ингушские надземные склепы по внешним признакам можно подразделить на пять групп. Первую составляют склепы с квадратным основанием и пирамидальной ступенчатой крышей в несколько ярусов (до четырех). Внешне они очень напоминают верх босвой башии ингушского типа (рис. 17, 18). Во вторую группу входят всего два склепа с квадратным основанием и пирамидальной, но гладкой крышей (склепы у селепий Фуртоуг и Джерах). К третьей относятся склепы с прямоугольным неравносторонним основанием и двускатной ступенчатой крышей, внешне очень напоминающие русские крестьянские избы.

Четвертую группу образуют подобные же двускатные склепы, но сопровождающиеся поминальными камерами, открытыми с фасада. Такие склепы довольно редки в Ингушетии. По одному склепу пмеется в селениях

Эран, Эгикал, Хамхи, Таргим и Вовнушки (рис. 19, 2).

 ⁷⁴ Г. А. Нокиев. Указ. соч., стр. 5.
 77 М. Усейнов, Л. Бретаничкий, А. Саламзаде. История архитектуры Азербайджана. М., 1983.
 61 В. И. Марховин. Чеченение средневеновые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна. Д.Ч1.
 М., 1983. стр. 272.
 74 А. И. Намилев. Религиозные культы чеченцев и ингушей и пути их преодоления. Грозный.
 1963. стр. 24.

И наконец, в иятую группу объединяются надземные склепы с круглым основанием и конусообразным верхом, иногда покрытым «гуртами» (выступающими хребтами). Эти склепы также довольно редки. Они известны в селениях Фуртоуг, Джерах, Эрэн, Мецхал, Лейми, Эгикал, Таргим,

Вовнушки во (рис. 19).

Обыкновенио надземные склепы живописно разбросаны вблизи горного селения. Все они сложены из грубоотесанных камией на извести п нокрыты известковой желтоватой облицовкой; ориентированы по сторонам света углами или стенами. В фасадной стене каждый склеп обязательно имсет небольшое окно — лаз (со сторонами около 0,5 м) на высоте около 1 м от земли. Высота скленов колеблется от 3-4 до 5-6 м. По последним данным, у с. Оздие обнаружен склеп, имеющий 5 ярусов и всего 2 лаза 31. В основании длина сторон склена варьирует от 2 до 4 м. В зависимости от числа ярусов назы располагаются по всем сторонам склепа, служа входом в каждый ярус. Крыши всех скленов, даже двускатные, завершаются вертикально поставленными массивными замковыми камиями.

В стенах скленов (особенно квадратных в основании) нередко встречаются малонькие квадратные отверстия, выбитые в шахматном порядке (у с. Эгикал), или прорезное схематическое изображение человека (у с. Лежт) (рис. 17) и другие сквозные отверстия, обеспечивающие вентиляцию. Довольно часто на облицовке склепов встречаются отпечатки кисти рук. как резонно продполагают, строителя склепа 82. Степы некоторых облицованных скленов покрыты схематическими рисунками, иногда групповыми изображениями, исполненными красной краской, очевидно охрой. Такова сцена охоты на оленей на склепе в с. Эгикал, концентрические круги на

облицовке склепа в с. Лейлаг и др. (рис. 55).

Все надземные склены многоярусны, имеют от 2 до 4 ярусов. Перекрытия можду ярусами сделацы из нетолстых деревящимх брусьев или плах, на которые укладывают покойников. Все ярусы, особенно в нетронутых скленах, заполнены покойниками, лежащими рядами, буквально «штабелями». Высокогорный сухой воздух на высоте около 1000—1800 м пад эннэжолся имишованый минимамами, вызывающими разложение трупов, чрезвычайно способствует естественной мумификации трупов.

Здесь же в склепах встречаются покойники (чаще всего - дети), положенные в деревянные колоды (гробы) и небольшие ящики (люльки). По могильному инвентарю они не отличаются от других, лежащих на деревянных пастилах. На основании имеющихся данных нельзя уверенно сказать, в какой последовательности шло заполнение ярусов умершими. Как будто в нижних ярусах встречаются более ранине погребения, чем в верхних, но нередко и тут можно встретить покойника в костюме современного горца (черкеска, кинжал, панаха и т. д.). Поэтому всей этой категории погребальпых памятников пока приходится давать суммарную характеристику.

Все погребенные лежат вытянуто, плотно друг к другу. Женщины одеты в длинные платья-рубахи с неглубоким разрезом на груди. Нижнее

Учет и классификация надземных склепов произведены Л. И. Семеновым. См.: Л. И. Семенов.
 Аркеологические и этнографические разыскация в Ингушетии в 1925—1932 годах, стр. 50.
 По дапным аспиранта М. Б. Мужухосва за 1989 г.
 Н. Ф. Якослев. Ингупп. М.—Л., 1925, стр. 90.

платье — с короткими рукавами из грубого белого холста. Верхиее (на некоторых женщинах) — из шелковой цветной материи с длинпыми рукавами, с маленькими металлическими пряжками и пуговицами по груди. Нередко встречается и третье платье, сшитое из плотной грубоватой шерстяной ткани собственного производства. Это платье также имеют длинные рукава и разрез на груди, застегивающийся пуговицами. Все верхние платья, особенно шелковые, обычно имеют яркие цвета: красный, синий, зеленый, оранжевый. Кроме рубах и платьев женщины имели шаровары из холста или из тонкой шерстяной материи. Ноги были обуты в чувяки или сапожки на мягкой подонве из цветного сафьяна.

Головы украшали высокие головные уборы в виде конька, сделанные из красного войлока или илотного суква. Этот парадный головной убор, называемый «кур-харс», носился только богатыми женщинами (рис. 9, 1, 4). Надевался он на голову так, чтобы конец приходился на лицевую сторону. Под коньком пришита тонкая круглая выпуклая серебряная бляха от 3 до 5 см в днаметре. Спускаясь на затылок плотным прямоугольником, расшитым шелком, «кур-харс» закреплялся на шее лептами. Сущестнующее мнение о том, что «кур-харс» был достоянием всех ингушских женщин (Х. Д. Ошаев), не подкреплено полевыми наблюдениями. Богатая отделка

«кур-харса», конечно, была доступна только богатым родам.

Головы женщин украшали массивные плоские медные или броизовые и серебряные височные восьмилопастные кольца, типологически очень близкие известным славянским, радимическим семилучевым и особенно вятическим семилопастным кольцам (рис. 36, 37). У шен находились низки, состоящие из набора разнообразных бус: сердоликовых, стеклянных и из цветной пасты. На пальцах рук надеты иногда по нескольку броизовых и серебряных колец и перстней с глазками из цветного стекла. Талию опоясывал кушак из шелка или холста, к которому привязывались железные ножницы, а также сумочки с шелковыми цветными нитками, иглами и наперстками, деревянные гребни (рис. 29) и очень редко стеклянные зеркальца в деревянной оправе. Истоки всего этого набора могильного инвентаря прослеживаются повсеместно на Северном Кавказе еще в XIV—XVI вв. 82

Мужчины были одеты в длинные до колен кафтаны или халаты, в большинстве случаев также из цветной шерстяной ткани. Обычно на мужчинах

Рис. 36 Серебрявые в

Серебряные височные украшения из надземных склепов Чечено-Пигушетии XV-XVI вв.

1, 5 — с. Эгикан; 2 — с. Веркний Семи; 3, 4 — с. Ялхорой (Чечия); 6 — с. Фалхан (сборы В. Н. Марковина, 1965 г.)

две одежды. На погах широкие шаровары из грубой шерстяной ткани, вобранные в мягкие козловые сапоги («ноговицы»), иногда ноги обвиты обмотками. Довольно часто на головы мужчин надеты мягкие стеганые шанки (рис. 38). Нередко встречаются покойники и в меховых барашковых шанках, очевидно более позднего времени; они одеты уже в черкески с гавырями. На нальцах рук у многих погребенных мужчии - массивные бронзовые кольца. Каждый покойник опоясан одним, ипогда двумя кожаными поясами с железными и бропровыми пряжками; тонкие пояса украпались серебряными и броизовыми наконечниками и бляшками. На поясах обычно висят киссты из кожи с огинвом, кресалом и трутом. Среди обычных кресал находились и крупные, в виде уплощенных фибул (рис. 39, 7, 8). К каждому поясу подвешены небольшие железные ножи с деревянными и издес анчистической выпожения в кожаные помень редки сабли (шашки). Гораздо реже, и преимущественно в более поздних погребениях, встречаются книжалы современного кавказского типа, но грубой работы. Как правило, всегда, но в ограниченном количестве встречаются железные наконечлики копий стрел (поздней ромбической формы), луки и деревянные круглые небольшие щиты, обтянутые кожей, внешие напоминакищие хевсурские (рис. 38). Ранине типы этого ассортимента вещей бытовали на Северном Кавказе и в XIV-XVI вв. 84

⁶⁴ О. В. Милородович. Кабардинские нурганы XIV—XVI вв., стр. 346, рис. 2; В. И. Марковин. Чеченские среднененовые намитники в перховых р. Чанты-Аргун. ДЧИ. М., 1963, стр. 244 и сл.

Рпс. 37

Височные украшения. Случайные находки I=r. Решт (Северный Иран), броиза. Хранител в музее Грузии; 2=c. Алхасте (броиза); 3=c. Эрэн (серебро); 4=c серебро

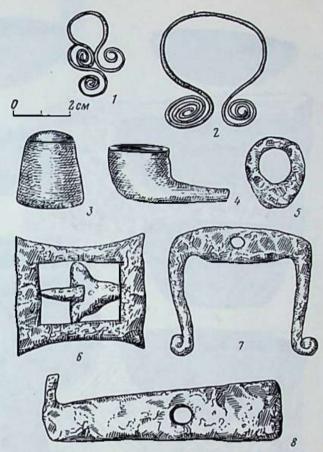

Рис. 38 Костюм и пооружение ингуша в XIX в. (по Я. Потоцкому)

В этих же надземных склепах встречаются в значительном числе различные деревянные сосуды: чашки, миски, кружки, кубки. Все они сделаны из мягких пород дерева, преимущественно из липы, но уже на примитивном токарном станке. На них сохранились явные следы вращения сосудов в процессе изготовления. Во многих сосудах сохранились высохшие остатки пиши.

В числе прочего инвентаря этих скленов находились деревянные резные коробки, трехструнные балалайки («пандыр»), мало отличающиеся от подобных ингушских музыкальных инструментов недавнего прошлого. Струнами служили конский волос или тонкие жилы животных. Нередко в этих скленах можно встретить деревянные и костяные «газыри» (футлярытрубки) для хранения зарядов пороха и самодельных пуль и пороховницы. Эти предметы обычно встречаются в скленах, содержащих погребенных в чернесках.

Этим в основном исчерпывается могильный инвентарь ингушских нач-

Pnc. 39 Вения на надземных скленов Hurymetun XV-XVI BB. I, 2 — височные укращения

(c. Conru):

3 — наперетон; 4 — гливиная трубия; 5 — кольно (3—5 — с. Шуан);

a = привиза;

7. 8 — Rpecana (6, 7 — c. Tenu; 8 — c. Эрэн);

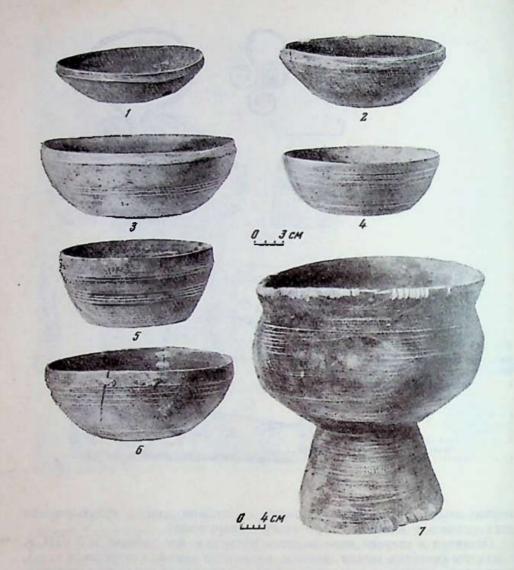
1-3 — броиза; 5-8 — желези

земпых скиенов. Он свидстельствует о довольно долгом использовании этих склепов в качестве погребальных сооружений.

Оставляя в стороне явно поздний материал, восходящий к XVIII в. и позднее (меховые шанки, панахи, различные замки, наперстки и т. п.), рассмотрим несколько категорий вещей из ингушских надземных склепов, безусловно относящихся к времени сооружения последних.

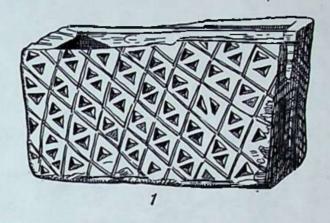
Из хорошо датированного материала рапьше всего следует указать на находки пранских шелковых тканей. Два таких прекрасных образца (кусок ткани и мешочек) были обнаружены экспедицией ГИМ в 1938 г. в надземном двускатном склепе близ с. Хамхи. По определению Л. И. Якупиной, это ткани иранского происхождения и относятся к XV-XVI вв. 35 (рис. 42, 43).

⁶⁵ Филипа Акасрман. Педковая шпалера XVI века. «III Международный правежий конгресо по ирапскому искусству и археологии. Доклады». М.—Л., 1939, стр. 10, табл. VII, VIII.

Как выясняется, некоторые предмсты, встречаемые в ингушских «кашах», являются типичными только для чечено-ингушской территории и с достаточным основанием позволяют считать их племенными признаками ближайших предков вайнахского или чечено-ингушского народа. Это описанный выше женский головной убор «кур-харс» п женские серебряные и бронзовые височные кольца. Проведенными в Ингушетии работами установлено, что «кур-харсы» обычно находятся только в пирамидальных склепах, квадратных в основании и со ступенчатой крышей. В предшествующих им по времени возникновения двускатных склепах «кур-харсы» не вафиксированы.

Рис. 40 Деревинная токарная посуда на надземных скленов у с. Хамхи

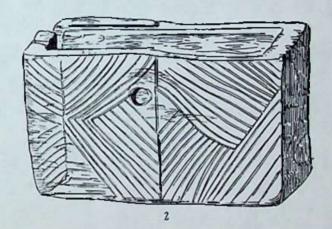
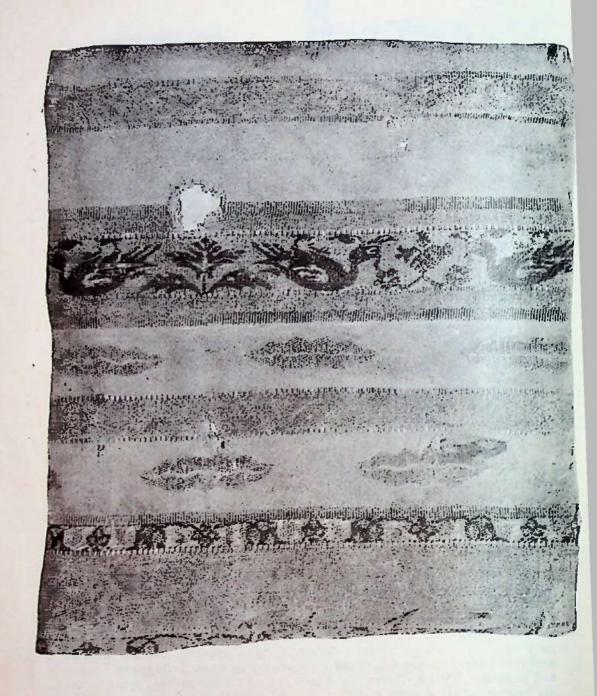

Рис. 41 Деревлиные резные коробки из надземных скленов у с. Хамхи

Как мы уже знаем, время появления наиболее совершенного типа кавказских надземных могильных сооружений— пирамидального склепа— определяется XVI—XVII вв. Им как бы завершается строительное мастерство кавказских народов позднего средневековья. Этим временем и может определяться бытование у ингушских женщин «кур-харсов». Эта дата находит подтверждение в свидетельствах русских послов, направляещихся через ингушские земли к грузинскому царю Теймуразу I в первой половине XVII в. Проходя «кабаки горских владельцев», русские послы отметили, что «дворы у них в горах каменые. А ходят мужики по-черкаски, а жонки носят на головах... что роги вверх в пол-ар-

Рпс. 42 Сумочка из шелковой працской ткани XIV—XV пв. из надземного склеца у с. Хамхи

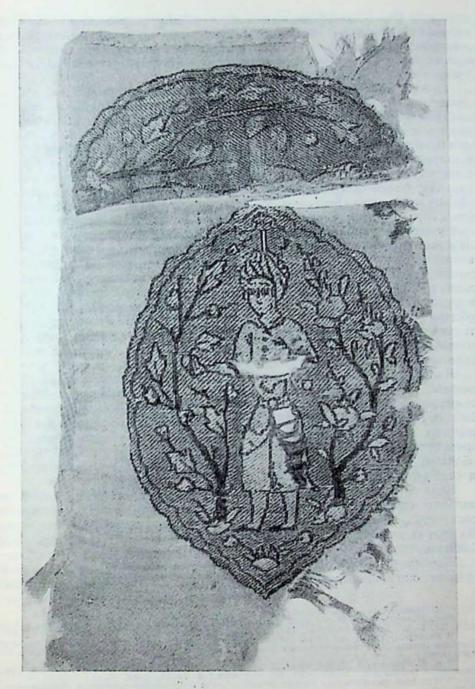

Рис. 43 Фрагмент шелковой пранской ткани XVI в. по падземного склепа у с. Хамхи

шина» 66. Подобные женские головные уборы не известны в соседиих районах и, очевидно, носились в недалеком прошлом только ингущскими женщинами. Это было замечено еще Клапротом, отметившим, что эти оригинальные женские головные уборы составляют характериую черту кистинских, т. с. ингушских, жонщин⁸⁷.

То же самое можно сказать и о женских височных кольцах, входящих в могильный инвентарь погребенных в инрамидальных и двускатных склепах. Височные кольца бывают броизовые, серебряные к из сплава (биллоповые); они обычно штампованные, иногда литые. Состоят из пластинчатой или проволочной дуги для прикрепления к головному убору или к волосам и широкой месяцевидной иластипки, составляющей одно целое с лугой; один конец дуги не смыкается с пластинкой. Передко они вдевались в мочку уха. Наружная поверхность пластинки покрыта разнообразным насечным орнаментом: геометрическим, близким к растительному и крестиками (рис. 36). Вероятно, этот тип височных колец являлся излюбленной формой украшений горянок. Вполне допустимо предположение, что прототипом этого вида колен были простейние пранские броизовые рельефные височные кольца из Решта, датируемые XII в. 88 (рис. 37, 1). Нальнейшее развитие формы этого простейшего типа ингушских височных колен (без выступов) идет по пути усложиения нижней части кольца в виде иластины: внутренний край пластины сравнительно слабо измениется, по внешний обычно укращается рядом округлых выступов, иногда настолько значительных, что их с полным правом (по апалогии со славянскими) можно назвать допастями. Обычно их восемь, очень редко семь и даже шесть (рис. 36).

Колленция этих височных колец, собранная экспедициями Л. П. Семенова, состоит из 19 экз. восьмилонастных колец и включает но одному семплопастному и шестилопастному. Несколько экземпляров собрал в 1966 г. и В. И. Марковин во. Сейчас известно более 20 разных восьмилопастных колец. Они имеют по два отверстия или глубоких выреза. Размеры этих украшений варьируют в среднем от 4 до 9 см в высоту *0. Таким образом, у вайнахских женщин бытовали пластинчатые восьмилонастные н семилопастные височные кольца.

Кольца с резко выступающими лопастями представляют собой уже наиболее сложный тип ингушских височных колец; он является наиболее распространенным типом женских украшений во всех районах Ипгушетии. Из других районов Кавказа подобные женские украшения известны в небольшом числе на территории Чечии и Дагестана 91.

Женские серьги, типологически близкие к височным кольцам из ингушских склепов позднего средневековья, до последнего времени бытовали

Эрмитаже.
•1 Привожу эти даявые с разрешения М. Б. Мужулосов.

^{**} М. Полисектов. Указ. соч., 251.
** J. Kloproth. Roise in der Kaukasus und nach Georgienunternominen in den Jahren 1807 und
1808. Bd. I—II. Berlin und Halle. 1812—1814. стр. 810.
** Рельефине кольца из Решта оргаментированы растительным и зооморфным орнаментами.
Подобные кольца были экспонированы в 1938 г. в Груми на выставие, посвященной нобилею Шота

Рустапелы.

10 Е. И. Крупнос, В. И. Марковин, В. И. Козенкова, Р. М. Мукчаев, В. В. Виноградов. Северо-Кавнавская экспециция. «Аркологические открытия 1966 г.» М., 1967.

10 Подобные украшения из горных районов Чечии и Дагестана хранятся в Государственном

у женщии горных селений Чечено-Ингушской АССР (рис. 36, 3, 4). Пока нет оснований принисывать происхождение самого типа этих украшений местной среде. Ближайшей родиной ингушских височных украшений, очевидно, следует считать Дагестан, издавно известный своими художественными изделиями. Туда прототины их в ранний период могли быть занесены и из более южных районов Карказа и Ирана вместе с другими элементами арабской культуры (височные укращения из Решта). Любонытно. что ин и Закавказье, ни в Осетии, пи в Кабардино-Балкарии, ни палее на заная такие украшения по известны. Но производство их, по-видимому. было освоено уже ингушскими средневековыми мастерами. Эту форму украшений женского головного убора (по аналогии со славянской) можно считать этинческим признаком и принисывать населению определенного района, в частности горной Ингушетин. Возможно, позднее, при углубленном изучении более массовых находок этих височных колоц, удастся выделить варианты их и связать с отдельными ингушскими племенами.

Как было отмечено, пигушские височные кольца очень сходны и с известными славянскими семилопастными женскими укращениями XII-XIII вв., в особенности с вятическими 92. В литературе высказаны два мнения по вопросу о происхождении славянских семилопастных колеп. Мисине Н. П. Кондакова основано на минмом сходстве этих колеп с византийскими колтами 93. Второе миспие принадлежит В. И. Сизову 94; оно основано на тщательном изучении техники изготовления и особенно орнамента на этих украшениях в сопоставлении его с арабскими орнаментами. Проф. А. В. Арциховский в, подробно разобрав обе эти гипотезы, отдал предпочтение мнению В. И. Сизова. В подтверждение арабского происхождения этих колец А. В. Арпиховский ссылался на свидетельство Б. А. Куфтипа о сходстве славянских семплопастных колец с подобными же подвесками, изготовленными ювелирами средпеазиатских горолов. Исистрительно, в бытность свою в Средней Азии в 1931 г. мне также приходилось видеть в продаже на местных рынках и наблюдать на женщинах-узбечках из кишлаков Ташкентского района серсбряные серьги и височные подвески, по форме весьма близкие к семилопастным славянским и ингущским украшениям. Типологически близкие серебряные височные полнески я видел в 1968 г. и в муже г. Душанбе.

Как попада эта форма к вятичам? Это - другой вопрос. Но наличие полобных женских височных колец в районах с мусульманским населепием, где влияние культуры арабов издавна проявлялось в разных формах, вряд ли случайно, особенно, если учесть бытование в XII в. простейшей формы в Ирапе. Все это позволяет теперь теорию об арабском происхожнении этих укращений считать достаточно обоснованной и паиболее убеди-

гельной. Этот взгляд полностью разделял п Л. П. Семенов.

Составляя наряду с «кур-харсами» один из отличительных признаков материальной культуры пнгушей XV-XVIII вв., в целом височные кольца

^{**} В. П. Леваниева. Височные кольца. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. ТГИМ, Вын. 43. М., 1967, стр. 30, 39.

** И. И. Кондахов. Русские илады, т. И. СПб., 1896, стр. 118.

** В. И. Сизов. О происхождении и характере курганных височных колец. «Археологические известия и заметки». М., 1895, стр. 179—187.

** А. В. Арциковский. Курганы витичей. М., 1930, стр. 47—48.

дают некоторое право судить о племенных границах отдельных ингушских обществ. И хотя известны они во всех основных районах Ингушетии. во далеко не равномерио. Гораздо больше их в склепах у селений Эрэн. Медхан, Фалхан, Харпе и других, т. е. по бассейну р. Арм-хв. Это было прослежено нашим с Л. П. Семеновым обследованием этого района и подтверждено обследованием В. И. Марковина 1966 г. Известны они в верховьях р. Ассы, но в меньшем числе. Возможно, они составляли этнографическую особенность украшений женщин только кистинских и галгаевских племенных групп и не были известны, скажем, у пориниев и карабулаков. К сожалению, окончательно этот интересный вопрос решить затичивительно из-за слабой нашей осведомленности о женских украшениях и их особенностях во всех райопах Чечено-Ингушетии.

Среди других укращений из ингушских склепов обращают на себя внимание менее многочисленные серебряные проволочные серыги, состоящие из колец, нижняя часть которых украшена полыми шариками, нокрытыми зернью (рис. 33, 5-15). Подобная техника изготовления укращений была довольно широко распространена начиная с периода раинего средневековья и сохранилась на Кавказе до последнего времени. Своим происхождением она также, по-видимому, обязана арабской кустарной промыш-

ленности ⁰⁶.

Бытование остальных вещей, встреченных в ингушских налземных скленах, особенно предметов вооружения, подтверждается историческими стлавками и документами. Снова напомню, что русские послы, направлявшиеся в Грузию в первой половине XVII в., отметили «у горских и

у турских людей пищали и луки и сабли и копья» 97.

На одном из рисунков в книге Яна Потоцкого 98, бывшего на Кавказе в самом начале XIX в., изображен пигуш с ружьем, круглым щитом и коньем или дротиком. Одет он в грубошерствую домотканую одежду черкеску с газырями. Голова покрыта не меховой, а стеганой шашкой из материи. Все перечисленные предметы встречаются в ингушских надземных склепах позднего средневековья. Таким образом, и рисупками Потоцкого подтверждаются факты столь позднего бытования у ингушей таких предметов вооружения, как дротик и щит, а из частей костюма — стеганой шапки (рис. 38).

Во время многолетних полевых изысканий в Ингушетии Л. П. Семенову и мне неоднократно приходилось слышать от местных стариков рассказы о захоронениях отдельных лиц — особых приверженцев старины в вадземных склепах и в начале XIX в. Ингуши упоминают даже определенных представителей отдельных ингушских родов и фамилий. Например, называют одного умершего в середине XIX в. члена фамилии Ахриевых, положенного в склеп у с. Фуртоуг. Известны и другие примеры, при-

веденные в работе Л. П. Семенова 90.

Новым и чрезвычайно важным свидетельством, подтверждающим столь позинее использование северокавказских надземных склепов в качестве

В. И. Сизов. Уназ. соч., стр. 157.
 М. Полисектов. Уназ. соч., стр. 321.
 Jean Potochi. Voyage dans les Steps d'Astrakhan et du Caucase, t. 1. Paris, 1829, р. 126.
 Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Пигушетии в 1925— 1932 годах, стр. 75.

погребальных сооружений, является современный опыт обследования аналогичных склепов в Северной Осетии, в известном так называемом «городке мертвых» близ с. Даргавс, произведенный в 1967—1969 гг. экспединией Северо-Осетинского научно-исследовательского института под руководством В. А. Кузненова. Обследовав около 90 скледов этого знаменитого горского некрополя, экспедиция добыла массовый материал русского и иного происхождения, датирующийся XVII—XVIII вв. и даже первой третью XIX в. (по фабричным изделиям и заводским клеймам на штофах) 100.

Таким образом, и новые материалы из апалогичных ингушских скленов Осетии и Чечии (работы В. И. Марковина 1962—1966 гг.) подтверждают, что использование вайнахских надземных скленов под усыпальницы в основном практиковалось до XVIII в. включительно, а в отдельных случаях

лаже в начале XIX в. 101

Чем же объясияется прекращение строительства надземных многоярусных скленов в горах в более поэдини период? Здесь, по нашему мисиню. стал действовать уже иной фактор - религиозпый. Начавшаяся мусульманизация населения горной зоны Чечии (не рапее XVII в.) закончилась в районах Ингушетии только в начале XIX в. В 1858 г. А. П. Берже писал, что «один из значительнейших тохумов (фамилий) чеченских принял последний мусульманскую веру около 90 лет тому назад» (т. с. в конце XVIII в.). 102 А последными ингушами, принявшими ислам в 1862 г., были жители аула Гвинсты 103. По многочисленным свидстельствам ингушских стариков, записанным Л. П. Семеновым в 20-х годах нашего столетия, магометанское веронсповедание укрепилось в горах около пятидесяти лет пазад. Мечети пачали строить здесь с начала 900-х годов. Это подтверждают сильнейнию пережитки первобытной языческой релиции, сохранившисся в прошлом быту ингушей.

Только распространение ислама окончательно положило конец строительству ингушских погребальных сооружений — «капи»; вызванные к жизни местными условиями земельного кризиса, при отсутствии твердых канонов язычества, разнообразные «каши» прошли довольно долгий путь своего развития от подземных по падземных коллективных усыпальниц с пирамидальной крышей. Только в конце XVIII в. па смену захоронениям в в склопах пришел новый погребальный обряд, предусмотренный иснамом, который строго требовал погребать мусульман в отдельных груптовых ме илах с полбоем. В этих условиях местный, чисто географический фактор потеряя свое значение; уменьшившееся в связи с переселением на равнину население, чтобы сохранить свою материальную культуру, выпуждено

было сменить старый погребальный обряд.

Культовые памятники. К этой категории относятся менее многочисленные, по также разнообразные объекты, связанные с отправлепиом двух религиозных культов — язычества и христианства. Не дублируя

В. А. Изиксуос. О чем рассказывают археологические намитники Северной Осетии. Орджонинидзе, 1968, стр. 53, 54; В. Х. Тменос. Археологическое исследование «города мертвых» у сел. Дартавс в 1967 году. МАДИСО, т. И. Орджоникидзе, 1969, стр. 137—157.
 В. И. Маркосии. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965, стр. 83, 84.
 А. И. Берже. Чечия и чеченцы. Тифлис, 1859, стр. 137.
 Б. Далгат. Первобытная религии чеченцев. ТС, вып. 3, ки. 2. Владикавказ, 1893, стр. 53.

сведений о них, имеющихся в литературе, и особенно в работе Л. П. Семенова, я ограничусь здесь приведением общих данных об этих памятииках.

Самым выдающимся архитектурным сооружением, связанным с христпанской религией, является одноапсидный храм «Тхаба-Ерды» («святой двух тысяч») 104 XII в., расположенный близ с. Хайрах в верховьях р. Ассы, на правом ее берегу. Он описывался рядом исследователей начиная с XIX в. Характеристика и уточненная датировка этого замечательного образда кавказского зодчества нами были даны еще в 1947 г. 108

Но в связи с тем, что сведения о храме «Тхаба-Ерды», приводимые разными авторами, петочны и ппогда противоречивы, так как намятник обычно описывался наспех, а главное, без археологических расконок 100, считаю целесообразным привести здесь первое описание храма, произведенное квартирмейстером русской армии Штедером в 1781 г. 197; текст приво-

дится в переводе с немецкого А. Н. Генко:

«К югу, на возвышенности, у которой соединяются оба рукава Ассы, у правого рукава расположено старинное здание, куда совершается ежегодное великое паломинчество всего народа. Древний непорочный старик из одной определенной фамилии закаливает жертвенные животиме, съсдаемые близживущими фамилиями: голова с рогами и костями сохраняется в эдании. Оно уже частично разрушилось и имеет 23 шага в длину и 7 и шкрину при трех саженях высоты. Оно состоит из гладких тесаных камией. однако крыша развалилась. С западной и восточной стороны видны узкие притворы. От первой из означенных сторон был вход, вединий через ворота, однако он заложен теперь камиями; импешний вход ведет чероз пизкую дверь на южной стороне. Над главным входом имеется несколько бесформенных фигур, высеченных в диком камие. Мужчина, сидлиций на стуле, имеет перед собой с левой стороны простирающуюся из облаков руку, держащую паугольник; рядом с имм мужчина, держащий перед собой в левой руке крест, а правой берущийся за саблю. Напротив, с правой стороны, другой нес виноград на палке, положенной через илечо, сбоку находятся головы ангелов, расположенные для украшения на углах карниза. Над [центральной] фигурой паходился фасад греческой церкви. подобной той, что я обнаружил в натуре на огромной высоте у Казбека Івмеется в виду церковь Степан-цминда. — Е. К.І. Надписи стали перазборчивыми вследствие разрыхлеппя камня. На восточной стороне находится два узких окна, а на южной стене треугольные маленькие двери, оставленные вместо окон. Внутри здание темно, грязно, лишено пола, посередине наполнепо угольями, оставшимися от жертвоприношений животных. Головы с рогами, кости и поломанные стрелы сохраняются по сторонам.

 ¹⁰⁰ любезному разъяснению Н. Г. Ахриева, первая часть «Тхаба» буквально озвачает «20 сотеп», вторая часть «Ерды» — испереводимая, но всегда связанная с названием культовых объектов, например: «Алба-Ерды», «Гали-Ерды», «Маги-Ерды» и т. д.
 100 Е. И. Ируписа. Грузинский храм «Тхаба-Ерды» на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XV.
 110 Летом 1969 г. Чечено-Пигушским республиканским музем красведения с привлечением грузинских специалистов впервые быми организованы раскопочные в рестаррационные работы храма «Тхаба-Ерды». Но итоги этих ванных работ пока не опубликованы.
 100 Зісфет. Тадевысь einer Reise die im Jahr 1781 von der Granzfestung Mosdok nach dem inneren Caucasus unternohmen worden. St. Petersburg und Leipzig, 1797.

У восточной стороны расположены сводчатые инии, заложенные камнями и имеющие будто бы подземные ходы, где хранятся церковные принадлежности и кпиги» 108.

Весьма важным моментом в этом первом описании «Тхаба-Ерды» является отмеченная Интедером каменная модель храма, некогда украшавшам западный фасад здания. Иыне модель находится в Республиканском музее в Грозном. Она поспроизводит крестово-купольное здание, крестообразное в плане. Современный же вид «Тхаба-Ерды» — одпоансидная базилика с двускатной крышей. Это несоответствие модели с самим храмом вызывает

ряд вопросов.

Обычай сооружать христианские храмы в строгом соответствии с моделью, вделанной в ктиторские группы на стенах церквей, хорошо известен в практике средневекового зодчества и Грузии, и Армении. Возможно, и «Тхаба-Ерды» должен был стать крестово-купольным храмом. Хотя в истории грузинского церковного строительства известны примеры и такой зволюции архитектурных форм, когда модель не соответствует выстроенпой церкви. Окончательно решить этот вопрос смогут только обстоятельные археологические раскопки внутри и вокруг храма.

Приведенное описание «Тхаба-Ерды» Штедером, позднее, в 1811 г., в основном было повторено геологом Энгельгардтом, который между прочим установил, что храм (рис. 44, 45) был построен из «плит известняка и несчаника, добываемого недалеко» 100. К сожалению, В. Ф. Миллеру, посетивнему храм в 1886 г., остались неизвестными наблюдения и Штедера, и Энгельгардта; отсюда и некоторые неточности в его заключениях.

Храм «Тхаба-Ерды» как бы венчает целую группу христианских храмов, расположенных в той же Ассинской котловине, что «Алби-Ерды», «Гали-Ерды», храм у с. Таргим и др. Все они также одноансидны и различаются лишь размерами и некоторыми архитектурными деталями. Сложены они из обработанных и хорошо подогнанных плит из местных пород. Иногда каринзы храмов украшены рельефным орнаментом грузинского облика. Впутри стены сохранили следы фресок. Таргимский храм подробно описан Л. П. Семеновым 110.

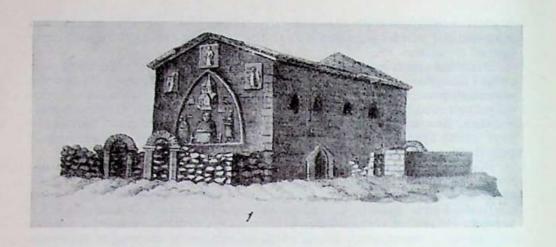
Эта немногочисленная группа христианских храмов, безусловно являющаяся производной от грузинского церковного зодчества, служит ценнейшим доказательством появления и распространения христианства в вайнахской, в частности в ингушской, среде не ранее XII—XIII вв.,

в период расцвета грузинской феодальной монархии.

Гораздо более многочисленной группой памятников, связанной с прошным бытованием среди ингушей первобытноязыческой религии, являются разного рода святилища. По своим размерам и архитектурным формам они весьма разнообразны.

Самой обычной и простейшей формой средневековых культовых памятников являются каменные сооружения в виде прямоугольных массивных

А. Н. Генко, Указ соч., стр. 733.
 Steder. Ор. cit., S. 33.
 Л. П. Семеноо. К вопросу о культурных свизях Грузии и народов Северного Кавиаза. МИА,
 М., 1951, стр. 302—306.

столбов — «сиелинг» — с двускатным верхом. Сложены они из грубообработанных камней на извести. Поверхность их покрыта обмазкой. Варианты их многочисленны. Средняя высота таких столнообразных памятников не превышает двух метров. Как правило, в одной из сторон такого памятника сделана ниша для жертвоприношений. Еще не так давно их можно было видеть почти вокруг любого селения горной Ингушетии.

Но еще более распространенной категорией культовых памятников были святилища. Хотя они также представлены разными вариантами, но в основном имеют прямоугольное, удлиненных пропорций основанис, довольно высокие стены и двускатную ступенчатую крышу. Число ступеней такой кровли варьирует от 7 до 12. Обычно входы в такие сооружения имели форму арки. Все они сложены из хорошо обработанных камней с

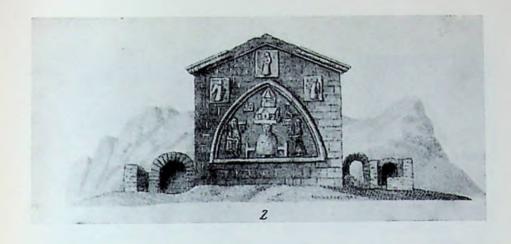

Рис. 44

Храм «Тхаба-Ерды» (по М. Энгельгардту, 1811 г.)

— общий вид храма с юго-западной стороны;

2 — западный фасад Храма;

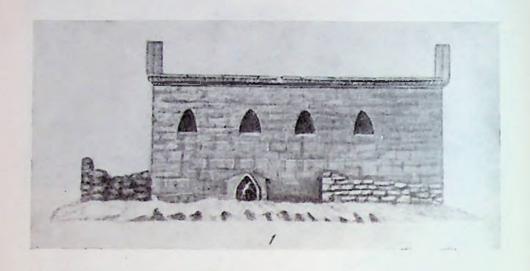
3 — регьеф на западном
фасаде;

4 — регьеф на восточном фасаде

оптукатуренными поверхностями стен. В стенах имеется по нескольку целей-окон.

Размеры их площадей колеблются от 10 до 50 кв. м, при сторонах, равных 2,0×4,5; 4×7 и даже 5×10 м. Неодинакова и высота их — от 3 до 5 м. Внешие некоторые небольшие святилища повторяют форму двускатных надземных склепов. Подобные святилища, естественно, расположены вблизи самих селепий, но нередко они располагаются и между селениями на горных кряжах, на возвышенных местах. Известны они и на пустынном южном склоне Столовой горы; из трех таких святилищ паиболее известно святилище «Мятцел».

Многие входы в святилища украшены вделанными в стену оленьими или турьими рогами. Обычно в стенах святилища имелись тайники, иногда

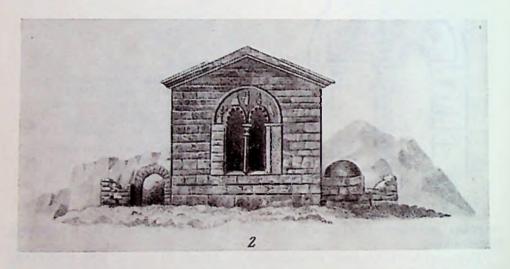
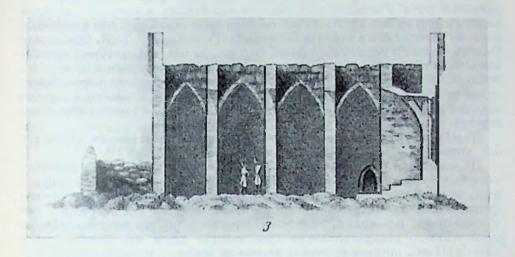
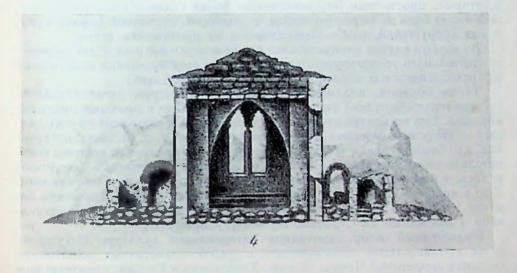

Рис. 45 Храм «Тхаба-Ерды» (по М. Энгельгардту, 1811 г.) 1 — общий вид восточной стены храма; 2 — общий вид восточной стены храма;

разрез храма по продольной оси;
 разрез храма в поперечнике

по нескольку. Они вмели вид небольших каналов, изгибающихся пол прямым углом. Размер отверстий достаточен, чтобы по каналу свободно двигалась рука. Располагались тайники над входом, в арках, в адтарной части и в других местах. Почти все тайники были ограблены еще в прошлые века, по кос-где, как в тайнике святилища «Гали-Ерды». Л. П. Семеновым были найдены 13 медных церковных сосудов, на одном из которых прослеживается старая грузинская надопсь. В тайнике святилища «Эрэпли» (с. Эрэн) им же были обнаружены железные кресты и шесть одинаковых броизовых орнаментированных блях (возможно, поясных). Известны и другие паходки различной утвари (деревянные сосуды, кубки, железные трезубцы, вертела и пр.).

Подобные святилища известны во многих пунктах Ингушетии. Почти все

они учтены Л. П. Семеновым и описаны в его работах 111.

По мнецию Л. П. Семенова, наиболее древними культовыми намятниками были христианские храмы, «более поздпими — сооружения второго вида, позднейшими — столпообразные святилища, отличающиеся иногда чрезвычайной примитивностью» 112. Мие не кажется эта периодизация обоснованной. Во-первых, этот вывод противоречит его же правильному закдючению о распространении христианства среди ингушей не рапос XII-XIII вв., которое проникло далеко не всюду, а главное, оно не сменило бытовавшее здесь язычество, христианство сосуществовало с иим; во-вторых, простейшая («примитивная») форма столпообразных сооружений может быть не вырождающейся, а, наоборот, первичной формой культовых сооружений, слабо изменившейся на протяжении веков.

Во всяком случае окончательное решение этого вопроса будет зависеть от тщательного архитектурного анализа форм всех культовых сооружений

и археологического обследования каждого намятника.

Таким образом, анализом материальной культуры устанавливается органическая связь всех рассмотренных намятников с прямыми предками ингушей. Она не подлежит никакому сомнению и в свете всех других данных — антропологических 113, этнографических и т. д. В таких исстройках, как башиц «гала» и «воу», ингуши жили и скрывались от врагов в сравнительно недалское время, другие же — склепы и святилища — использовались и были почитаемы ингушами до сравнительно поздиего времени. Еще в конце XIX в. совершались празднования в честь языческих божеств 114. Даже в 1925 г., во время засухи, жители ущелья Арм-хи устраивали в святилище на Столовой горе жертвоприношения 115.

Приведенный обзор памятников материальной культуры Ингушетии и их сравнительное сопоставление с рядом аналогичных памятпиков соседних территорий Чечни, Осетии, Хевсуретии и Грузии, произведенное рядом авторов (Б. Плечке, Л. П. Семенов, Г. А. Кокпев, С. И. Макала-

¹¹ Л. П. Семенов, Эполюция ингушених святилищ, «Труды секции археологии РАНИОН», т. 1V. М., 1928; он же. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925— 1932 годах.
1932 годах.
1933 годах.
1933 годах.
1934 годах.
1935 Л. П. Семенов. Археологические и этпографические разывнатия в Ингушстви в 1925—1932 годах, стр. 41.
1938 В. Бумок. Черепа на скленов горного Кавиаза в сравнительно-антропологическом освещении. МАЭ, т. ХІУ, стр. 312.
114 А. Базоркин. Горское паломичество. ССКГ, т. VIII. Тифиис, 1875.
115 Г. Н. Мартиросиян. История Ингушин. Орджоникиво, 1933, стр. 63.

тия, В. И. Марковии и др.), позволяет сделать одно принципиально важное заключение. При признаши искоторых общих черт, свойственных средневсковым памятникам большинства районов Центрального Кавказа (башенная и скленовая архитектура, довольно однородими могильный инвентарь), резко бросаются в глаза отличительные особенности местной материальной культуры, характерные только для Чечии и Ингушетии. Это — особые типы башенного, скленового и культового зодчества, специфичность височных колец и головных украшений, доказывающие глубокие истоки того культурного единства, которое давно уже и прочно установлено лингвистами по языку чеченцев и ингушей, теперь именуемых «вейнахами» или «вайнахами» ¹¹⁶.

¹¹⁴ Н. Ф. Якоолее. К вопросу об общем наимсповании родственных народов (чеченим в ингуши). ЭСКГНИЙ, т. І. Ростов-ца-Дону, 1928, стр. 195; Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахожих явыков и проблемы происхождения и исторического развития навказоких народов. Грозный, 1963, стр. 78.

ХОЗЯЙСТВО ИНГУШЕЙ

Мы уже знаем, что предки ингушей некогда занимали только горную часть той территории, на которой они обитают теперь. Это не было добровольным выбором места для обитания ингушских племен. Постепенный и сложный процесс овладения пыгушами все большей, а главное пужной плодородной, равнинной территорией, собственно, и представляет собою историю маленького внгушского народа, боровшегося за свое существование на протяжении веков в условиях перенаселенности, крайнего маловемслья и перестройки всей примитивной экономики — перехода от скотоводства к

террасному земледелию.

В течение многих столетий ингуши были буквально заперты в споих горных ущельях. Здесь, живя в очень трудных условиях, этот небольшой народ сохранил свою самобытность и первобытную идеологию. Всякая попытка выселиться на плоскость, на плодородную равнину была чревата опасностью закабаления. А острая нужда в земле, в хорошей, плодородной почве неоднократно заставляла делать вылазки на плоскость. Стоит взглянуть на карту населеных позднесредневековых пунктов горной Ингушстии, чтобы убедиться в чрезвычайной плотности горского населения в педалеком прошлом. Абсолютно такая же картина наблюдалась и в горной Чечве до XVI—XVII вв. Это хорошо показано в специальных экономических исследованиях Евг. Максимова 1 и Н. С. Ивапенкова 2. Земельный голод все горцы испытывали всегда, ибо плоскостные плодородные земли центральной части Северного Кавказа с давних пор были заняты более сильными соседями.

В первой половине II тысячелетия н. э. по этим землям кочевали половцы и различные ногайские племена (остатки Золотой Орды). В эпоху позднего средневековья плоскостная территория до самого XVIII в. находилась в руках кабардинских и кумыкских князей. А эти феодалы издавна и очень умело использовали «право сильного».

В ингушском нартском (геропческом) эпосе, преданиях и песнях сохрания ось множество свидетельств о таких взаимоотношениях «слабых»

Есг. Максимос. Чеченцы. ТС, вып. 2, кн. 2. Владикавказ, 1893.
 Н. С. Исаненков. Горные чеченцы. ТС, вып. 7. Владикавказ, 1910.

пигушских племен с «сильными» кабардинскими и другими феодалами. Таковы, например, «Песпя о Гази-мальчике», «Предание о Карихале» (основателе Назрани), легенда о происхождении пигущей, связанная с нартом (богатырем) Соска-Солса, п др. Реальность всех этих ланных подтверждается историческими свидетельствами грузинского царевича Вахушти ч. Судя по кабардинским преданиям, обобщенным Шорой Ногмовым в начале XV в., потомки киязя Инала уже запимали районы плоскостной Ингушетии 5. Пребывание кабардинцев в предгорных и равнивных районах Чечено-Ингушетии в послемонгольский период неопровержимо доказывается наличием эдесь многочисленных курганных групп в окрестностих селений Базоркино, Назрань, Кескем, Пседахи, Алхасты, Нестеровская, Бамут и др. Содержимое этих курганов (сам погребальный обряд и могильный вивентарь XIV—XVI вв.) явно кабардинского происхождения в. Подкурганный погребальный обряд совершение не характерен для горцев Северного Кавказа.

Наконец, некоторые официальные документы XVIII в. прямо говорят о временной зависимости ингушей от кабардинских киязей в сравнительно недалеком прошлом. В актах, изданных Кавказской археографической комиссией, содержатся свидетельства о давнем притеснении ингушей кабардинскими феодадами, о дани козами и баранами, которую ингуши

платили кабардинцам ?.

Зависимость ингушских племен от кабардинских феодалов до сраввительно поэднего времени полтверждают многие исторические документы. Так, в ранорте генералу Тормасову от 28 июля 1809 г. за № 533 генералмайор Ивелич допосил: «Об упоминаемых же ингушах я употребляю старание через кабардинского киязя Батоко-Жанботова, который считается над ними опекуном, с тем, чтобы оный удержал ингуш от такого заблуждеиня [речь идет о переходе ингушей в мусульманство.— E. K.] и перевел бы с ныненшего их жительства, около Супки расположенного, в прежние их Ингушские ущелья, а если оных не переведет, то вероломством их вместе с чечениами около сей крепости и до с. Балты, цолагаю, что от них будет 1. Vinenne» 8.

Другой документ разъясняет, что эта «опека» кабардинского князя была не чем иным, как обычной экономической зависимостью части ингушского народа от богатого землевладельца. Тот же генерал-майор Ивелич в рапорте от 9 июня 1810 г. за № 283, адресованном генералу от инфантерии Булгакову, допосил: «При чем долгом поставляю присовокупить просыбу выше приписанных ингушских старшии и всего их населения, простирающегося более 7 000 душ, которые по бедственному своему состоянию припуждены были для хлебопашества переселиться на р. Сунжу с отда-

² См.: А. О. Мальсагов. О нарт-орстхойском эпосе ингушей и чечениев. «Сказания о нартах — эпос народов Кавиаза». М., 1969, стр. 261.

⁴ Вохушти. География Грузии. Перевод М. Г. Диканашвияи. Тифлис, 1904, стр. 152; П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. 1. СПб., 1869, стр. 300.

⁵ И. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик, 1947, стр. 55, 56.

⁶ О. В. Милородович. Кабардинские курганы XIV—XVI вв. СА, ХХ. М., 1954, стр. 343; Е. И. Круписе, Р. М. Мукчее. Бамутский курганый могильник XIV—XVI вв. ДЧИ. М., 1963, стр. 217.

⁷ АКАК, т. І стр. 86.

⁸ АКАК, т. IV, стр. 891.

нвем аманатов кабардинскому князю Ватоко-Жанботову, с отланием с каж-

дого двора по рублю серебром и по 2 мерки проса» °.

Нищета, в которой находились запертые в горах ингушские племена и которая с ростом населения чувствовалась все сильнее и сильнее, заставляла ингушей обращаться к русским за помощью и с просьбой оградить их от притеснений и производа со стороны кабардинских и кумыкских киязей.

В 1769 г. часть ингушей была принята в российское полланство кизлярским комендантом и дала аманатов 10. И хотя, по Буткову, начиная с 1744 г. пагуши становятся прямым объектом русской колопиальной политики 11, весь последующий период характеризовался только началом упрочения русского владычества на Кавказе, когда те же местные феодалы, будь то кабардинские или кумыкские киязья, особению не считались с фактом перехода ингушского парода в русское подданство и по-прежнему требовали дань. Это полтверждают и данные о том, что уже в 1771 г. ингуши снова обращаются к корпусному коменданту генералу де-медему с просыбой о покровительстве и об ограждении их от продолжающегося притеснения кабардинских феодалов 12.

Официальные документы той поры свидетельствуют об исключительно тяжелом экономическом положении ингушского народа, которое понимало и русское руководство на Кавказе. «Если теперь не придаскать ингушевский бедный народ в теперешнем их крайнем положении, то истерять их полжны и отвратить от себя», — убеждает генерал-майор Ивелич генерала Тормасова в донесении от 21.VI_4810 г. 13 В последующие годы положение ингушского парода още более ухудинлось. Вот что писал о положении горцев еще в начале XX в. один из авторов статистического обзора: «...а горны силят в своих осниму гнездах, придавленные голодом, холодом, безысходной нуждой и невежеством... запуганные и забитые...» 14

Паже в самом конпе XIX в., в период усиливающегося влияния русского капитализма на пигушей, когда часть ингушей стала выселяться на плоскость — на арендвые земли казачьих станиц и на земли все тех же кабардинских князей, за которыми царское правительство закренилосячи несятин земли, в ингущских горах на одну душу населения мужского пола в среднем приходилось 1,85 десятины всей земли, включая и исудобную, т. е. горные скады и осыпи. Перед самой же Великой Октябрьской революцией в горной Чечне на одну мужскую душу приходилось 0,3 десятины земли, в горной Ингушетии и в горной Осетии даже 0,2 песятины. На целое хозяйство в аулах Грозпенского округа приходилось в среднем не больше 1,7 десятины посевной площади 16.

Чтобы понять, какую невероятную нужду в земле испытывали ингуши-горцы в недалеком прошлом, воспользуемся статистическими данными,

АКАК, т. 1V, стр. 897.
 П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавиаза с 1722 по 1803 г., т. П. СПб., 1889, стр. 300.

¹¹ Том же, стр. 268. 12 АКАК, т. І. стр. 86. 13 АКАК, т. ІV, стр. 896. 14 А. Скачков. Опыт статистического исследования горного уголка. Владинавказ, 1904, стр. 114. 15 Д. З. Коренев. Революция на Тереке. Орджопинидзе, 1967, стр. 12.

приведенными Г. Вертеповым и Е. Максимовым в книжке «Туземиы Северного Карказа». Вот сводная таблица, составленная по данным конца XIX B. 10

На одну мужскую душу ингуши-горды имели:

Джераховцы — удобной — 1,5 дес.,					неудоби	oü — 1,1	всего - 2,6 дес.	
Мецхальцы	-	**	- 0,9	11	19	- 0,7	11	" — 1,6 "
Цоринцы	-	-	-			-		- 1,6 ,,
Хамхинцы	-	"	0,8	н	"	- 0,8	11	" — 1,6 "

В средвем 1,85 десятины

Нонятно, что ингуши, переселивнись на плоскость, попадали в несколько лучине условия. Здесь на одну душу мужского пола приходилось в среднем до 4,5 десятины всей земли. Но это — наименьшая из земельных порм, которые приходились на одну душу мужского пола у прочих горпев. У осетии, например, средняя порма — 5,3 десятины, у кабардиниев — 8,37 деситины, не говоря уже о терских казаках, у которых на опного казака приходилось 21.3 десятины земли. Накануне Октябрьской революции. когла население казачых станиц возросло в два раза, на мужчину-казака приходилось по 12,3 десятины удобных земель 17. Даже в 20-х годах XX в. педостаток земли и неопределенный характер земленользования в горах вызывали жалобы населения, требовавшего реформы в землеустройстве 18.

Совершенно очевидно, что безземелье, выраженное в горах в таких острых формах, очень ограничивало развитие хозяйства ингушей, и

прежде всего развитие горного или террасного земледелия.

Поднять экономическое благосостояние ингушского народа можно было только с массовым персходом к земледению, с приобретением плодородных земель. Но их не было у ингушей. Раньше плоскостью владели орды кочевинков, затем кабардинцы и кумыки, позднее их сменили русские, основав цени казачых станиц на плоскости и в предгорьях, а ингуши, как и другие народы Северного Карказа — чеченцы, осетины и другие, — оставались затиснутыми в горах почти до самого конца XIX в. Только Великая Октябрьская социалистическая революция раскрепостила все пароды России и обеспечила крестьянское население, в том числе и трудовое русское крестьянство, наделами зомли. Ингушскому народу, как и другим горцам, была предоставлена земля на плоскости, ранее находившаяся во владении местных феодалов, чиновников и казаков 19.

И только когда были созданы благоприятные условия, ингуши очень быстро осуществили переселение на плоскость. Поражают массовость этого переселения и та легкость, с которой ингуши бросали свои родовые гориме гиезда и буквально целыми аулами спускались на раввинные земли. В результате столь стремительного переселения после 1920 г. в го-

Г. Вертепов и Е. Максимов. Туземцы Северного Кавиаза. Владикавказ, 1892, стр. 33.
 Д. З. Коренев. Указ. соч., стр. 12.
 Г. К. Мартировит. Нагориал Ингушия. ИКНИИК, т. І. Владикавказ, 1928, стр. 75.
 Д. З. Коренев. Указ. соч., стр. 12.

рах осталось всего 13.9% пигушей, а основная часть (86,1%) пигушского населения ушла жить в предгорья, на земли бывш, стапии Тарской, Фельпмаршальской, Сунженской и Ахки-Юртовской, в свое время основанных на местах выселенных ингушских аулов (Ангушт, Алхасте и пр.) 20.

В тех же условиях и при тех же обстоятельствах произощло уменьшение горского населения и в Карачае, и в Осетии, и в Чечие 21. Любопытио. что самыми заселенными ингушами-переселенцами оказались плоскостные селения, расположенные в наиболее плодородных районах. Из опроса жителей о причинах переселения с гор на плоскость, произведенного экспедицией В. П. Христиановича в 20-х годах, явствует один, ставший стереотниным ответ: «Отсутствие земли, годной для земледелия, и ужасающее бездорожье» 22, т. е. тот бич, который довлем над горцами веками. В этой связи пельзя не коснуться роли географического фактора, его влияния на развитие одного из основных видов хозяйственной деятельпости ингушей в прошлом. Географическая среда является одним из постояцных и необходимых условий развития общества; она, бесспорно, влияет на развитие общества, ускоряет или замедляет его развитие. Географические и климатические условия горной Ингушетии также оказывали затормаживающее влияние на хозяйство, ставили серьезные преграды развитию здесь земледелия 23.

Природные условия нагорной полосы — высота, доходящая до 1500 м над уровнем моря, ущелья, скалы, камии, осыпи, супесчаная, с большим содержанием гравия почва, требующая усиленного унавоживания, вредные для хлебов и трав южные ветры, иссущающие и без того каменистую почву, «создали крайне неблагоприятцую обстановку для запятия земледелием» 24. Но прежде всего развитие земледелия сдерживалось педостатком земли. Местными условиями определялся и самый характер земледелия у ингушей. Это было так называемое нагорное земледелие с подсечной

системой.

Почти всеми исследователями Кавказа отмечались примитивная форма обработки горцами крохотных участков земли и тот колоссальный труд, который вкладывался горским населением в создание искусственных участков пашии. «Ичкерпицы также запимались хлебопашеством, — писал Н. Дубровин, - и можно сказать, даже все без исключения. Но размеры возделанной земли были весьма незначительны. Для расширения своих полей они припуждены были рубить лес и выжигать траву.

Самая пахота производилась или сохою, или же просто острой палкой

делали легкую борозду и клали туда зерна.

Недостаток места — главная причина ограниченности размеров, в которых производились посевы, состоявшие главным образом из кукурузы, пшеницы, ячменя, незначительного количества проса и льна. Последний сеялся только для масла, так как туземцы, незнакомые с выделкою из льна холста, бросают его стебель» 25.

²⁰ См.: Г. К. Мартиросиан. Уназ. соч., стр. 77. 21 В. П. Христичнович. Гориан Ингушил. Ростов-на-Дону, 1928, стр. 61—65.

²² Там ме. 23 А. К. Вильяме. Географический очерк Ингушетии. Владикавказ, 1928. 24 Г. Н. Мартиросиан. Указ. соч., стр. 98. 25 Н. Дубровии. История войны и владычества русских на Кавиазе, т. I. СПб., 1671, стр. 380.

Правда, ичкерипцы, о которых ведет речь Н. Дубровин, не ингупп. а чеченцы, по это общество всем складом своего быта, своего хозяйства п всем ходом своего исторического развития родственно тем горским обще-

ствам, которые позднее получили название ингущей.

Мы не имеем прямых указаний о характере земледелия у ингушских племен в более ранний период, чем XVIII—XIX вв. Авторы же этого времени говорят о незначительном объеме нагорного земледелия. С. Броневский на основании материалов Гюльденштедта, Палласа и других ученыхпутещественников XVIII в. и своих собственных разысканий о народах Кавказа писал в 1823 г., что кигушское племя карабулаки «мало зацимастся хлебопашеством», некоторые кистинские общества «живут у подошвы систовых гор, в неприступных местах, питаются от овечьих стал и кукурузою, которую сеют на удобренных каменистых почвах» 26.

Пахотные земли горных ингушей «состоят из отдельных клочков самых разнообразных форм и величии, от величины разостланной бурки по 1/1 десятины. Причем эти клочки разбросаны по таким местам, о которых трудно иметь представление человеку, не бывавшему в горах» 27. Это свидетельство удостоверяет былую реальность известного на Северном Кавказе анекдота о горце-нахаре, который вспахал свой участок и прилег отдохнуть, а затем долго не мог его найти, так как он оказался прикрытым буркой, на которой он спан 28. Известно также, что хорошо обработанный участок в горах нередко стоил столько же, сколько умещалось на нем голов рогатого скота.

Один из первых исследователей экономического состояния горных ингушей Н. Ф. Грабовский представил почти исчернывающую картину

примитивного земледелия у этого народа.

«Вблизи жилищ, -- писал оп, -- встречаются искусствение устроенные

террасы для носева хлебов.

Нужно видеть эти террасы, чтобы судить о громадности труда, потреблявшегося на устройство их; они находятся обыкновенно в таких местах, где сама природа отказала дать что-либо. Чтобы устроить площадку в 10-12 арини длины и в 5 аршин ширины, необходимо было горцу расчистить и сравнять выбранную для этого местность; но так как и после этого площадка, кроме камия, инчего другого не представляла, то понадобилось натаскать туда земли и вообще удобрить ее настолько, чтобы она могла приносить желаемую пользу. Конечно, все это удобно было сделать тому. у кого оказадся на этот раз рабочий скот» 20.

По рассказам стариков, нередко горцам из бедных фамилий приходилось на себе натаскивать землю из речных долин на гориме террасы и создавать искусственные пашни. На этих часто крохотных участках горцы некогда сеяли ячмень, реже — овес и пшеницу, позднее (не ранее XVII в.)кукурузу, по, конечно, в таком количестве, что получаемые урожам далеко не обеспечивали семью хлебом. Следы террасного земледелия до сих пор

С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавиазе, ч. II. М., 1823, стр. 170.
 Г. Вертепов и Е. Максимов. Уназ. соч., стр. 35.
 А. В. Фадесь. Россия и Кавиаз первой трети XIX в. М., 1961, стр. 285.
 Н. Ф. Грабовский. Экономический и домашний быт житслей Горского участка Ингушевского округа. ССКГ, т. III. Тифлис, 1870, стр. 12.

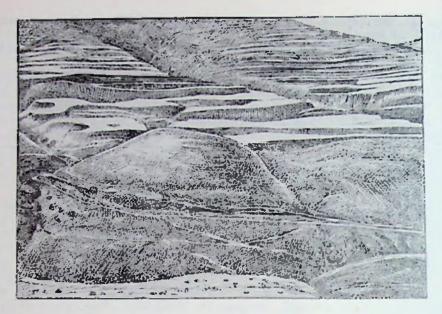

Рис. 46 Участок террасного земледелия на левом берегу р. Арм-хи. Рисунок О. П. Чистовского

сохранились в ряде районов Ингушетии, например на левом берегу р. Армхи при ее впадении в Терек; имне эти террасы уже не используются

(рис. 46).

«Необходимо иметь в виду,— писал в 1892 г. Г. А. Вертенов,— что только самая незначительная часть, приблизительно около 12%, т. с. в среднем около 0,2 десятины на душу мужского пола. эксплуатируются населением под распашку... Туземцы определяют величину своих нахотных участков временем, на которое хватает им для пропитания добываемое на этих участках количество зерна. Значительная семья, состоящая, например, на 5 членов, владеет, самое большее, 15—20 загонами (полосами) нахотной земли, обеспечивающими этой семье существование всего на 5—6 месяцев. Бедная семья в 3—4 человека располагает обыкновенно 3—4 загонами, на которых добывается хлеба не более как на 2 месяца. В каждом горном обществе есть много лиц, владеющих землей только поминально, и в действительности совершенно безземельных» 30.

По данным И. Ф. Грабовского, в горной Ингушетии в 1869 г. было собрано зерна всех культур: в Джерахском обществе около 280 четвертей, в Кистинском — около 1023 и в Цоринском — до 76 четвертей; а это зна чит, что на каждое семейство в Джерахском обществе приходилось всего 2,5 четверти хлеба, в Кистинском — 2,4, в Галгаевском — 2,8, а в Цо-

зе Г. А. Вершенов. Ингуши. ТС, ки. 2. Владикавказ, 1892, стр. 107.

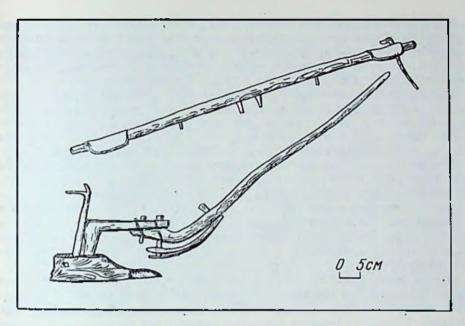

Рис. 47 Гориан соха из с. Фуртоуг, приобретена Ингумским музеем в 1927 г.

ринском только 0,6 четверти ^{э1}. Совершенно ясно, что подобные урожав могли обеспечить хлебом население только на весьма короткие сроки.

Техника обработки земли была очень примитивной. По сведениям Н. Дубровина, ичкеринцы (чеченское племя) в древности вэрыхляли почву «острой палкой... и клали туда зерна». То же самое мне приходилось слышать в 1936 г. от Томерзаева Суле, 95-летнего жителя с. Ведено. По его показаниям, деревянный плуг с железным наконочником (горская соха) появился позднее.

До сравнительно позднего времени в системе горного ингушского полеводства господствовало однополье. Гораздо реже встречалось трехполье (пары). При черном паре, читаем мы в «Трудах Абрамовской комиссии 1908 г.» но исследованию нагорной полосы бывш. Терской области, «поле вспахивается сохой раз в конце весны или в начале лета, когда поднимается трава, в другой раз — осенью и вслед за сим удабривается навозом в количестве ста корзии по три пуда каждая, и затем, в третий раз, вспахивается весной перед посевом» 32. Нахали обычно в конце апреля горской деревянной сохой, впрягая в нее по нескольку пар волов (рис. 47, 48). Вспашка была неглубокой. Непосредственно после пахоты следовал сев, причем никаких орудий для этого не существовало. Орудием заделки сева являлась горская борона-волокуша из терновника. Прополке подверга-

⁶¹ Н. Ф. Грабосский. Унаэ. соч., стр. 10. ³² Г. К. Мартиросиан. Унаэ. соч., стр. 101.

лась вся пашия с помощью мотыги, а чаще всего просто руками, не менее двух раз до уборки урожая. Жали хлеб серпом или косили косою в августе и сентябре. Молотьба проводилась копытами крупных животных (быков и лошадей), которых прогоняли по току, а очистка и сортировка зерна с помощью лопаты и деревянного логка путем веяния на ветру.

Сами перечислениме орудия земледельческого труда, применявиниеся ингушами-горцами в своем хозяйстве вплоть до революции, настолько примитивны, что не оставляют шикакого сомпения в давности слоего происхождения. Вспомним свидстельство Страбона о деревянном илуге. применявшемся в Албании и Иберни в самом начале нашей эры 33.

Все эти данные с несомненностью доказывают, что ин в предреводющнойпый период, ни в более отдаленное время земледелие в высокогорных условиях не имело да и не могло иметь (при той плотности горского населения) ведущего, определяющего значения в хозяйстве ингуша-горна. И тем не менее нагорное земледелие ингушей играло значительную роль в натуральном ингушском хозяйстве и, судя по всем данным, стояло в горах на втором месте после скотоволства. Ингуши — в большей степени скотоводы, чем земледельцы ³⁴.

Совсем иное положение стало наблюдаться в связи с переселением горных ингушей на плоскость. В конце XIX в. земледелие становится главным заиятием населения, развиваясь главным образом у илоскостных ингушей, у которых позднее начинают разпиваться садоводство и огородвичество.

Топографические и климатические условия горной Ингушетии благоприятствовали развитию скотоводства. Главное богатство нагорной полосы Ингушетии всегда составляли и поныне составляют прекрасные альпийские луга и сенокосы, а также леса, расположенные у подножий гор. Они и были сырьевой базой, питавией и поддерживавшей скотоводство. Известны случан, когда горцы валили столетине деревья и листною и молодыми побегами срубленных деревьев кормили голодавший скот 35. Даже в начале XX в. «никаких пиых ценностей, кроме скота, горец почти не имелозс.

О том, что в прошлом скотоводчество играло велущую роль в хозяйстве всех горцев Северного Кавказа, в том числе и нигушей, говорят разнообразные источники, и в первую очередь фольклор. Почти все герои народных дегенд и преданий или сами пасли стада, или так или иначе оказывались связанными со скотоводством. Такова легенца о Гие Тумгоеве, записанная нами в 1930 г. со слов Азамата Щадиева 37. Таковы «Сказание о бесстрашном муже и находчивой жене», слышанное мной вместе с проф. Л. П. Семеновым в с. Шуан в 1929 г.; предание о «Ерде и его пастухе Еркале», записанное нами в с. Этикал со слов Гасана Аушева в 1929 г. 38,

в В. В. Латишее. Известия греческих и латинских писателей о Синфии и Кавказе, 1893 33 В. В. Латание. Известия греческих и латанских инсателен в спары и глама, т. І. вып. 1, стр. 142.

24 Н. Ф. Якээлее. Ингуши. М.—Л., 1925, сгр. 29; Б. В. Гамкрелидзе. Из истории скотоводства в Ингушетии. КЭС, вып. И. Тбилиси, 1968, стр. 238.

25 Г. А. Вертелос. Указ. соч., стр. 115—118.

26 В. П. Христионович. Указ. соч., стр. 98.

37 В 1929—1930 гг. А. Щадиев был секретарем обкома комсомола Ингушетии.

26 В. В. Гемкрелидзе. Указ. соч., стр. 255.

Puc. 48 Пахота гориой сохой, Фото И. П. Исбликина, 1928 г.

и т. д. Ингушский эпос прекрасно отражает прошлое бытие народа-скотовода 39.

Быт горцев-скотоводов нашел блестищее отражение и в адатах ингулией. По ингушскому адату, как и по адатам других горцев, расплата при любой сделке, за любое совершенное преступление производилась скотом. Так, например, за девицу платился «калым» от 12 до 21 коровы, в зависимости от принадлежности невесты к знатному и богатому или белному роду. За убитого мужчину (только при примирении кровников) родственники убийны илатили родственникам убитого 130 коров, за женшину (что бывало весьма редко) — 90 коров. За легкое ранение головы виновник платил 1 барана и 1 котел араки на угощение. Цаже «доктору» за лечение пострадавшего полагалась плата, исчисляемая баранами 40.

В прежиме времена при отправлении разного рода культовых обрядов у вигущских племен в качестве жертвенных животных широко употреблялся домашний скот: быки, телята и особенно бараны⁴¹. Это обстоятельство особенно бросается в глаза при сопоставлении с жертвенной пищей у сугубо земледельческих народов, например у славянских, которые употребляют обычно мучные изделия (разные караваи, фигурки птиц из теста м т. п.) 42.

 [«]Чудесные родинки». Грозный, 1963, стр. 36; «Поээня Чечено-Ингушетии». М., 1959, стр. 64.
 ф. И. Леоннович. Адаты навказских горцев, вып. II. Одесса, 1885, стр. 117, 162.
 Б. Далгат. Первобытная религия чеченцев. ТС, вып. 3, кн. 2. Владикавказ, 1893, стр. 92, 129.
 С. А. Токарез. Этнография пародов СССР. М., 1958, стр. 84.

Ha скотоводческий быт ингушей в древности прежде всего указывают многочисленные находки бараных астрагалов (бабки или альчики) для игры и пожинцы для стрижки овец в погребениях, относящихся к различным отрезкам времени, начиная с подземных и полуподземных скленов типа Салгинских (XII—XIV вв.) и кончая надземными склепами — «кашамп» (XV-XVII вв.). Как известно, ими изобилуют преимущественно погребения кочевнических племен и народов, например кабардинцев, погайцев и др. О преобладании скотоводства у ингушей свидетельствуют и

исторические справки.

Грузинский царевич Вахушти в «Географии Грузии», говоря о районах Глигви (под которыми следует понимать западные районы, населенные нигушами), писал: «А ущелья эти весьма крепки и недоступны для врагов по причине гор, скал, теснин и рек, и лесов, скудны и непроизводительны, бедны скотом так, как мы писали об Осетин» 33. А об Осетии оп писал: «Но плонородность этой страны незначительна, ибо никакие другие верна по родятся, кроме піпеницы, ячменя и овса, по причине холода, позднего лета и ранней осени, но и это не засевается изобильно по малоземелью и скалистой местности... Домашине животные суть: овцы, без курдюка, с хвостами, малорослые коровы, лошади, козы, свиныи, и немного их. И так как имеют мало пастбищ и покосов, потому овец не держат более 20-40-100, также лошадей и коров по 10-20-40, по не более» 44.

Нельзя не обратить внимание на противоречивость заключения Вахушти. Он упоминает полсотии овец и до двадцати коров (в среднем), нахопятихся в ведении отдельных ингушских хозяйств, нытаясь утверждать,

что они «бедны скотом».

Несомиенно, более прав и объективен был С. Броневский, который, располагая более точными и разнообразными данными, писал в начале XIX в., что ингуши «довольно прилежат к хлебопашеству и изрядное имеют скотоводство»; карабулаки «богаты скотом... они во весь год почги кочуют со скотом... и мало занимаются хлебонанеством»; галгаи «питаются от овечьих стад и кукурувою, которую сеют на удобренных каменистых почвах» 45. Почти то же самое повторяет II. Зубов 46, особо выделяя кистов, которые с трудом обеспечивают кормами свои стада, «составлявшие все богатство бедных кистов».

Пругой, уже местный автор прямо удостоверяет доминантную роль скотоводства в горном ингушском хозяйстве даже в середине XIX в. Он пишет: «Главный промысел этих округов [имеется в виду горная часть Ингушетии. — Е. К. I составляет скотоводство» 47. Ряд авторов, анализируя хозяйство горцев, отмечали, что даже и скотоводство у них было развито далеко не достаточно из-за плохой кормовой базы. «Скотоводство, -- пнсал в 1871 г. Н. Дубровин, — у жителей Ингушского округа было незначительно; скот хотя и силен, но мал ростом, лошадей мало... несколько в лучшем виде находилось овцеводство... Причиною неудовлетворительного

^{**} Вахушин, Указ. соч., сгр. 151.

** Там же, стр. 139.

** С. Бронесский, Указ. соч., ч. II, стр. 164, 169, 170.

** И. Зубов. Картины Кавказсного края, ч. III. СПб., 1835, стр. 182.

** ССКГ, вып. II. Тифинс, 1868, стр. 63.

состояния скотоводства были недостаток лугов, сенокосных и настбишных мест. Сена так мало, что его с трудом хватало на зиму, и притом доставка его с гор была крайне затрудинтельна... Недостаток сенокосов заставлял жителей гор ограничиваться содержанием самого ограниченного числа ско-Tab 46.

Кормовой кризис, который всегда остро ощущался в горах, вызвал в нагорной Ингушстви свособразный вид договора межну владельнем скота и пастухом --- «фоат», согласно которому владелец, сдавний скот на известный срок настуху, получает лишь половину сбора. Сущность его изложена в «Трудах» Абрамовской комиссии 10. Комиссия совершению правильно отмечает, что во всех случаях договорного соглашения в выголе остается арендатор-пастух и что «фоат» мог возникнуть только на почве

крайней пужды в кормовых сродствах.

Местиме природные условия и эдесь служили помехой. Лействительно. развитие скотоводства обусловливается в горной зоне и тем обстоятельством, что при продолжительной зиме (более полугода) и при явно педостаточной илощали доступных для использования сенокосов крупный рогатый скот можно разводить лишь в строго ограничением количестве. Тучные альнийские дуга с очень коротким вегетативным периодом, расположенные на высоте от 2500 до 3000 м над уровнем моря, не могут быть полностью использованы под сенокосы и вообще для сухих кормов, так как они бывают свободны от снега не более 3—4 месяцев в году. Отсюда явствуст, что горец может содержать свой скот лишь в таком количестве, которое определяется надичным запасом корма, если он не располагает позможностью где-то и как-то докормить свой скот в зимнее BDeMa 50.

Сама заготовка кормов в горах также сопряжена с преодолением невероятных трудностей. Часто сенокосные участки требуют от горцев почти такого же заботливого ухода, как и нахотные угодья. Все они должны быть очищены от множества кампей, собранных и сложенных по границам участка; а кос-где эти участки, особенно на солнечной стороне долины, требуют и горного орошения. Такое орошение сенокосных участков не-

когда применялось, например, в Хамхинском обществе.

Косьба сена в горных условиях нередко связана с большим риском свалиться под откос, поэтому горцы перед косьбой по крутым склопам привязывают себя ремном к какому-нибудь выступу скалы или к растущему кусту. Так, папример, происходила заготовка фуража на южных склонах Столовой горы жителями с. Фуртоуг до последнего времени. Один из первых псследователей экономики ингущей И. Ф. Грабовский свидетельствует, что «приготовить покосное место в горах и потом собрать с пего сено так же трудио, как и приспособление полей для посевов. Прежде всего нужно было крутые покатости гор очистить от камия; но так как величина многих из этих камией не позволила людской силе сдвинуть их, то покосные места должны были оставаться между ними. Здесь, под палящими

И. Дубровин. Указ. соч., стр. 381. Г. К. Мартиросции. Указ. соч., стр. 119. М. В. Риличкий. Северо-Осетинская автономная область. ИСОППИ, т. І. Владикавказ, 1925.

лучами солица, горец работает косою и сгребает в небольшие коппа накошепную траву. Непривычный человек едва ли бы сумел свободно ходить поэтим покосным местам. Только доставка сена вииз горцу не трудна; копнаобыкновенно туго переплетается древесными гибкими прутьями и в таком виле стаскивается под гору; нередко, впрочем, случается, что коппа, ударившись о камень, разрывает связывающие ее прутья и сено, всегда легкое и без бурьяна, разлетается по воздуху; горцу же остается смотреть, как исчезает его труд, да спова взяться за другую копну» 51. Известен и другой способ доставки сена в селения — на собственной спине, увязав небольшую копну между двух переплетенных внутри кругов на прутьев. Полобные орудия имеются потти в каждом этнографическом отделе кавказских музеев.

Мы не имеем твердых данных для суждения о соотношении отдельных вилов скота, об общих размерах скотоводства в отдаленные времена: статистические же материалы второй половины X1X в. и поздисе рисуют крайне неприглядную картину развития и той отрасли хозяйства ингущей. которая была для них действительно основной. Причем всеми источниками подчеркивается прямая зависимость количества скота от наличия кормовых запасов. Например, по данным Абрамовской комиссии, «скот Ижераховского общества может быть обеспечен кормом лишь на 15,6 дня, если считать порму суточной кормовой единицы для скота в 1 нуд сена, и на 20 дней, если принять норму кормовой единицы в 30 фунтов сена». Лучнию урожан Хамхинского общества, «дающие до 80—100 пудов на десятину, могут прокормить весь скот, состоящий по приведении к единице крупного скота из 7957 шт., - всего в течение 20 дней, если кормовую порму считать в 40 фунтов, или 27 дней, если кормовую порму считать в 30 фунтов» 52. Нагорная сырьевая база и кормовые занасы, которые могли делать ингуши-горцы, в конечном счете всегда определяли объем скотоводства у ингушей.

По статистическим данным И. Ф. Грабовского, в 1869 г. 53 на все население главных обществ гориой Ингушетии приходилось следующее ноголовье скота (см. табл. I).

Таблица I Насвление ингушских обществ и количество скота в их хозяйствах

Название общества	Число семей	Колпче- ство жите- лей	Лошадей	Ослов	Рабочего рогатого скота	Коров и телят	Опец
Джераховское	109	544	58	36	169	436	2700
Кистынское	329	1708	143	185	296	782	4597
Галгаевское	558	2866	303	308	583	1683	12380
Цорипскоз	122	594	74	9	106	324	1317

И. Ф. Грабовский. Указ. соч., стр. 11.
 Г. К. Мартиросиан. Указ. соч., стр. 108.
 И. Ф. Грабовский. Указ. соч.

Ниже мы даем более четкое представление о количестве видов скота, приходящегося на одно семейство в различных ингушских обществах (см. табл. II).

Таблица II Количество скота, приходившегося на одно семейство в ингушских обществах

Одно семейство общества	Лошадей	Ослов	Рабочего скота	Коров и телят	Овоц
Джераховское	0,5	0,3	1,5	4	24,7
Кистинское	0,4	0,5 0,5	0,9	2,3	14
Галгаевское	0,4 0,5	0,5	1	3	22
Цоринское	0,6	-	0,9	2,6	10,8
Акинское	0,9	-	1	2,7	33,7

Таким образом, в среднем на одно семейство ингуша-горца к середине X1X в. приходилось: лошадей — 0,6; ослов — 0,3; быков — 1, коров и телят — 3 и овец — 21 голова.

Разумеется, по этим средним цифрам нельзя судить о подлинном распределении отдельных видов скота по ингушским семействам. Да и сам автор, приводя эти цифры, указывает на значительную уже имущественную дифференциацию ингушей этого времени, когда наряду с зажиточными, имеющими по 12 коров и 200 баранов, передко можно было встретить и такие семьи, которые не имели своего скота.

Я также далек от мысли, чтобы эти столь поздние показатели механически класть в основу характеристики состояния скотоводства у ингушей в более рашие времена. Но думаю, что при отсутствии других данных эти пифры наряду с иными признаками помогают точнее представить себе удельный вес этого вида хозяйственной деятельности ингушей в прошлом. Они в какой-то мере отражают действительное положение скотоводства у горцев во второй половине XIX в., когда часть горского населения уже перекоченала на плоскостные земли и часть ингущского скота стала пас-

тись на землях, арендованных горцами у казаков.

Прежде всего бросается в глаза, что в стадах ингушей практиковалось разведение не крупного рогатого скота, а преимущественно овец. Для разведения крупного рогатого скота, который несомнение мог быть более рентабельным, обязательным условием является обеспечение животных кормом на весь год. Мы уже видели, как у ингушей обстояло дело с заготовкой фуража на зиму: сена было так мало, что его не хватало даже для ограниченного количества коров и лошадей. Мелкий рогатый скот менее прихотлив и не требует больших запасов фуража на зиму. Овцы и козы довольствуются тем, что находят летом в горах, в приальпийской зоне, на южных склонах отрогов и в речных долинах, куда их перегоняют на зиму. Например, овец перегоняли на южные склоны Столовой горы в ущелье р. Арм-хи. Придомное же содержание скота ограничивалось и самими размерами помещений нижнего этажа жилых башен. Они могли

вместить не более двух-трех десятков коров 54. Разведение мелкого рогатого скота (овец и коз) действительно являлось ведущим, основным видом

довольно замкнутого натурального хозяйства ингушей.

На протяжении столетий мелкий скот давал горцу все необходимое для удовлетворения его потребностей: мясо, молоко для сыра, шерсть и кожу для одежды и обуви. Немудрено, что в прошлом натуральном хозяйстве вигуща этот род скотоводства являлся велущим. Именно это обстоятельство и заставило автора одного из исследований призпать, что и в конце XIX в. «в горных местностях области, где хлеб родится с трудом, — опцеводство составляет существенный промысел населения» 55.

Есть основание полагать, что в далеком произдом, когда влияние природного фактора сказывалось сильнее, при более инзком уровне развитвя производительных сил пигушского общества это соотношение крупного и мелкого рогатого скота было еще более разительным. По рассказам стариков-джераховцев, некогда они имели большие стада мелкого рогатого скота и им главным образом и поддерживали свое существование. Ведущая роль скотоводства у ингушей нашла свое отражение и в фольклоре. В местном эпосе одно из первых мест занимают добрые герои - могучие

пастухи Колой Кант, Охкыр Кант и др. 66

О традиционности занятия ингумей овцеводством свидетельствуют некоторые черты быта, обрядов и праздников, сохранившиеся у них до позднего времени. Так, например, в ноябре во время случки овец отмечался особый праздник — «Ори бут». У ингущей существует особый вид присяги, когда присягающий произносит клятву «даца устах» (клянусь бараном). По рассказам стариков, некогда во время праздника «Мятцели» (на Столовой горе) помощник жреца выносил из святилища свечу, голубя и барана. Овцы и бараны были напболее распространенным видом животных, обреченных на заклание при разного рода культовых отправлениях.

Таким образом, насколько позволяют судить имеющиеся материалы. освещающие вопрос о хозяйственной деятельности ингушей, с глубокой древности и до момента переселения ингушей на плоскость, т. с. до позднего средневековья включительно, основным их занятием было скотоводство с явным преобладанием овцеводства. На втором месте стояло террас-

пое земледелие.

Третьим по важности занятием ингушей считалась в древности охота. Охота играла довольно значительную роль, уступая только скотоводству, еще у далеких предков многих современных народов Центрального Кавказа — носителей так пазываемой кобанской культуры (позднебронзовый век). На место охоты в хозяйстве древиих кобанцев (в І тысячелетии до л. обитавших в райопах современной Чечено-Ингушетии) 57 указывает определенное соотношение числа литых броизовых и глиняных фигурок диких и домашних животных, находимых на могильниках и поселениях кобанской культуры.

Б. В. Гамкрелидзе. Указ. соч., стр. 240.
 П. Л. Головинский. Чоченцы. ССТО, вып. І. Владикавказ, 1878, стр. 253.
 А. О. Мальсагов. Указ. соч., стр. 268.
 В. Л. Нозвихова. Нобапская культура на территории Чечено-Ингушетии. Автороферат кавдидатской диссертации. М., 1969.

Подобное соотношение, указывающее на удельный вес скотоводства п охоты, наблюдалось в хозяйствах почти у всех горских народов Кавказа: чеченцев, осетин, хевсур, пшавов, мтнульцев, сванов и ингущей. Миогис илемена и народы Кавказа вплоть до позднесредневскового нериода занимались охотой как значительным подспорьем к основным запятиям — скотоводству и земледелию.

По свидетельству Пейсонеля, итальянские купцы от средневековых адыгов через Тамань вывозили ежегодно в Западную Европу по 100 тысяч лисьих и волчьих шкур, 8 тысяч медвежьих шкур и т. д. Тот же автор указывает и на огромное количество кабаных клыков, якобы используемых

татарамиза.

По П. Д. Головинскому «...охота... в горных местностях, лишенных хлебопашества, особенно в горной Осстин, составляет иногда одно из главных средств к существованию» 60, а условии для хлебопашества в горцой Ингушетии были инсколько не лучше, чем в горцой Осетии. Животный мир горной Ингушстии отличался большим разнообразием 40. Еще грузинский царевич Вахушти, описывая Осетию XVIII в., с которой он сравинвал «Дзурдзукию» и «Глигви», писал: «Из зверей водятся в пекоторых местах олени, серны, дани, рыси, дисицы, волки, шакалы, барсуки, медведи, зайны» ⁶¹. Между прочим, до распространения мусульманства среди чеченцев и ингушей они охотились на кабанов и разводили свицей ег.

Дикие животные из отряда хищных также являлись ценными объектами охоты, обеспечивая охотника теплыми меховыми шкурами. Множество свидетельств о занятиях ингушей охотой сохранилось в ингушском фольклоре. Таковы предация: о Соска-Солса, об охотнике Ахмеде, который «охотой кормил 300 человек», и другие 63. И старики-горцы подтверждают, что в древности охота была больше распространена, чем в последнее время.

В связи с освещением вопроса об охоте заслуживают винмания некоторые ингущские поверья и приметы, связанные с дикими животными. Весьма вероятно, что они являются сохранившимися следами древних тотемистических воззрений, некогда свойственных предкам ингушских племен. Во всяком случае связь их с бытом горцев-охотинков несомнениа. Оказывается, одинм из наиболее почитаемых в древности животных был олень. Охота на оленей была ограничена. Существовало поверье, что семью того, кто убъет много оленей, будут преследовать несчастья. В народном представлении волк является олицетворением храбрости. Известна ингушская поговорка: «он храбр, как волк». Встреча с волком, по поверьям ингущей, означала счастинный путь. Волчьему астрагалу (альчику) принисывалась магическая сила. Медвежьи когти использовались для изготовления амулетов: считалось, что они приносят счастье.

Кости диких животных, а особенно турьи и оленьи рога и черепа, находимые в больших количествах в ингушских святилищах «Мятер-

127

⁴⁹ М. Peyssonel. De traite sur le commerce de la Mer Noire. Paris, 1787. стр. 263: Е. Фелицын. Западнокавказские горцы и погайцы в XVIII столетии по Пейсопеню. «Кубанский сборник». Т. 2. Екотериподар, 1801.

57 П. И. Головикский. Указ. соч., стр. 254.

60 А. К. Вильямс. Указ. соч., стр. 139.

61 Вахушти. Указ. соч., стр. 139.

62 У. Лаудаев. Чеченское племя. ССКГ, вып. VI. Тифянс, 1872, стр. 12.

63 В. Далгат. Указ. соч., стр. 80.

дала», «Маги-Ерды», «Аушасел» и других, сцены охоты на оленей, выполненные красной краской на склепах у селений Эгикал. Лейлаг и пругих, наконец, сами орудия охоты — лук, стрелы, кинжалы и ножи, встречаемые в надземных и полуподземных склепах, связываемых с ингушами, не оставляют сомнения в том, что охота являлась немаловажной деятельностью предков ингушей. В древини пантеои чечено-ингушских племен входило и специальное божество — одноглазый бог охоты Елта. Он считался хозянном лесов и зверей и нокровителем охотников. Удачная охота, согласно верованиям, всецело зависела от Елты. Некогда он пользовался большим почтением: «всякий охотинк после охоты приносил ему в жертву рога убитого зверя» 64. У ингушей существовала особая молитиа, адресованная богу или духу зверей — Елту 65.

Во всяком случае, по памятникам материальной культуры и остаткам объектов охоты можно уверение говорить е ее роли в первой половине II тысячелетия и. э. И если с развитием земледелия, с переселением ингутей на плоскость (с XVI-XVII вв.) 66 охота постененно утратила свое значение, то в более отдаленные времена она играла весьма существенную

роль в примитивном хозяйстве горцев.

Гораздо труднее говорить о таком важном виде производственной деятельности вигущей, как ремесла. Собственно, ремесел у ингущей не было. На всем протяжении своей истории, вплоть до Октябрьской революдии, пыгушское общество не выделило производителей, которых можно было бы именовать настоящими ремесленниками. Ни о каких мелких производителях, владевших средствами и орудиями производства и вырабатывавних продукцию для обмена, на заказ, здесь и речи быть не может. Правильнее было бы этот род деятельности ингушей называть домашиим производством, ибо вся их «обрабатывающая промышленность» была ограничена лишь удовлетворением своих самых невзыскательных потребностей в рамках натурального хозяйства. Не следует забывать, что ингушское общество не имело и своих городов.

Одни из исследователей конца XIX в. О. В. Маргграф довольно верно определял причины такого состоявия производительных сил ингушского общества. Он писал: «...Отрезанные от всех внешних рынков горцы были поставлены в необходимость удовлетворить собственными средствами и трудом собственных рук все свои потребности в платье, обуви и прочем» 67.

Это утверждение прямо относится к ингушам. Вплоть до XVIII в. производительные силы ингушей оставались на крайне низком уровне развития. Ингушские «производства» обслуживами преимущественно

потребности отдельных семей и фамилий, еще ранее — родов.

Поэтому, несмотря на появление в ингушском обществе кузнецов и мастеров - строителей башен, ремеслениая деятельность даже этих спепиалистов была еще не отделена от основных видов хозяйства —

Б. Далгот. Уназ. соч.
 Б. М. Шиллинг. Ингуши и чеченцы. «Религиозные верования народов СССР», т. П. М., 1931, стр. 84. «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР», т. І. Грозный, 1968, стр. 51 (раздел написан Е. Н. Кушевой).

* О. В. Маргераф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа и описание техники производства. М., 1882, стр. 12, 145.

скотоводства и земледелия. А сама продукция кузпецов была довольно примитивной. «Специализацию производства и разделение труда мы встре-

чаем в лесогорье редко», - писал О. В. Маргграф.

Несложные потребности при натуральном хозяйстве семья удовдетворяла сама. Причем, как выяспяется, добрая половина производственной деятельности лежала на плечах женщин. «Образ жизни горских народов довольно разъясняет, что число ремесел должно быть ограничено необходимыми нуждами. Жеңы у них портцые, ткачи, швеи, тесемщики» св. Так писал С. Броневский, подразумевая под горскими народами и ингушей.

До последнего времени исследователи в своих работах мало места уделяли ингущской кустарной промышленности, на что особо обратил внимание Г. К. Мартиросиан в своем очерке «Нагорная Ингушия», главным образом имея в виду упомянутую работу Маргграфа. Но ведь Маргграф рассматривал кустарную промышленность ингушей в системе производства всех других народностей Северного Кавказа, из которых многие, конечно, имели более высокую технику отдельных производств. А в этом плане ингушское производство очень часто провгрывало как в качествениом, так и в количественном отношении.

Но искоторое освещение домашних производств у ингушей, хотя и кратко, Маргграф все же дал. Так, например, в его работе установлено, что по обработко шерсти, являющейся наиболее распространенным видом производственной деятельности всех горцев, ингуши заинмали восьмое место среди прочого населения Северного Кавказа; последующие за ними места занимали только карапогайцы, калмыки и трухмены, или туркмены. «Шерстиное производство ингушей, несмотря на то что они населяют горную местность, инже и в количественном и в качественном отношениях, чем у некоторых жителей равнии», — писал О. В. Маргграф 60. Он же дает подробное описацие примитивного ткацкого станка, на котором женщины выдельнали грубое горское сукно. «Выделку шкур знают все туземцы Северного Кавказа, и для домашнего обихода она производится обыкновенно женщинами... У большинства туземных племен все женщины умеют шить обувь, и этот труд лежит па их обязанности» 70. Шили они примитивную, но очень удобную в горах, мягкую, без твердой подошвы обувь -«чувяки» из сафьяна, т. е. из кожи козла и барана. А так называемые «мачи» — грубую, но удобную в горах обувь — из сыромятной и невыделапной кожи мужчины шили сами.

Более полиое освещение ингушской кустарной промышленности ХХ в. мы паходим у Г. К. Мартиросиана 71. Им перечисляются и производство шерстяных изделий, п мукомольное дело, сыроварение, изготовление ковров, циновок, изделий из кожи, шорное и кузнечное дело, обработка дерева (главным образом изготовление деревянной посуды). Но сама технология

произволства долго оставалась неизменной.

Особого внимания заслуживает описание кузнечной мастерской в с. Салги, сооруженной из леса и камия: «Крыша земляная. Размер поме-

С. Броневский. Указ. соч., стр. 52.
 О. В. Маргераф. Указ. соч., стр. 3.
 Там же, сгр. 147, 171.
 Г. Мартиросиан. Указ. соч., стр. 121.

щения — около 20 кв. аршин, высота — 1 сажень. В центре мастерской, на земляном полу незначительное углубление, часть которого покрыта доской. На ней, опустив ноги в ямку, сидит кузнец во время работы на наковальне, вставленной в кусок бревна, лежащего на полу, и имеющей длину пять вершков; часть того же бревна (рядом с наковальней) выдолблена для воды. Мастерская имеет два меха, изготовленные самим владельцем. К двум нараллельно и вертикально вбитым в землю шестам примыкает плоский камень, инжияя часть которого представляет собой полукруг. На камень кладется древесный уголь. Позади камия на земле лежат два меха, причем острые концы их обращены к месту, где находится уголь» ⁷².

Конечно, п в такой мастерской можно поготавливать изделия, потребные в хозяйстве горцев: ножи, вилы, ножницы, сощники для деревлиного илуга и другие, но изготавливать грубо и примитивно. Г. К. Мартиросиан удостоверяет, что самим кузнецом изготавливаются лишь незначительные орудия производства, более сложные приобретены во Владикавкане. Сам же кузнец кроме временной сезонной работы в мастерской насет скот, занимается земледелием и почти ипчем не отличается от своих одивсельчан.

Таково было состояние горских ингушских «промышленных предприятий» в конце XIX и в начале XX в. Как же было раньше? Описанная кузнечная мастерская в ауле Салги перешла от деда к отцу, от отца к сыпу. О. В. Маргграф в 4882 г., а еще раньше Н. Ф. Грабовский (1870 г.), ставившие своей задачей дать экопомическое описание состояния горцев Северного Кавказа, в частности пигушей, рисуют в основном ту же картину. Более ранние исследователи — акад. П. Г. Бутков, С. Броневский и другие, включая и путешественников XVIII в., почти не упоминают о кустарных промыслах ингушей, в то время как ремеслам других народов Кавказа (кабардинцев, народов Дагестана) уделяют значительное внимание. Маргграф, например, пишет, что на первом месте по кустарным изделям стоит Дагестан и что наименее «производительный народ — ингушей» з. Конечно, состояние кустарных производств у ингушей и тогда было низким, вот почему оно не привлекало исследователей Кавказа.

Переходя к археологическому материалу из скленов, связанных с ингушскими илеменами, и по нему делая выводы об их ремесле, мы вынуждены будем констатировать также чрезвычайно слабое развитие этого

рода деятельности ингушей.

Неоднократно посещая горные ущелья Ингушстии, я имел возможность наблюдать в ингушских надземных и полуподземных скленах небогатый ассортимент и убогую технику могильного инвентаря. А ведь в нем должна бы отразиться «ремесленная» деятельность ингушей! Разбирая содержимое этих скленов, лучший знаток средневековых ингушских древностей Л. П. Семенов инсал: «Могильный инвентарь отличается простотой; в вещественном и художественном отношении он беден. Здесь встречаются следующие предметы: глиняные сосуды, деревянные чашки, железные ножи, железные ножницы для стрижки овец, железные наконечники стрел,

⁷² Г. К. Мартиросиан. Указ. соч., стр. 126. 72 О. В. Маргераф. Указ. соч., стр. 145.

луки, железные поясные пряжки, деревянные гребии и прочие изделия» ⁷⁴. Правда, этот перечень требует дополнения, а сам, в основе правильный, вывод — оговорки. Необходимо отметить, что среди могильного инвентаря, особенно среди женских головных украшений, в ингушских надземных скленах выделяются медиме, а часто серебряные височные кольца, морфологически сходиме со славянскими, точнее вятическими, семилонастными украшениями. И хотя на основе всех известных нам данных нет прямых оснований говорить о существовании в средневековой ингушской среде мастеров-ювелиров, указанные украшения ставят перед исследователями сложный и пока неразрешенный вопрос.

Совершенно ясно, что ингушские височные кольца не могут служить продукцией рядового кузнеца, некогда работавшего почти в каждой общине и ауле горной Ингушстии. Конечно, их производил более квалифи-

цированный мастер по металлу.

Наличие столь свособразного типа украшений в районах горной Ингушетии в XVI-XVII вв. и отсутствие их в соссиних районах (Закавказье и Осетия) исвольно заставляет ставить вопрос об их местном произволстве. Но безоговорочному припятию этого тезиса мещает общее состояние производственных возможностей ингушского общества. Самый факт цаличия только у средневековых ингушей своеобразных височных укращений нельзи объясиять их привозом извис. Для этого нужно точно установить и место их изготовления, и путь привоза. Этого пока мы сделать не в состоянии. Остается предположить, что в XVII в., если не раньше, в ингушском обществе горной зоны появились два-три мастера по металлу, знакомые с дагестанским искусством наносить черпь по серебру. Они могли быть и ингушами, а скорее всего чечепцами или дагестанцами. Их производству мы и обязаны нахождением в ингушских надземных склепах XVI— XVII вв. серебряных височных колец, которые по некоторым орнаментальным мотивам могут лаже служить источником для племенного отличия горных ингушей. Очевидно, излюбленные орнаментальные узоры, скажем, джераховцев и кистин отличались от рисупков галгаевцев; они тигательно воспроизводились мастерами-ювелирами.

Только допуская высказанное предположение, можно объяснить производство и бытование у горных ингушей в прошлом серебряных височ-

ных колец.

Более распространенным видом ремесла средневековых ингушей было гончарное дело. Довольно значительное количество керамической посуды из полуподземных скленов XIII—XIV вв. и из надземных скленов XVI— XVII вв. в виде кувшинов и чаш, сделанных из хорошо отмученной глины отличного обжига и украшенных волнистым и линейным орнаментом, доказывает их местное производство и преемственность от посуды золотоордынского периода. Массовость этих находок по с равнению, скажем, с находками керамики в кабардинских курганах XIV—XVI вв. лишний раз подтверждает их местное производство, которое также, очевидно, не выходило за предслы отдельных общин и посило сезопный характер. В лучшем

г. Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетви в 1925— 1932 годах. Грозный, 1963, стр. 21.

случае этот вид деятельности можно назвать кустарным промыслом, по не вастоящим ремеслом. К сожалению, никаких данных о гончарном деле

ныгушей в исторических документах нет.

Еще меньше данных о деревообделочном промысле ингушей, хотя частые находки деревянных чаш, кубков и мисок, особенно в надземных скленах, причем сделанных уже на примитивном токарном станке, а также деревянных гребней (пногда из привозного самшита) подтверждают существование у ингушей в древности деревообделочного мастерства. Многис деревянные экспонаты (папример, гробы в скленах) богато орнаментированы резными рисупками. Но, песомпенио, и этот вид производственной деятельности ингушей тоже бытовал лишь в системе так называемого до-

машнего производства каждого-рода, каждой фамилии.

Заслуживает випмания еще один из видов производственной деятельности ингушей. Это — строительство многочисленных склепов, святилищ, жилых и особенно боевых башен. Искусством сооружения башен особенно славились ингушские мастера в прошлом. Действительно, боевые башии с инрамидальной ступенчатой крышей являются тиничимми памятниками горной Ингушетии и поражают зрителя своей стройностью, простотой конструкции и пзяществом. Можно полагать, что самый тип этих башен зародился и окончательно оформился на территории Ингушетии. Западнее, на территории Северной Осетии башен подобной стройности нет, хотя из осетинских источников известны свидетельства о построении башен в осетинском с. Даргавс и других местах именно ингушскими мастерами.

Сложить боевую башню в 4-5, а иногда и в 6 этажей, высотой более

25 м, да еще в местных условиях, дело далеко не легкоо.

«Теперешняя Ингушетия почти не знает ремесленников или мастеровых-ингушей,— писал проф. Н. Ф. Яковлев в 1925 г.,— но в старое время в горах пмелись целые роды, заинмавшиеся, например, постройкой башен из камия. Такова фамилия Бархиноевых, жителей селения Бархин в горной Ингушетии, которые из поколения в поколение были мастерами-каменщиками, или «искуспиками камия», как выражаются ингуши, «топы гоудзыж». Их руками строились широкие 2—3-этажные «галы», т. е. башни-дома, в которых и сейчас еще ингуши живут кое-где в горах, или высокие десятисаженные, 4—5-ярусные стройные боевые башии («воу»), которые служили надежным убежищем всему роду при нападениях враждебных фамилий, наконец, маленькие «солнечные могильники-склены» — «каши», в которых ингуши хоронили предков, и многочисленные храмы («цуу», «элгац» и др.). Из всех этих сооружений особой тщательности и искусства требовала постройка боевых башен» 75.

Мы уже упомивали при описании башенных построек совершение бездоказательное мнение ряда иностранных ученых о возпикловении ингушских боевых башен с пирамидальной кровлей под влиянием индийских пагод. В различных районах горной Ингушетии па этот вопрос жители отвечают по-разному, да народная память и не сохранила имени определенного народа, передавшего ингушам строительное мастерство. Это очепь

¹ Н. Ф. Якоелее. Ингуши. М.-Л., 1925, стр. 88.

показательно. Обычно называют грузин, чаще самих ингушей и даже европейцев (фиренгов) и греков. 80-летини старик из аула Фалхан — Алихан Мурзабеков, новествуя в 1929 г. участникам экспедиции Ингушского паучно-исследовательского института краеведения о прошлом своего народа и своего аула, упомянул греков или «джелтов», «джиллинов», как первых строителей замков и башен. Все эти версии совершенно беспочвенны.

По единодушному признанию всех исследователей, боевая башня является образцом местного строительного дела, ею завершается развитие средневекового строительного мастерства кавказских горцев. Весьма обильный сравнительный материал почти со всего Цептрального Кавказа (как известно, «башенная» культура была свойственна всем горцам, живущим по обоим склонам Главного Кавказского хребта) заставляет нас не искать далекой прародины этой культуры, а считать ее порождением и неким производным местных природных, культурно-исторических и социально-экономических условий, присущих народам центральной полосы Кавказского перешейка.

Остро ощущаемое малоземелье, необходимость экономить площадь под жилье и хозяйственные постройки, родо-племенной быт со всеми его проявлениями (кровная месть, частые междоусобицы) и вызывали, как мне кажется, к жизии эти «гала» и «воу», которые сохранились до наших дней как «модчаливые свидетели бурного прошлого». Недавио Х. Д. Ошаев пысказал предположение о том, что башии строились и для лучного и каменного боя ⁷⁶.

В данном случае для нас более важным является вопрос о самих носителях этого мастерства, о самой деятельности мастеров — строителей башен. Разумеется, ноявление их, как и других образцов строительного искусства, было возможно только ири определенных соцпально-экономических условиях в жизни ингушей. (Дальше мы коснемся этого вопроса подробнее.) И, надо думать, в свое время среди ингушей известными строителями башен являлись не только представители фамилии Бархиное-

«В сел. Фуртоуг, — пишет И. П. Щеблыкии, — нам называли двух известных строителей башен и могильников: Дуго Ахриева и Хазби Цурова; оба они пигупи. Дуго Ахриев похоронен в сел. Фуртоуг в падземном могильнике, построенном им самим. Про него здесь же именно, в Фуртоуге, местные жители говорили, что он являлся строителем башим Мамсурова в Даргавсо (Осетия), и передавали пекоторые подробности ностройки. Та же самая история, только более подробная, была нам передана еще в 1924 году, в сел. Даргавсе и Кобани местными старожилами» 77. Геолог Максимович, за время своего пребывания в горпой Чечне собравщий интересный материал по истории материальной культуры и фольклору чеченцев, сообщия мне зимой 1934 г., что и в Чечне часто указываются башии, якобы построенцые ингушскими мастерами. То же самое мне приходилось слышать в 1936 г. в чеченских селениях Харачой и Дышни-Ведено.

⁷⁴ Х. Д. Ошасо. Некоторые вопросы использования нахоних башен в бою. КЭС, вып. II. Тбилиси, 1968, стр. 120.
77 И. П. Щеблыкии. Искусство Ингушетки в намятниках материальной культуры. ИИНИИК,
т. I. Владинавназ, 1928, стр. 280.

По заявлению С. И. Макалатия, как хевсуры, так и инсуши строителями башен считают кистов (ингушей). В с. Ахиели (Северная Хевсуретия), например, башия Харат-цихе, принадлежавшая роду Цискараули,

возведена якобы мастером-кистицом за 50 коров 78.

Этп данные, а главное количество разнообразнейших памятников материальной культуры (башин жилые, боевые, замки, склепы-могильники, святилища, придорожные плиты — «чурты» и т. п.) предполагают наличие большого количества мастеров. Ведь пигушские горные аулы — это сплошные каменные замки! Жилые башин имела каждая фамилия. А чего стоит множество могильников-склепов — «каш», живописно расположенных вокруг аулов! Это действительно целые «городки мертвых».

Странным кажется одно обстоятельство: при таком обилии строительных объектов мы обнаруживаем лишь фрагментарные сведения о самих

строителях.

Предполагая же, как проф. Н. Ф. Яковлев, существование у ингушей отдельных фамилий, из поколения в поколение занимающихся только постройкой указанных сооружений, следует допустить их полное обособление от общины и отрыв от основных видов их хозяйства, т. е. допустить отделение ремесла от земледелия и скотоводства и обособление его посителей, чего как раз и не наблюдается у ингушей. Наоборот, рассмотренный материал заставляет в целом считать ингушекое ремесло, как уже было сказано, «домашним производством», существовавшим в пределах каждого рода, каждой фамилии, а не только «отдельных семейств». Некоторым исключением можно считать только деятельность нескольких мастеров-каменщиков и, может быть, единичных ювелиров.

На осповании изложенного мы пе можем установить у ингушей «второго великого общественного разделения труда». Мне представляется, что даже наиболее сложный вид из всей производственной деятельности ингушей — строительное дело, в особенности же постройка жилых башен, склепов, святилищ, — был доступен не только мастерам-специалистам, но и рядовым представителям родовой организации. Повсеместность и сама техника кладки этих сооружений подтверждают это. Ведь не удивляет жо нас умение сложить из самапного кирпича украинскую хату или сделать из плетия, обмазанного глипой, турлучную саклю — умение, каким обладает почти каждый житель украинского села, горского аула, кубанской или терской казачьей станицы.

Как выясияется, сооружение даже сложных зданий, особенно башен, производилось всей тайной (родом). От того же Алихана Мурзабекова в с. Фалхане участникам экспедиции 1929 г. удалось узнать и некоторые

подробности такой коллективной стройки.

«Камни приносились и клались всеми родственниками и при постройке отмечались крестами, пятнами и другими знаками». Доставка строительного материала производилась всем родом, и это коллективное участие в строительстве довольно сложных зданий в значительной мере и объясняет наличие большого количества этих сооружений. Вот почему каждая ингушская фамилия имела свою башию (жилую), свой фамильный склеп. «На

⁷⁰ С. И. Макалатия. Хевсуроти. Тбилиси, 1940, стр. 95.

не имевших смотрели как на пизших, с инми остерегались заключать браки...» 79

Мное дело — сложное строктельство боевых башен. Только оно, требующее высокого мастерства, многолетнего опыта, знаний и технических навыков, безусловно находилось в руках отдельных мастеров — «топы гоудзыж» и, конечно, было уделом довольно ограниченного круга специалистов-строителей, наличие которых можно предполагать во многих ингушских фамилиях. По рассказам стариков, эти мастера при создании боевой башин, особенно верха башин, применяли особые машины (вороты) и технические приспособления, изобретенные в процессе многолетнего

опыта строительства подобных ссоружений.

Отрывочные, фрагментарные свидетельства, сохранившиеся в ингушском фольклоре, о плате за строительство боевых башен, о взаимоотношениях строителей башин с коллективным работодателем (ибо боевые башин строились для целого рода, целой фамилии), отсутствие подробных данных о строительной технике ингушей не позволяют сделать также окончательного в ывода об имущественном положении каменщиков. Одно несомнению, что и эти «высококвалифицированные специалисты» не были полностью оторваны (как и кузнецы) от основных видов хозяйства ингушей, скотоводства, земледелия, охоты и что их деятельность тоже посила сезонный характер. Илату за строительство башен мастера получали натурой, скотом, что при отсутствии регулярного обмена, эквивалентов торговли является фактом весьма ноказательным. Полученный в качестве платы скот поступал не в личное пользование мастера, а в распоряжение всей фамилии, к которой он принадлежал во.

Таковы итоги обзора производственной деятельности ингушей. Рас-

смотренный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Несмотря на давность происхождения, техника отдельных производств у интушей до самого последнего времени оставалась чрезвычайно низкой.

2. Производство изделий, потребных в хозяйстве горцев, обычно не являлось уделом отдельных мастеров-профессионалов; оно несило часто сезонный характер и было обусловлено потребностями жителей ближайших селений.

3. Особенно узкой специализации производства и разделения труда в массе ингушских производственников еще не наблюдается, за исключением мастерства в строительстве боевых башен, в гончарстве и отчасти юве-

лирном деле.

4. Поскольку подавляющее большинство изделий производится силами членов одной семьи (преимущественно женщинами) и обычно для внутреннего потребления, правильнее было бы всю производственную деятельность средневековых ингушей именовать домашини производством, а гончарное дело — сезонным кустарным промыслом.

5. Даже отдельные группы мастеров-строителей боевых башен, обладая всеми чертами «квалифицированных ремесленников» (работа за плату,

⁷¹ Н. Ф. Якослес. Ингуши, стр. 90.

работа на стороне и т. д.), не были оторваны от родовой общины, своей фамилии, имеющей общее хозяйство. В ингушском обществе даже накануне проинкновения па Кавказ капиталистических отношений ремесло еще не отделилось окончательно от основных видов хозяйственной деятельности — скотоводства и земледелия.

При отсутствии собственных городов и вполне оформившихся общественных классов такое состояние ремесленной деятельности в средневековом ингушском обществе представляется вполне естественным и отве-

чающим исторической реальности того периода.

Из сделапного обзора всей хозяйственно-производственной деятельности ингушей на протяжении средневекового периода их истории с несомненностью вытекает одно положение, что ингушское хозяйство с давних пор и до позднего времени имело натурально-потребительский характер. Причиной такого явления можно считать инзкий уровень производительных сил, отсутствие удобных путей сообщения, которые бы облегчали установление прочных хозяйственных связей внутри самой Ингушетии и вне ее, длительное окружение более сильными соседями, носягающими на имущество и независимость ингушей. Исльзя признать убедительным высказанное недавно утверждение о «широко развствленной сети коммуникаций», о «благоприятных природных условиях», способствующих якобы оживленному развитию всевозможных связей ингушей с внешним миром 81. Связи, конечно, были, но они не выходили далеко за пределы Ингушетии.

Мы почти не имеем веских данных о шпроком обмене у пигушских илемен в ранний период их истории. И хотя в современной снециальной литературе есть предположение об очень ранних и дальних связях ингушей даже с населением современной Абхазии, их нельзя считать серьезно обоснованными. Так, А. И. Шавхелишвили, основываясь на свидетельстве Вахушти Багратнони о том, что «в 1-й половине XVIII века кавказские горцы испытывали нехватку соли», допускает, что среди пародов, встречавшихся в страбоновской Дноскурии (современный Сухуми), могли быть и «предки вайнахов», якобы прибывшие за солью 62. Надумациость этого заявления очевидна. Конечно, соль, особенно в средние вска, безусловно поступала в горы в порядке обмена с племенами Северо-Западного Прикасния и Предкавказья. Но тот же Вахушти действительно подтверждал, что в его время горцы все, «что им пужно ... привозят из Грузии» 83.

В археологических материалах из ингушских подземных и нолуподземных скленов XII—XIV вв. как будто прослеживается какая-то общность черт материальной культуры, присущая широкой территории всего Северного Кавказа и Закавказья. Сходные черты устанавливаются по глиняной красноватой посуде с линейным и волиистым орнаментом, металлическим серьгам, височным подвескам и другим украшениям. Наблюдаемые явления можно объяснить существовавшим общением, экономическими связями предков ингушей с соседиими народами, особенно

 ⁶¹ Р. Л. Харадзе, А. И. Робанидзе. К вопросу о нахской этношимике. КЭС, вып. И. Тбилиси,
 1968, стр. 40.
 ⁶² А. И. Шавкелишвили. Из истории взапхоотношений менсду грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963, стр. 53.
 ⁶³ Там же.

в период, когда многие горцы Северного Канказа являлись подвассальимми Грузии ⁶⁴. К сожалению, этот перпод настолько слабо отражен в исторических документах, что уверение говорить о хозяйственных связях горцев Северного Кавказа этого времени по письменным источникам затрудинтельно. Ослабление же и раздробление Грузинского государства, происшедшее в XV в., сказалось и на экономических спязях нигущей с населением Закавказья и способствовало установлению ярче выраженных отношений с экономически более сильными народами Северного Кавказа кабардинцами, кумыками и др. 85

Попытку осветить чисто экономические связи вайнахов с Грузней предпринимал А. И. Шавхелишвили, хотя в его распоряжении имелось очень мало данных для исчернывающей разработки этой темы. Можно думать, что эти взаимосвязи не прекращались и выражались в самых различных формах, диктуемых задачами и условиями феодальной монархии Грузии: в мирном обмене, общении групи населения, в общих бранных делах и в столкновениях друг с другом. Об этом можно судить по беглым историческим справкам ве, фольклору и археологическому материалу из надземных скленов XVI—XVII вв.

Очень ноказательно, что исследователи XVIII-XIX вв. почти не упоминают об обмене у ингушских племен. Н. Дубровии, например, описывая промышленность и торговлю чеченцев, к которым он относил и ингушей, писад: «...Все это (плохое сукно, сыромятные кожи, овчины, войлок, бурки) продавалось и обменивалось на чугунные котлы, крашенипу, пестрядь, калмыцкий чай, пебольшее количество стали и железа. Все эти вещи добывались через армян и других промышленников или мирных чеченцев, иногда на третьих или четвертых рук. Сами чеченцы торговлей запимались мало и считали это занятие постыдным». И дальше: «Вся эта торговля была по преимуществу меновая и редко велась на деньги» 87. Все сказанное относится к периоду начального проникновения в горскую среду русского товарного хозяйства.

Нас же интересуют торговые связи ингущей в период, значительно предшествующий появлению капиталистического влияния на горцев Северного Кавказа. И на вопрос, поставленный таким образом, мы должны будем дать почти отрицательный ответ. На заре своей истории, да и позднее (вилоть до XV-XVI вв.) ингуши, по-видимому, не знали широкого и

регулярного обмена, а тем более торговли.

Как уже отмечалось, все свои несложные потребности ингушская родовая община удовлетворяла сама. Обмен своей продукцией между отдельными родами (владеющими одии — скотом, другие — продукцией земледельческого труда) если и имел пекогда место у ингушей, то, по всей вероятности, носил случайный характер. До XVIII в. у них не было и своих посредников такой меновой торговли, т. е. купцов.

Сохранившийся до нашего времени у ингушей обычай отдаривания, т. е. обычай дарить гостю любую поправившуюся ему вещь взамен таким

 [«]История Грузии», т. І. Тонниси, 1980, стр. 208.
 П. Зубов. Картины Кавизского края, ч. П. СПб., 1835.
 А. И. Шавхелишении. Указ. соч., стр. 75.
 Н. Дубровии. Указ. соч., стр. 431 и сл.

же образом приобретенной, говорит о бытовавшей некогда у нигущей приинтивной формы обмена, встречаемой у многих первобытных народов мира 80.

Известно, что у скотоводов обычно мерилом всех ценностей являлся скот. У ингушей, главную основу хозяйства которых составляло скотоводство, он также являлся таким эквивалентом. До последнего времени пахотный участок в горах стоил определенное количество скота. Стоимость же коня определялась несколькими головами рогатого скота. При выкупе пленника, уплате «калыма» за невесту или компенсации за убийство ингу-

ша расплачивались скотом.

Денежное обращение у населения горцой Ингушетии появилось горазло позже. Поэтому на ее территории весьма редки находки средневековых монет, причем все они с пробитыми отверстиями для ношения в ожерелье. Из всех известных нумизматических находок, сделанных в горной Ингушетии и относящихся к эпохе II тыся<u>че</u>летия и. э., первыми и виолие достоверными являются две джучидские монеты (1312-1313 гг.), найденные Л. П. Семеновым в 1937 г. при раскопках подземного склена у с. Верхний Датых (медная и серебряная). При вскрытии там же каменного ящика обнаружено три серебряных диргема (747 и 768 гг. хиджры, т. е. 954—955 гг. н. э.) 89. Все монсты были с отверстиями для пошения и функпий денег не выполняли.

Упоминаемые же П. С. Уваровой в V томе «Museum Caucasicum» татарские серебряные монеты, найденные в аудах р. Ассы, равно как другие неизвестные монеты, по словам Х. Б. Ахриева происходящие из могильника у с. Фуртоуг, может быть, и относятся к эпохе бытования здесь

ингущских племен, по пуждаются в проверке и уточнении 10.

Все же другие монсты, найденные в различных пунктах Ингушетии, за исключением Сунженского клада, состоящего из 200 абасидских диргемов и найденного в 1855 г. 91, также немногочисленны и но времени не выходят за пределы Х в. н. э. 92 Кроме того, подавляющее большинство этих монетных находок вообще не может служить доказательством существования денежного обращения, так как все монеты имели пробитые отверстия и использованись в качестве женских шейных или головных украшений, что обычно для обществ, не знавших классов и широких междупародных связей.

На первый вэгляд может показаться странным, что даже при временной вассальной зависимости горцев от феодальной Грузии в ранних питушских склепах и могильниках отсутствуют грузипские средневековые монеты, которые тоже могли выполнять те же функции украшений.

Но падо поменть, что период наивысшего расцвета средцевсковой грузинской культуры и государственности — XI-XIII века — одновременно является и временем прекращения чеканки серебряных монет,

^{••} Ф. Рапцель. Народоведение, т. І. СПб., 1900, стр. 563; М. О. Коссен, Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 128.
•• Л. П. Семенов. Археологические разведки в Ассинском ущелье. КСИНМК, вып. XLVI. М., 1952, стр. 116. Все монеты порределены пумизматом Государственного Эрмитана А. А. Быковым.
•• «Мимечи Caucasicum», т. V. Тифинс, 1902, стр. 37 (N.N. 878—879).
•• НРАО, т. І. СПб., стр. 119. Л. Н. Семенов. Указ. соч.. стр. 140—141.
•• Е. А. Пасконов. Монеты Грузии. СПб., 1910, стр. 79—121; Д. А. Быков. Грузииские монеты XII—XIII вв. Памятинки эпохи Руставели. Л., 1938, стр. 77; Д. Г. Капанадзе. Монеты Грузии., М., 1955.

пвлением, характерным для всей Передней Азии. По причинам, пока окончательно не выясненным, почти после столетнего перерыва чеканка серебряных монет в Грузии возобновилась только при царице Русудане в 1230 г.; медные монеты, чеканившиеся в предшествующий период в Грузии, были абсолютно бесформенные и пряд ли могли привлечь внимание горских красавиц как укращения. В монетах же как в денежных знаках горские общества, в том числе и Ингушетия, даже будучи подвассальными Грузии, потребности не испытывали.

Вот почему медных грузписких монет этого времени пока не найдено в горских обществах ин на северных, ин на южных склонах Глав-

пого Кавказского хребта.

Примерно с XVI—XVII вв. (со времени переселения горцев в предгорья и основания предгориму селений) ингуши-горцы и перессленцы начинают более активно вступать в меновые связи друг с другом, обменивая скот на зерно и прочие продукты. Особенно оживляются внешине связи с грузинами, осетинами, кабардинцами и другими, что довольно хорошо прослеживается по таким ингушским преданиям, как легенда о Соска-Солса, о Гази-мальчике, о Карихале, о Джерахмате, и др. Вахушти Багратиони прямо говорит о свособразной форме «обмена», существованшего в XVIII в. между ингущами и кабардищами: «А повинуются и платят дань соседним черкесам, дабы получать от них жизненные продукты, одежду и соль» 93. Развивающиеся висшине связи, в какой бы форме они ни проявлянись, служат базой для крепнущего и наконец установиншегося регулярного обмена уже вне родовых общин ингушей, особенно заметного в нериод полного распада ингущской родовой организации. характеризующийся выделением мощных больших семей-фамилий и организацией территориальной общины.

Среди могильного инвентаря XVI—XVII вв. встречаются привозное красное сукно, хлончатобумажные ткани, шелковые ткани, привозные украшения, редкие монсты и т. и. Весьма возможно, что некоторые типы серебряных украшений, сходные с дагестанскими, получались через носредство чеченцев, у которых они также встречаются, но получались в порядке того же обмена натурой, который теперь, по-видимому, начинает приобретать более постоянный характер, особенно между экономически мощными ингушскими фамилиями и верхушечными слоями соседиих

обществ.

Именно к этому времени и относятся свидетельства, содержащиеся в ингушском фольклоре, о связях верхов ингушских групп с кабардинскими феодалами и даже с грузниским царствующим домом. На связи Ингушетии с Грузней в перпод XV—XVIII вв. указывают грузниские надписи на стенах склепов и на кувшинах, находимых в полуподземных склепах «Магате», «Мохде» и др.

По ряду исторических данных известно, что в период позднего средневековья даже «пранские и турецкие товары привозились через Грузию и попадали к народам Северного Кавказа» ⁹⁴. Эти свидетельства подтвер-

^{**} Вахушти. Указ. соч., стр. 120. ** «Очерыя_история Чечено-Ингушеной АССР», т. І. Грозиміі, 1967.

Рис. 49 Слева — рельеф на алтарной части храма «Тхаба-Ерды»; спрана — фрагменты резного каринза и часть плиты с грузинскими падписями храма «Тхаба-Ерды». Фото В. И. Марковина, 1966 г.

ждаются и данными археологии. В надземных скленах горной Ингушстии изредка встречаются прекрасные образцы пранских шелковых тканей XV—XVI вв. и куски закавказской шемахинской шелковой прижи. Такие ткани были найдены в склене у с. Хамхи экспедицией ГИМ в 1939 г. (рис. 42, 43).

В связи с этим необходимо хотя бы кратко осветить вопрос о путях сообщений, проходивших через Ингушетию в далеком и недаввем прошлом. Несмотря на то что письменные источники и архивные данные об Ингушетии рисуют картину острого бездорожья края, нельзя считать, что этот район, прилегающий к древнейшему Дарьяльскому проходу, ставшему позднее Военно-Грузинской дорогой, являлся абсолютно замкнутым, обреченым на изоляцию. В свете археологических фактов кроме Дарьяльского прохода одним из основных путей, проходивших через Ингушетию и сохранивших свое значение до современности, является ущелье, по которому с юга на север протекает р. Асса. Менее значительным является путь по ущелью р. Арм-хи, соединяющий через Цейламский перевал Военно-Грузинскую дорогу с Ассинским ущельем (Джераховское ущелье).

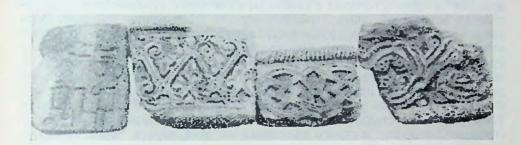
Ингушскую территорию с Грузией соединяли и многие другие трудные

перевалы 05.

Работами Северокавназской археологической экспедиции Академии наук СССР и Государственного Исторического музся в прошлые годы установлена исключительная насыщенность Ассинского ущелья разнотипными и разновременными намятниками древности, начиная от эпохи броизы и кончая XIX в. э Выясняется, что Ассинское ущелье является древнейшим путем, через который осуществлялись связи местного населения горпых и илоскостных районов.

Владение выходом из ущелья имело не только больное экономическое, по и стратегическое значение. Кто обладал входом в ущелье, тот

и был хозянном района.

Существовал и другой путь по ущелью р. Арм-хи, судя по памятникам материальной культуры и народному эпосу, также весьма древий. По этим основным магистралям и осуществлялось некогда миграционное движение ингушей с гор в предгорья и на плоскость. Этими путями пользовались и московские дипломатические посольства, направлявшиеся в XVII в. в Грузию ⁹⁷. Этими же дорогами осуществлялось общение ингушских илемен со своими ближайшими соседями и позднес. И, конечно, не случайностью пужно объяснить, что в конце XIX в. один из вариантов постройки кавказской перевальной железной дороги предполагалось осуществить именно по Ассинскому ущелью.

Очевидно, этот путь играл немаловажную роль в истории ингушей, как почти единственный путь, соединяющий отдельные районы края. Ассинское ущелье, особенно в древности, не было такой удобной дорогой, которая обеспечивала бы постоянную и оживленную связь всего населения плоскости с Закавказьсм и Восточным Кавказом; тем не менее оно нередко являлось значительным, если не «торговым путем», каким оно кажется Н. Ф. Яковлеву, то во всяком случае весьма значимым для сношений и

взаимосвязей с соседями.

Отмеченные выше нумизматические находки, сделанные в этом районе, и другие факты свидетельствуют в пользу признация определенной роли,

^{**} Р. Л. Карадзе, А. И. Робанидзе. Уназ. соч., стр. 38.
** Е. И. Крупнов. Предисловие к сб. «Превности Чечено-Ингушетии». М., 1983, стр. 3 и сл.
** М. Полисокию. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1815—1840 гг.).
Тифлис, 1937, стр. 251—289; ок же. Посольство инязд Бышецкого в Кахотию 1840—1843 гг. Тифлис, 1928, стр. 40—97.

которую этот путь играл в древности 98. Конечно, Ассинское ущелье не имело того значения для народов, населяющих южиме и северные склоны Кавказского хребта, какое имели превнейние пути, проходившие через Дарьяльское ущелье (Военно-Грузинская дорога) и через Мамисопский перевал (Военю-Осетинская дорога), тем не менее для местной истории опо имело первостепенное значение. По мнению ряда исследователей, оппрающихся на древиле грузниские летописи, Ассинское ущелье и является той «Панчуа-Дэурдзукской дверью» или «дорогой», которая издавна соединяла горцев Северного Кавказа с районами Грузии 69. Историческая обстановка, сложившаяся в эпоху раннего средневсковыя, не способствовала повышению роди этих путей так, как, скажем, невевальных путей Центрального и Западного Кавказа, через которые осуществлялись сношения Византии с Хазарской державой. Общение же народов Северного Кавказа с наседением Восточного Закавказья происходило по самому удобному Дербентскому или Каспийскому проходу. Роль же довольно глухого и труднодоступного Ассинского ущелья ограничивалась более узкими рамками краевого масштаба. Основная причина кроется в чисто топографических особенностях этого пути. Среднее течение р. Ассы приблизительно по с. Пуй можно считать удовлетворительной дорогой, по дальше путь продегал по десному массиву, крутым склонам и обрывам 100. Выше уже приводились свидетельства кахетинского царя Теймураза I о состоянии открытой им дороги через территорию ингунией. Очевидно, общение местного населения по этой дороге, через перевалы (как это наблюдается еще и сейчас) имело довольно ограниченный, местный и сугубо сезонный характер, но в периоды военных столкновений она оставалась основной магистралью, связывающей ингушей с Кахетией и вообще с Закапказьем.

Мы вправе оиндать открытия каких-либо убедительных следов движения вигущей по другому вироко известному в древности пути, пролегавшему рядом с Ингушетией, - по Дарьяльскому проходу. Но связь именно этого пути с территорией, запимаемой ингушами, прослеживается слабее, хотя и она документируется. Можно думать, что тяжеловесные архитектурные украшения храма «Тхаба-Ерды» (резной карииз, фасадиая скульнтура и пр.), являясь плотью от плоти грузинского церковного водчества XII в., были доставлены в Ассинское ущелье именно этим путем.

Пожалуй, здесь уместно будет подчеркнуть давнее и постоянное стратегическое значение этого пути, по справедливости оцененное К. Марксом в таких словах: «Единственная военная дорога, заслуживающая это название, вьется от Моздока к Тифлису, проходя через теснины Дарьяльского ущелья; она защищена непрерывной цепью укреплений, по подвергается с обенх сторон беспрестапным нападениям кавказских племен» 101.

^{**} Н. Ф. Яковасв. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927.
** А. И. Шоокелишвили. Уназ. соч., стр. 17, 23.
** Г. Н. Казбек. Военно-статистическое описание Терской области, ч. 2. Тифиис. 1888.
** К. Моркс. Лорд Пальмератон. К. Моркс и Ф. Экгельс. Сочинения, т. 9, стр. 408.

К сожалению, проследить более подробно органическую связь ингушей с этим древнейшим кавказским проходом не представляется возможным. Этого вопроса не освещает даже ингушский эпос. Известно толькочто долгое время контроль за этим проходом находился в руках аланосетин, педаром он и в древности назывался «Аланским проходом». В более поздних источниках упоминалось о том, что наравне с осетинами плату за проези по этому пути взимали и ингуши.

Развитие ингушского народа в течепие столетий протекало в пе особенно благоприятных условиях, в значительной изоляции от основных древних торговых путей Кавказа (Аланский проход, Дербентский проход, путь по Тереку из Кабарды к Каспию). В какой-то степени и этим объясняются некоторый консерватизм и сохранение до позднего времени архаических черт в труде и быту ингушей, как и персжитков патриархальнородового уклада, с трансформацией которого мы дальше познакомимся.

РАЗВИТИЕ ИНГУШСКОГО РОДА И СИСТЕМА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Пытаясь восстановить сущность средневековых общественных отношений у ингушей, мы не должны забывать того, что исторические справки из письменных источников знакомят нас не с исходными моментами истории изучаемого общества, а с общественным укладом, наблюдаемым у ингушей в сравнительно позднее время (XVIII— начало XIX в.). Судить об общественных отношениях более раннего периода мы можем частично но намятникам материальной культуры, а главным образом но фольклору,

народному эпосу и адатам.

Такой обычай, как «барч», т. е. обязательное дарение дядей по матери оседланного коня племяннику, достигшему совершеннолетия (бытовавший до последнего времени у ингушей), свидетельствует о глубокой давности его происхождения. Ингушам была присуща та система особо близких взаимоотношений между дядьями по материнской линии и племянниками, называемая в этнографии «авункулатом», согласно которой дядя является первым опскуном племянника, а последний — непременным помощником своего дяди во всех его начинаниях 1. По адату ингушей, илемянник имел право безнаказанно выкрасть коия у дяди в случае отказа последнего в подарке. Выход замуж или женитьба племянников тоже происходили с разрешения дяди по матери. Можно полагать, что узаконены эти обычаи были еще со времени матриархата. Очевидно, от этого же времени сохранился и другой обычай ингушей: впервые новорожденного укладывают в люльку не кто иные, как родственными со стороцы матери.

Известно, что кровомстителями у многих пародов обычно выступают родственники по отцовской линии, иногда до четвертого поколения. У ингушей же, даже в отличие от чеченцев, в кровной мести активное уча-

стие принимают дядя и племяниих по материнской липии 2.

Одним из важных признаков материнского рода является запрещение браков внутри рода — экзогамия. У ингушей это запрещение освящено адатом и хотя продолжает существовать в патрилокальном роде, по свое

М. О. Носвен, Очерии истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 118.
 Приведенные сведения получены от аспиранта Института этпографии АП СССР А. А. Плисва, которому выражаю благодарность.

происхождение ведет с очень отдаленной эпохи истории ингушской родовой организации, т. е. еще со времен существования материнского рода. На это указывает запрет жениться па очень далеких родственниках со стороны матери. У нигушей наряду со счетом родии по отду ведется счет и по мате-~~р́п, т. е. по роду дедушки с материнской стороны, причем родственники~~ со стороны матери пользуются особым вниманием; о них ингуши говорят: «родственники по матери чувствительнее родственников по отду» 3.

Эти пережиточные родовые явления, сохранившиеся у ингушей, доводят нас до самых истоков родовой организации, до классического матрилокального рода. Больше того, по паблюдениям А. М. Золотарева, у пигушей хоть и в пережиточной форме, не сохранился один из важнейших признаков первоначальной родовой организации - дуализм, т. е. разделение родовой общины на две основные половины. А это есть редикт очень арханческого дуального деления . Будучи в составе Северокавказской археологической экспедиции в Ингушетии в 1938 г., А. М. Золотарев, пользуясь содействием директора Ингушского музея Мурата Куркиева, сумен собрать интересный материан по этой пажной теме. Оказывается, в порежиточной форме у ингушей сохранились явные древнейшие признаки рода — разделение родовой общины на две половины. К сожалению, из опубликованной после смерти автора книги эти цениме данные оказались изъятыми в.

Более пирокое освещение этой поры ингушских общественных отношений мы дать не можем, но и этот материал позволяет полагать, что кигуни некогда прошли эту изначальную стадию родовой организации, станию материнского рода. На вопрос, где и особенно когда, трудво дать удовлетворительный ответ. Но если мы предполагаем глубоко автохтонное развитие ингушского общества, то нужно думать, что стадию матрилокального рода ингуши, как и близко родственные им чеченцы, пережили где-то тут же в центральном райопе Кавказа одновремение с другими так называемыми «яфетическими» родовыми группами пицавов, тушив, хевсур и других родственных им народов, представителей кавказской языковой семьи.

О существовании у чечено-ингушских племен крупных родов и фамилий было известно давно, начиная с конца XVIII в., по наблюдениям акад. Гюльденштелта, Клапрота, Рейнегсса, Потоцкого и других авторов. Возникшая в XIX в. обширная кавказоведческая литература содержит немало сведений о родовой организации кавказских горцев, в том числе и ингущей. В 1872 г. чеченец по национальности Уммалат Лаудаев опубликовал работу «Чеченское племя» 6, в которой дал довольно полное описапие родовых общин у чеченцев и ингушей.

Но только М. М. Ковалевский в известной своей работе «Закон и обычай на Кавиазе» на основе огромного сравнительного материала впервые дал научное определение всем особенностям родового быта кавказских гор-

цев, включая и ингушей ?.

147

 ³ Н. Ф. Яковлев. Писуми. М.—Л., 1925. стр. 45.
 ⁴ М. О. Косеси. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961. стр. 26.
 ⁶ А. М. Золотарев. Родовой строй и первобълная мифологии. М., 1964. стр. 284, 328.
 ⁸ У. Лаудеве. Чеченское племя. ССКГ. вып. VI. Тифиис. 1872.
 ⁷ М. М. Ковалевский. Закон и обычай па Кавказе, т. I, II, М., 1890.

Родовое устройство чеченцев и пигушей, как и других кавказских горцев, и поныне привлекает винмание исследователей: с разным багажом знаний конкретного материала и с различной методологической и научной подготовкой опи пытались осветить эту важную проблему. В результате мы имеем множество самых различных и порою противоречивых утверж-

дений по основным вопросам общественного строя в.

В последнее же время стали появляться бездоказательные заявления. полностью отрицающие существование родовой организации у народов |Кавказа в недалеком прошлом. В недавно вышедшем VIII томе «Известнії Чечено-Ингушского научно-исследовательского института» на стр. 240 так и сказано: «Ипкакого рода как такового... у чечениев (или вообще на Кавказе) не было не только в XIX, но даже и в XV веке» (1) 9. Причем это утверждение сопровождается произвольными рассуждениями, своинщими к нулю все значение работ по исследованию рода М. М. Ковалевского, которыми вираве гордиться отечественная историческая наука.

Все это происходит оттого, что под родом понимается только материнский род и не признается патриархальный, особенно в стадии его разложения. Вряд ли можно такое толкование признать марксистским взглядом на развитие родовой организации. Ведь этим самым синмается вопрос о ее генезисе, а в самой трактовке этого вопроса игнорируется основное указание В. И. Ленина «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрешия того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» 10.

Но вернемся к своей теме. Учитывая арханчность пережиточных форм, сохранившихся в ингушском обществе до сравиительно позднего времени, целесообразно воспользоваться имеющимися данными и проследить весь процесс стадиального роста и развития ингушской родовой общины.

Род у чеченцев и ингушей называется «гайна» (чеченский) — «тейна» (ингушский) 11. Встречающееся в литературс название чеченского рода «тохумом» (кумыкское «тохум» — род) распространено только у плоскостных чечениев, и ингушам оно не известно. По утверждению ингушей, все члены тейпы — родственинки, братья («йиши» — «воша»), образующие братства («вошала»). По существу это и есть первобытная родовая организапия, «Все, кто находится вне «тейны», - чужие, не родственники для тех лин, которые входят в состав тайны. Между двумя тайнами нет ничего общего, связующего, кроме разве общности языка, соседских отношений . В племенной связп» 12.

В ранций период членов тейпы объединяли: 1) единство происхождения (нередко мнимое, поскольку позднее оно парушалось случаями приема в род чужеродцев); 2) экзогамия; 3) кровная месть; 4) коллективная помощь;

^{*} Общирный материал по этому вопросу см. в ни.: Б. Долгат. Родовой быт чеченцев и пигушей в прошлом. ИИНИИК, т. IV, вып. 2. Орджоникидзе — Грозный, 1934—1935, стр. 26—63.

**A. И. Шамилсе, В ущеном Аргуна, Фортанги и на имоскости Чечено-Ингушетии. ИЧИНИИ, т. VIII, вып. 1. Грозный, 1969, стр. 240.

**18 В. И. Леник. Понн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

**13 Чечено-русский словарь». М., 1961, см. слово «тайна».

**12 Б. Долгат. Указ. соч., стр. 27; см. также: А. А. Соломос. Правда о «святых местах» в Чечено-Ингушетии. ТЧИНИИ, т. IX. Грозный, 1964, стр. 156.

5) коллективная собственность; 6) общеродовые кнадбища. Во главе тейны стоял старейшина, который пользовался большим уважением, был «начальником, судьею и первосвященником» 10. Такие родовые старейшины были искогда у пшавов, осетин 14, сванов и других кавказских горцев 16.

Некоторые ингущские тейны насчитывали до сотии членов и больше (особенно многочисленными являлись тейны Таргимхоевых, Кастоевых и Эгневых). С умножением числа членов тейны дробились на более мелиме группы, пногда переселявшиеся в другие места. В процессе сегментации родовых общии эти отпочковавшиеся от тейны группы чеченцами назывались «гаары», или «пеки», ингущами --«пеки», или «вяры» 10. По представ-

ленням ингушей, вяр или нека входит в тейну как часть целого.

Именное название вяр получает по имени отделившегося члена тейпы. Так образуется новая ингушская фамилия, получающая имя своего основатемя. По ингушским преданиям известно, например, что распрострапеннейшая фамилия Мальсаговых (вяр одной из самых больших тейп таргимхоевской тейны) нолучила свое имя от основателя Мальсага. Известны случан, когда отдельные вяры разрастались до размеров крупных тейн (как Мальсаговы) и, наоборот, некоторые тейны в силу ряда причии прекращали свое существование. Ингупи не знают ин одной фамилии (вяра). которая бы насчитывала менее четырех колен с момента возникновения.

Конечно, в момент ссгментации родовых общин и отпочкования от тейны такой ингушский вяр представлял собой обычную большую семью или семейную общину. С тем, как протекал этот процесс выделения большой

семьи у ингушей, мы сейчас и познакомимся.

Сохранившиеся глубокие пережитки, в том числе и признаки матриархата, позволяют предполагать, что ингушская родовая организация прошла основные этапы свосго развития по установленной схеме Моргана — Энгельса, где определенно подчеркивается роль кровнородственной

связи в самом процессе образования рода.

За прошлое бытование такой семьи уверенно говорят данные кавказской этнографии 17, эпоса и фольклорный материал. В них сохранились четкие следы первых протестов против обычая вступать в брак с родной сестрой или братом и т. д. 18 Осетинский же нартский эпос прямо подтверждает, что некогда братья и сестры могли состоять в браке. Самая популярная брачная пара в кавказском нартском эпосе — Урызмаг и Шатава были родными братом и сестрой 10.

Конечно, у истоков родовой организации кровное родство имело свое значение в оформлении рода. Очевидно, и ингушская родовая община в начальной стадии своего развития также покомлась на кровном родстве своих членов. Существенное здесь заключается в том, что на данной стадии развития рода как бы сипмалось противоречие между пеупорядоченными

брачными отношениями и производственной жизнью общества.

¹³ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавилзе, т. І, ки. і. СПб., 1871,

<sup>369.

4</sup> М. М. Ковалевский, Указ. соч., т. II, стр. 152—183; Б. А. Калосв. Осетвиы. М., 1967, стр. 192.

5 Р. Л. Хорадзе. Грузинская семейная община, т. І. Тбилиси, 1960, стр. 179.

6 М. Мемокаев. Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. Грозимй, 1962, стр. 10.

7 Р. Л. Харадзе. Грузинская семейная община, т. ІІ. Тбилиси, 1961, стр. 7.

8 «История Кабардино-Балкарской АССР», т. І. М., 1967, стр. 56.

8 «Сказание о нартских богатырих». М., 1960, стр. 31.

Это, конечно, не значит, что мы родовую организацию должны рассматривать как единый кровпородственный организм, основанный на абсолютной чистоте кровнородственных связей входивших в его состав отдельных групп. Все дело в том, что первопачально кровнородственный организм был одновременно и социально-экономическим организмом, соответствую**шим определенным ступеням развития производительных сил, дальнейшая** эволюция которого шла не только по пути усложнения его как родствекного коллектива, но главным образом на основе новых общественных связей, основанных на новой экономике, на развитии примитивного произволства 20.

Коллективная собственность на средства производства, коллективный труд и равномерное распределение продуктов — вот существенные признаки ранней родовой организации. Сохранившееся у чеченцев предание (оно в равной мере может относиться и к ингушам) с некоторыми источностями наглядно рисует картину хозяйственной жизни тейцы очень раннего цернода. По этому предапню, «сначала на родине людей было так немного, что каждый род имея общий большой котел... в общем котле варили мясо от скота, жертвуемого фампльной артелью, и трапеза была общая, все были сыты. Пиво варили также в общем фамильном котле» 21.

Разумеется, с относительной точностью, но мы можем проследить основные этапы развития вигушской тейпы. Было время, когда тейпа (родовая община) одновременно была и территориальной общиной, т. е. когда вся родовая организация жила в одном пункте, коллективно владея жилищем, средствами производства, коллективно трудясь и коллективно потребляя продукты, «Земля, как воздух и вода, составляла тогда достояние общее, -- говорилось в одном предании, -- принадлежащее в равной степени каждому, и тот владел ею, кто принял на себя труд се обрабатывать». Подтверждают это почти все ингушские предания о происхождении отпельных обществ, об их расселении, об основании аулов.

Во всех этих сказаниях, передко облекающихся в фантастическую форму, со множеством позднейших вставок, эти свидетельства об общих владении, труде и потреблении являются наиболее древними. Так, например, в известном предании об основании Джерахского общества 22, наряду с упоминанием сравнительно поздних фактов, ценным для нас является свидетельство о первоначальном заселении свободной территории, основании ауда единым родом, который только позднее стал принимать в

свою среду чужеродцев.

Некоторые горные ингушские аулы до последнего времени были заселены представителями одной тейпы или одного вяра. Так, с. Койрах, состоящее из 9 дворов (более 50 человек), населено одним вяром Эсмурзиевых: с. Морч состоит из 6 дворов Ярыжевых; с. Хамышк — из 10 дворов Патневых и т. д. 23 С. Фуртоуг населено в основном потомками двух больших вяров — Ахриевых и Льяновых; с. Салги было первоначально заселено только вяром Салгиевых, но позднее здесь поселился и другой вяр —

А. С. Вартапетов. Проблемы родового строя ингушей и чеченцев. СЭ. 1932, № 4.
 П. Л. Головинский. Чеченцы. ССТО, вып. І. Владикавказ, 1877, стр. 268.
 Ч. Ахриев. Ингуши. ССКГ, вып. VIII. Тифлис, 1875.
 В. Далгит. Указ. соч., стр. 44.

Гу. По данным проф. В. П. Христиановича, с. Шуан, папример, было населено исключительно тейной Хаутикосвых; представителями одной тей-

пы было населено и другое горное селение - Оздие 34.

Подобные факты, будучи сопоставленными с отрывочными свидетсиьствами ингушского эпоса о коллективной собственности, о коллективном труде и потреблении, дают основание заключить, что ингуши некогда тоже жили круппыми родовыми общинами, владея родовой собственностью: скотом, землей, орудиями труда, что соответствует неразвитой ступеци производства. Из краткого обзора хозяйственной деятельности ингушей мы видим, что это опроделение как нельзя полно относится к ранним предкам ингушей.

Согласно фольклорным данным, и у ингушей на этой стадии общественного развития и позднее «обработка земельной собственности... производилась первоначально такими именно родовыми и сельскими общинами» 25. С таким типом ингушской родовой организации, когда ингуши, как правило, жили отдельными тейпами, знакомят нас и наиболее ранние устные свидетельства о прощлом отдельных ингушских племен, и памятники мате-

риальной культуры.

Древнейшими из средневсковых ингушских кладбищ являются обширные могильники близ селений Бишт, Салги, Шуан и других, состоявшие из монументальных подземных и реже полуподземных скленов. Содержат эти склены обычно по пескольку десятков костяков и довольно однообразный могильный инвентарь XII—XIV вв. Сами склены довольно комнактно группируются в каком-лябо одном пункте, обычно по склону холма— особенность, очень характерная для всех упомянутых могильников этого типа. Это обстоятельство, наряду с однородностью могильного инвентаря и фольклорными данными, позволяет рассматривать указанные могильники как погребальные поля, где хоронились в начале II тысячелетия и. з. представители одной тейпы, проживавшие в бликайшем населенном пункте. Сравнительно небольшое количество подобных могильников горной Ингушетии подтверждает данные народных легенд и преданий о далеком прошлом ингушского народа, «когда людей было немного» и «жили в горах редко» 26.

С дальнейшим развитием производительных сил, с ростом скотоводства, с усилением роли террасного земледелия (даже в горных условиях), с заметным увеличением населения совершается превращение ингушской родовой организации в типичную патриархальную общину (также с совместным владением средствами производства и совместными обработкой земли и потреблением), состоящую из нескольких поколений, живущах в одной башие, но ис теряющей еще связи со своим родом. Этот период характеризуется сегментацией тейп. Экономические инторесы таких се-

мейных общии могут быть уже различными.

В этот период (примерно с XIV—XV вв.) и появляются в одних пуиктах, населенных одной тейпой, осколки других тейп уже в виде больших семей, дающих основание новому вяру. Эту общественную форму, назы-

В. И. Христионович. Горная Ингупия. Ростов-яз-Дону, 1928.
 Ф. Энгельс. Антіс-Дюринг. К. Мерж и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 180.
 Из подевого материвна автора (Ред.)

ваемую патронимией, очевидно, можно предполагать и у ингущей на этой стадии развития семейной общины 27. Вот почему в ряде горных селений (особенно в Джерахском ущелье) мы обнаруживаем представителей раз-

ных вяров 28.

Подобный тип родовой организации, когда ингуши жили уже отдельными семейными общинами — вярами, прослеживается и по памятникам материальной культуры и археологическому материалу. Ранее уже указывалось на основные причины появления в XV—XVI вв. в годиму районах Кавказа различвых надземных склепов. Само расположение их на непригодных для обработки каменистых склонах и выступах вокруг горных селений подчеркивает основную цель строителей — экономию эсмли. Вместе с тем живописное размещение скленов в самых различных нунктах вокруг селений, совершенно отличное от более ранних родовых кладбищ, где подземные силены сконцентрированы в одном месте, указывает уже на новые явления в общественной жизни ингушей. Являясь усыпальницами одного рода, а чаще только фамилии, надземные склепы строились обособленно и содержали могильный инвентарь уже менее однородный.

Этв факты можно объяснить только тем, что в склепах на протяжении столетий хоронились представители не только одной тейны, но одноврсменно и представители одного вяра или больной семьи, на которые стала

дробиться тейна в эноху позднего средневековья.

Такие семейные общины — большие семьи — сохранились у ингушей почти до наших дней. Да и не только у ингушей. Большие семьи известны почти у всех горцев Кавказа, сохранивших значительные пережитки родового строя: осетии 29, хевсуров, тушии, пиавов 30, чечещев и др.

О том, что ингушские племена живут большими семьями, писали еще путешественники XVIII в. Так, Штедер, квартирмейстер царской армии, отметил в 1781 г. у карабулаков большие семьи численностью до 70 человек 31. Н. Н. Харузин вместе с В. Ф. Миллером, будучи в Чечие и в Ингу**метии в 1886 г., встречал семьи, в которых жило до десяти взрослых муж**чин, а в ауде Койрах (Мецхальское общество) ему показывали двор, в котором жили вместе 27 родственников 32. Большую семью Местоевых в 40 человек указывал и Б. Далгат в своем исследовании зз. Еще позднее проф. В. П. Христианович писан: «В сел. Хой под одной кровлей и с общим очагом мы нашли одну хозяйствепную организацию, состоявшую из трех родственных семейств. Только коровы и домашияя утварь числились в собственности отдельных семейств, двор же, очаг, рабочий скот, сенокосные участки оставались в коллективной собственности. Пожалуй, это и есть типичная ингушская патронимия. В 1920-1922 гг. при выселении из Хоя на плоскость четырех подобных же дворовых общин из них образовалось при оседании на плоскости 16 односемейных дворов» 34.

²⁷ М. О. Коссен. Семейная община и патронвиня. М., 1963, стр. 195.
28 А. И. Робакидае. Жилища и поссиения горпых вигушей. КЭС, вып. II. Топлиси, 1968, стр. 110.
29 Б. А. Калосе. Указ. соч., стр. 167.
30 Р. Л. Харадзе. Указ. соч., стр. 106.
21 Steder. Tagebuch ciner Reise die im Jahr 1781 von der Gränzbestung Mosdok nach dem inneen Саисахия иnternohmen worden. St. Petersburg und Leipzig, 1797, S. 14.
37 «Сборинк материалов по этнографии», вын. III. М., 1888, стр. 123.
33 Б. Налеат. Указ. соч., стр. 44, 63.
34 В. П. Христиалович. Указ. соч., стр. 73.

За время работы экспедиции в горах нам также приходилось отмечать наличие таких семейных общии, т. е. семейств, насчитывающих около двух десятков членов и состоящих из отца и двух-трех женатых сыновей, имеющих общее жилье и общее хозяйство (например, в с. Шуан и в дру-

тих селепиях).

Оказывается, что по всем существенным особенностям такая большая патриархальная семья с наличием главы семьи и всем внутренним распорядком, типичным для определенной стадии развития родовой организации, очень близка к известной сербской «задруге», хорватской «скупщине», сванской «коч"е». По Б. Далгату, глава семейной общины у чеченопитушских племен, называемый «ценда», вполне соответствует русскому «большаку», славянскому «домачину» и т. д.

Обыкновенно жена-«ценда» и являлась ингушской «большухой» или «домачицей», называвшейся эдесь «ценнана». Она являлась распорядательницей всей обрядово-бытовой стороной жизни общины и руководительницей всего домашнего хозяйства 35.

Несколько таких не связанных между собой семейных общин образовывали аул или сельскую общину; это было уже территориальное производное от древней родовой организации. Последняя и в новых условиях сохранила суть своего основного содержания, пбо по существу социологически природа этих двух общественных форм (древней родовой и семейной общин) в основном одна и та же.

При паличии отличительных черт семейной общины от первобытной родовой (имеем в виду и случаи побратимства, и приемы в члены рода, и обострение кровной мести, и другие явления, чуждые прежней стадии развития рода) не следует забывать, что семейная община сохраняет в себе главное существо первобытной родовой общины (общность пользования и

внадения средствами производства).

Здесь ист еще по существу большого качественного отличия от периода, предшествовавшего образованию сельской общины. Эту общисть основных черт трансформирующейся общины подчеркивал Ф. Энгельс, когда говорил: «В родовой или сельской общине с общей собственностью на землю, т. е. в той общине, в которой — или с весьма заметными остатками которой — вступают в историю все культурные народы, довольно равномерное распределение продуктов является чем-то само собой разумеющимся» ²⁶. В этот период происходит только количественное накапливавие тех предпосылок, которые в дальпейшем приведут к другому качеству.

Но и на этой стадии развития ингушской родовой общины происходят уже некоторая интенсификация земледелия, рост скотоводства, появление частной собственности на обработанную землю, скот, прочие средства производства; а дальнейшим результатом всего этого явится выделяющаяся «малая» семья как вполне самостоятельная экопомическая единица.

Выделение малой семьи у ингущей — сравнительно позднее явление, оно относится к XVIII—XIX вв.; наблюдается оцо преимущественно на плоскости, население которой было раньше и больше втянуто в обще-

В. Даягат. Указ. соч., стр. 62.
 Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. И. Морке и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 151.

ствий дошли до современности и в виде пережитков сохрапились у горцев даже при колхозном строе. Сохранилась и коллективная помощь односельчан 46, характер которой ведет свое начало от времен семейно-родовой взаимопомоши.

В более поздини перпод (XIV-XVI вв.) - перпод дробления тейпы и образования больших семей или общин, из которых выросли вяры. — это представление о праве владения землей при условии пользования ею если еще и сохраняется, то уже как отмирающее попятие; теперь опо заменяется новыми представлениями о собствепности хотя и коллектирной, поскольку мы здесь имеем дело с семейными общинами, но уже собственности, в ряде случаев переходящей и по наследству, и на условиях определенной зависимости от основного владельца землей, и приобретаемой путем сделки. Именно об этом, например, говорит предание о заселении аула Салги, согласно которому представители рода Салгиевых, пустив на свою территорию род Гу, «считали последний от себя зависимым». Жители и основатели аула Цори (около 300 лет тому назад) из рода Дзейтовых продали часть своих земель представителям других родовых общин. Тейпа Оздоевых (с. Оздой) 8—9 поколений тому назад свои пахотные участки обменивала на количество помещавшихся на них опецили на 10—12 коров H T. H. 47

Подобные примеры далеко не едипичны. Они наглядно показывают, что субъектом владения землей являлась у ингушей раньше тейпа.

позинее вяры.

Весь сравнительный материал по истории общинного землевланения убеждает в том, что появление права частной собственности на землю, в частности пахотную землю, в значительной степени определялось особенностями родового труда на стадии семейной общины.

Влияене этого «трудового начала» на развитие частной собственности на землю в северных русских (лесистых) областях наглядно было пока-

вано А. Н. Скворцовым.

«В лесистых местностях разработка почвы под пашню была крайне затруднительна, — пишет проф. А. Н. Скворцов. — Каждый член общины мог разработать и занять под нашню тот или другой участок леса, и чаще всего осуществляли это право сильные по рабочему составу семьи; общины же не отбирали у них таких пашен в силу того соображения, что разработка земли сопряжена была с затратой огромного количества труда. Такие участки не только передавались по наследству, по и продавались другим липам и община признавала за приобретателями право владения» 48.

У ингушей как раз такие большие семьи (семейные и дворовые общины) и являются субъектами владения пашней и даже сенокосом. И общественное признание собственнических прав на часть земли, особенно на нахотные участки, выселившихся на новые места представителей какой-нибудь фамилии дает им основание требовать от своих сородичей, оставшихся в

Известна коллективная номощь односельчанину—«белки» — у чеченцев, осетии и у другах горцев, теперь колхозников. Такая помощь — «белки» — наблюдалась нами в чеченском с. Дерго в 1936 г.
 В. П. Христианович. Указ. соч., стр. 81—88.
 А. Н. Скворцов. Основы экономики земледелия. Л., 1925, стр. 209.

горах и пользующихся всеми фамильными (в том числе принадлежавшими переселенцам) угодьями, особого взноса или платежа, именуемого «бер» 40.

Для обозначения зародившейся частной собственности, в первую очередь на нахотные участки, вайнахи употребляют термин «доадах», общественная же собственность на леса и другие угодья обозначается термином

«юкъара» 50.

У горпых ингушей по вообще все земельные участки, а только пашни и нередко сепокосы до Великой Октябрьской революции находились в подворно-наследственном владении как собственность отдельной большой сомын или семейной общины. Если из этой большой семьи выделялись отдельные члены, образуя малую семью, они получали свой земельный надел в частную собственность. Такое хозяйство, основанное на владении и обработке исбольшого клочка земли, полученного не по общиному поределу, а в наследственную личную собственность отдельных уже малых семей, несет в себе черты типичного парцеллярного хозяйства, характерного для последней стадии развития родовой организации. Нерентабельность хозяйств, основанных на владении такими мелкими участками земли, сразу давала себя знать их владельцам, которые продавали их или закладывали более крупным земельным собственникам, тем самым увеличивая экономическую мощь и общественное значение последних.

Все другие земельные угодья, такие, как леса, выгоны и прочее, находились во владении всего рода или всего населения одного аула, состоявпосто из представителей разных фамилий или патронимий. Эти земли подлежали периодическим переделам между всей земельной общиной. Так было в горах до сравнительно недавнего времени. Но не то было у ингушей, переседившихся на плоскость. Переседив в XIX в, на плоскость часть ингунісії большими аулами и выделив аулам землю, русское правительство устаповило ту же форму сельскообщинного владения земяей, какая наблюдалась до революции у терских и кубанских казаков, у которых вся станичная земля, являясь общественным достоянием, периодически делилась на участки, поступающие в подворное пользование. В результате у плоскостных ингушей форма землевладения, а именно общинно-передельная, искусственно пасажденная и узаконенная царским правительством, явиялась более арханчным явлением, чем это цаблюдалось в горах. У горных ингушей, при паличии большинства черт чисто родовых, в том числе и в общинном землевладении, встречались уже и беспередельная подворно-наследственная земельная собственность, а в самое последнее время выделились даже небольшие земельные участки, принадлежавшие отдельным малым семьям (парцеллы).

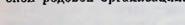
Таким образом, в период расцвета ингушского патриархального рода тейны (в начале II тысячелетия и. э.) занятая всем родом по праву первой заимки земля, куда входили пашии, сенокосы, пастбища, леса и все приусадебные участки, использовалась коллективно и находилась во владении

 ⁴⁹ М. М. Ковалесский. Указ. соч., т. II; Б. Далгот. Указ. соч.
 ⁵⁰ Р. Л. Харадзе. Некоторые стороны сельскообщиваето быта горимх вчгутей. КЭС, вмп. II.
 Тбаляся. 1968. стр. 179; И. М. Самдов. Землевлящение и землевользование у чечением и ингушей в XVIII—XIX вв. ТЧИНИИ, т. IX. Грозный, 1962, стр. 169.

всей тейны. Земля была родовой собственностью, как скот и все прочев имущество.

В дальнейшем, с развитием скотоводства, усплением роли земледелия, частичным разделением труда и появлением и обособлением больших семей, все угодья остались в общинном владении, но нашни и частично семейств, стали переходить уже в подворпо-наследственное владение и составлять основу их хозяйства. Субъектом владения пашен и семокосов теперь уже является семейная община, большая семья. Этот этап относится к XIV—XVII вв. По ингушским преданиям, тейновое пробление также начиналось 4—5 поколений назад.

И наконец, уже в XVIII—XIX вв. в связи с включением пнгушей в орбиту влияния капиталистического, товарного хозяйства происходит выделение малых семей; они стали получать обычный подворный надел общинной земли на плоскости и небольшой участок пахотной земли и сенокоса в горах, получать уже в личное пользование и личную собственность. Так на протяжении столетий трансформировалась форма землевладения в ингушском обществе в строгом соответствии с развитием ингушской роловой организации.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ У ИНГУШЕЙ до XVIII в.

В научной литературе до сих пор нет единого мпения по вопросу о сощильной структуре ингущского общества и общественном строе у ингушей. В старой, дореволюционной этнографической и военно-исторической литературе, вообще замалчивавшей и даже отрицавшей классовое расслосшие и существование у малых народов собственных эксплуататоров, почто полностью господствовала точка зрения «родовиков». Сторонники этой теории совершенно отказывали ингушам в способности самостоятельного развития, отрицали присущий ингушскому обществу внутренний процесс феодализации. Нередко они наделяли ингушей такими архинатриархальными чертами, которые были свойственны родовым обществам очень далекого прошлого.

С легкой руки военных историков периода завоевания Кавказа (С. Броневский, П. Зубов, Н. Дубровин и др.) этот вагляд в разных вариациях сохранился даже до наших дней. Теория развитого родового строя, так называемого «золотого века» у ингушей, проповедовалась и в позднейшей научной-и-публицистической литературе; передко сторовники этой теории пытались обосновать свои взгляды ссылками на известную периодизацию развития родового строя, разработанную Ф. Энгельсом по

данным Jl. Моргана.

Подобные ссылки приводят к попыткам подвергнуть ревизии, отрицать верность известной теории Ф. Энгельса о родовом строе. Теория Ф. Энгельса имеет принципиальный характер. Она освещает основную линию развития доклассового периода истории человечества. Историки должны детально разрабатывать круг конкретных вопросов на основе углубленного изучения того или иного конкретного общества. Особенно основательно иужно исследовать трансформацию и важный характер первобытнообщинных отношений на последнем этапе развития родового строя. При этом ни в коем случае нельзя допускать идеализации этих отношений, т. е. сохранившиеся пережитки арханчных форм, какими бы привлекательными они ви казались, выдавать за реальные социальные отношения изучаемого периода.

Необходимо полностью осознать, что никакого так называемого «золотого века», о котором писали философы древности, никогда в действительности

не было. Это твердо доказано исторической наукой. Историкам первобытного общества и его культуры хорошо известно его первобытное состояние, с паличием демократических начал в общественном производстве и управлении, что особенно кажется привлекательным ряду авторов. Эту демократию нельзя пдеализировать, ибо развитию этих демократических начал в первобытных обществах сопутствовали абсолютная беспомощность перед силами природы, крайне низкое развитие произволительных сил, нищета, массовый голод и высокая смертность как результат разного рода стихийных бедствий и эпидемий, бороться с которыми люди были бессильны. Правда, в этой невероятно тяжелой борьбе с прпродой люди одерживали верх, но только благодаря коллективности труда и жестопришей общественной дисциплине внутри рода и илемени, подавляющей проявление индивидуальности. Всем хорошо известны древнейшие свиреные нормы и правила родовых взаимоотношений; «око — за око. зуб — за зуб», в которых нашла выражение сущность родо-илеменного строя. В бесклассовом обществе жесточайшие обычаи и разные суевения были единственными «юридическими» пормами в общественной жизии. Им была полностью подчинена жизнь любого члена рода и племени. Каждый общинник, нарушивший тот или иной запрет, мог быть жестоко наказан п даже убит.

Военные столкновения между отдельными племенами и даже родами, участившиеся на последней стадии развития родового строя, передко приводили к уничтожению целых илемен и народов. Дорого стоима отдельным народам кровная месть — одно из самых тяжелых и отвратительных явлений первобытнообщинного строя. А кое-где сохранявлиеся до недавнего времени арханческие обычаи похорон умершего члена рода и массовые отправления разных вредных традиционных праздинков! Они напосили большой ущерб обществу и его членам.

Когда ясно представишь себе все последствия этих основных черт первобытнообщинного строя, невольно согласишься с признанием исторически оправданным и целесообразным самообразование классового общества. При всей гнусности поведения первых эксплуататоров, будь то рабовладелец или феодал, само формирование классов и государственности иссомненно являлось прогрессивным явлением. В этом убеждает весь ход исторического развития человеческого общества, в том числе и па Кавказе.

Таким образом, никакого так называемого «золотого века» в древности не существовало. Не было его в действительности и у ингушей, хотя идея о «золотом веке» продолжала жить в ингушской паучно-публицистической

литературе даже в советское время.

Так, в книге М. Л. Туспкова «Ингушетпя», изданной во Владикавказе в 1926 г., говорится, что «... у ингушей, как и у чеченцев, не было до революции понятия об отдельных правах, дающих преимущества одним и ставящих других в зависимое положение, т. е. между пими не было деления на сословия в строгом смысле слова и общественный строй их отличался демократической простотой и патриархальностью, равенством в правах всех граждав.

Все пигупп, как и чеченцы, пользовались одинаковыми правами и составляли один общий класс, без всякого подразделения на сословия.

Насколько сильна была у кигушей и чечениев любовь к своболе и павекству, видно на того, что, несмотря на влияние соседних осетия и кабардипцев, имеющих сословные деления, несмотря на соселство с феональной Грузцей и влияще царской России, они оставались такими же «бордасенна» (вольный, как волк), не признающими сословных привплегий и земельной собственности, какими они были еще в период пастушеской MUSHU» 1.

И хотя явио идеализированная картина не соответствовала реальной жизни и быту ингушей сравнительно недавнего прошлого, отражение этой конпеции «роновиков» о ниондом «золотом векс» можно встретить в работах, посиященных истории чечениев и ингушей. Некоторых авторов соблазияла перспектива показать механический переход от родового строя к социализму, минуя капиталистическую формацию.

Можно привести примеры и пругих безпоказательных утвержиений. признающих, что и ингушский парод уже прошел в своем развитии стадию или исс этапы феодального строя 2. Особеню характерна была эта тен-

пенния или 30-х годов нашего столетия.

Так, Г. К. Мартироснаи в своей работе «История Ингушии» прямо говорит, что «имеющиеся уже данные свидстельствуют о том, что Ингушия прошла и через феодальные отношения...» э. хотя пикаких серьезных по-

Казательств в пользу именно этого тезиса автор не приводит.

В последние годы в поддержку признания в прошлом развитого феодализма в ингушском обществе выступил известный историк Севервого Кавказа проф. Б. В. Скитский. В специальной статье «К вопросу с фесдальных отношениях в истории ингушского народа», оперируя фактами главным образом уже XVIII и даже XIX вв. и произвольно применяя такие термины, как «вассалы», «сеньоры», «сюзерены», «коммендация» (заимствованные из классической структуры европейского феодализма), Б. В. Скитский сильно преувеличил степень общественного развития ингушей до XVIII в. Одно из действительно ведущих ингушских племен из ушелья Галгачие он прямо назвал феоцальным. Галган, писал он, «простерли свое социально-экономическое влияние на основную ингушскую территорию и дали свое феодальное имя всему ингушскому народу (галгай)» 4. Как видим, даже сам этноним «галгай» назван феодальным. что. конечно, очень далеко от истины.

Накопец, уже в наши дии в местных научных кругах стало возрождаться мнение о наличии классового, именно феодального, общества у чеченцев и ингушей чуть ли ни с XV в. (!). Отсюда — голословное отрицание у вайнахов родового строя и признание у них очень раннего существомонотеистической — мусульманской — религии в, действительно присущей, как правило, классовым обществам, а также вывод о том, что

161

¹ М. Л. Тусиков. Ингушетия. Владянавназ, 1926, стр. 19—20.
2 Е. М. Инлания. Ингушен и чеченцы. Сб. «Религнозные верования народов СССР», т. И. М.—
Л., 1931, стр. 7.
3 Г. К. Мармиросия. История Ингушия. Орджоникидзе, 1933, стр. 28.
4 Б. В. Скимский. К вопросу о феопальных отношениях в истории негушеного варода. ИЧИНИИ, т. І. вып. і. Грозный, 1959, стр. 174.
4 А. И. Памилее. В ущельих Аргупа, Фортанги и на плоскости Чечено-Пягушетии. ИЧИНИИ, т. VIII, вып. і. Грозный, 1969, стр. 239—241.

«вайнахи, как п другие вароды Северного Кавказа, прошли стацию феола-

лизма, хотя несколько в свособразной форме» 4.

Печальнее всего, что эти заключения молодых авторов не базпруются на каких-либо серьезных доказательствах, в свою очередь выявленных в процессе глубоких исследований основных вопросов, связанных сфеодализмом, скажем, земельной ревты у вайнахов. Главный же недостаток таких работ заключается в том, что в них состояние вайнахского общества рассматривается обобщенно, как бы вне времени и пространства. Сделанными же позитивными выводами напрочь стирается сама неравномерность исторического развития, что так характерно для истории всего Северпого Кавказа, где по ряду причин исторический процесс протекал более замедленными темпами, чем, скажем, в Закавказье 7. Это, кстати, всегда признавалось авторами коллективных обобщающих трудов по истории и культуре Чечено-Ингушетии и Кавказа в.

Отсутствие у иссленователей единого мнения по основному вопросу об общественном строе у пигушей до XVIII в. главным образом порождается не тенденциозпостью отбора фактов старыми военными историками, как казалось В. В. Скитскому (от подобного влияния советские историки были свободны), а ограниченностью и слабой степенью изученности исех материалов, которые могут служить источниками, освещающими столь слож-

ную тему.

В этом отношении большего внимания и доверия заслуживают мнения, высказанные рядом советских авторов (проф. Н. Ф. Якоплевым, А. С. Вартапетовым, проф. Л. П. Семеповым и др.) еще в довоенные годы. Так, Н. Ф. Яковлев в своей брошюре «Ингуши» говорил лишь о «зачатках феодализма в Ингушетии» в. Знаток средневековых ингушских древностей проф. Л. П. Семенов утверждал, что «феодализм не получил в Ингушетии такого развития, как в Северной Осетии или Кабарде, но зачатки его имелись» 10.

В 1932 г. вышла из печати обстоятельная статья этпографа А. С. Бартапетова, посвященная родовому строю чеченцев и ингушей. Несмотря на некоторые неточные и даже ошибочные утверждения, А. С. Вартанстов сделал, на мой вагляд, довольно верный анализ общественных отношений ингушей в далеком прошлом, во всяком случае до XVII-XVIII вв. «Социально-экономический строй, - писал он, - как пигушей, так и чеченцев не является примером чистоты патриархально-родовых отношений; валино были все моменты начавшегося распада» 11.

А. С. Вартапетовым совершенно правильно усмотрена и попята основная сила, основной фермент, разлагающий род даже в относительно замкнутых условиях горного Кавказа. Это — не только слабые еще мено-

⁶ С. Ц. Умаров. О поселениях и некоторых особенностях сециально-экономического развития горной Чечено-Питуметии эпохи позднего средневековыя. АЭС, т. ИИ. Грозный, 1959,

антия горной Чечено-Пигущетии эпохи позднего средневеновых. 2005, стр. 163.

7 Е. Н. Кушева. О некоторых особенностях геневиса феодализма у народов Северного Кавказа. «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР». М., 1969, стр. 179.

«Ипроды Кавказа», т. І. М., 1960, стр. 364, 383; «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР», т. І. Грозный, 1967, стр. 54 и сл.

4 Н. Ф. Яковаса. Ингуши. М., 1925, стр. 102.

4 Д. Ф. Яковаса. Ингуши. М., 1925, стр. 102.

1932 годах. Грозный, 1963. стр. 175.

13 С. Варганетов. Проблемы родового строи ингушей и чеченцев. СЭ, 1932, № 4, стр. 63—89.

стр. 63-89.

вые связи, не только влияние соседних с уже сложивщейся классовой структурой феодальных обществ (Грузия, Осетия, Кабарда, дагестанские общества, наконен Россия), а тот внутренний, разъедающий род процесс. который в условиях перснаселенности, волиющего малоземелья и персстройки всей примитивной экономики горцев медленно развивался при переходе от скотоводства к эсмледелию в связи с переселением в XVI-XVII вв. на плоскость 12.

В своей очерковой статье «К истории Ингушии», опубликованной еще в 1939 г. 13, я также пришел к выводу, что в ингушском обществе до XVIII в. давно складывались зачатки довольно заметного уже социального расслоения, т. е. наблюдался естественный процесс феодализации. Но, конечно, ии установившегося феодализма, ни тем более бытования развитого родо-

вого строя у ингушей и тогда признать я не мог.

Позднее А. В. Фадеев, характеризуя вайнахские общества дореформенного периода, писал не только о патуральном хозяйстве, но п о патриархально-феодальных формах их общественного быта 14. Другой историк, П. Гриценко, говорит: «В пагорной полосе шел процесс феодализации, хотя феодальные отношения только зарождались и находились в первоначальной стадии своего развития» 16. Наконец, Р. Л. Харадзе в позднесредневековой Ингушетии признает «частвую собственность феодального порядка» 16.

Насколько отличны эти взгляды от всех утверждений как старых иссленователей перпода Кавказских войн, так и некоторых даже современных авторов, увлекающихся пдеализацией «золотого века» и заявляющих, что ингушам якобы абсолютно «чужды были в прошлом какие-либо

социальные различия»!

Но обратимся к источникам.

Древние ингушские народные предапия об образования горных аулов и обществ, а позднее и исторические справки об ингушах знакомят нас с местоположением отдельных родо-племенных групп кистов, джерахов, галгаев, порищев и др. Попытки выяснить происхождение названий отдельных родо-племенных групп от часто называемых преданиями родопачальников с такими именами, как Кист, Джерахмат, или от такого имени ауда, как Цори, и т. д., что делали старые исследователи, едва ли приведут нас к правильному решению вопроса. Наоборот, вероятнее всего, сами названия аулов происходили от имени населяющего их рода, что подтверждается такими, например, фактами: горный аул, названный Таргим, был основан поколением рода Таргимхоевых, аул Хамхи — представителями рода Хамхоевых, аул Бархин — Бархинхоевыми и т. д. Об этом же говорит и кавказский сравнительный материал, приведенный

Тбилиси, 1968, стр. 185.

¹³ См. мою реценано на работу А. С. Вартанстова, опубликованную в журнале «Революция и горец», 1933, № 5. Ростов-на-Дону, стр. 81—85.

13 Е. П. Нрупноз. К истории Ингушин. ВДИ, 1939, № 2, стр. 89.

14 А. В. Фадеес. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Пигушетия и России. ИЧИНИИ, т. И. вып. 1. Грозный, 1960, стр. 4.

18 И. П. Грицско. К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии. ИЧИНИИ, т. V. вып. 1. Грозный, 1964, стр. 3.

18 Р. Л. Харадае. Некоторые стороны сельскообщинного быта горных ингушей. КЭС, вып. И. Томписи. 1968. стр. 185.

Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе в статье «К вопросу о нахской этнонимике» 17.

Одно положение является несомненным, что в ранкий период своей нстории все эти родо-племенные образования в основном представляли собой единый культурный круг. Родо-племенные группы джераховцев, гаягаевцев, цоринцев и другие, конечно каждая в отдельности, имели свою историю, отличную от других, что подтверждается как народными преданиями, так и позднеисторическими свидетельствами. Все они были связаны общностью языка, территории, материальной культуры, хозяйственного уклада и общественных отношений ранцего периода своей историн. Повторяю, это был единый культурный круг. Именно к этому выводу приводит анализ археологического материала из подземных и полуподземных коллективных склепов XII—XIV вв. у селений Шуан. Бишт и других пушктов горной Ингушетии.

Могильный инвентарь из этих склепов, имеющийся в распоряжении исследователей, очень однороден. Он не даст еще оснований судить о выделении, скажем, малой семьи, о резком имущественном перавенстве, наблюдаемом среди населения Ингушстии того времени. Как уже было отмечено, однотипность этих скленов, их содержимое (по нескольку десятков костяков), их топография заставляют рассматривать эти склепы как родовые усыпальницы, в которых погребались представители одной тейны. населяющей ближайший аул.

Земля и хозяйство тогда были общими. По словам Б. Далгата, ингушские старики утверждают, что «они не знают в настоящее время примера, чтобы целый род имел в нераздельном общем владении нахотные и нокос-

ные участки, по что прежде это бывало» 16.

Некоторые источники рисуют нам структуру общества и взаимоотпошения членов родовой организации того периода. В прежиес время, когда члены одного рода жили вместе в жилых родовых башиях, каждый род имел своего старейшину, который играл большую роль в жизии тейны. По свидетельству Чаха Ахриева, кровь старейшего члена общества ценилась вдвое дороже крови «обыкновенного галгаевца» 19.

По У. Лаудаеву, «в первобытные времена пастушеской жизни старший в роде был уважаем своею фамилией. Он решал домашние несогласия и споры, он был и отцом фамилии, и наставником, и начальником. В случае спора двух фамилий старшие в роде советовались, как бы уладить дело:

уславливались, и никто не противоречил» 20.

У другого автора о роли старейшего в роде читаем: «Тогдашине выходны были люди мирные, занимавшиеся преимущественно пастьбой скота, у которых адат (обычай) заменял законы, а старший в роде был начальником, судьей и первосвященником» 21. Он пользовался особым уважением со стороны однофамильцев и чужеродцев, ему всегда оказывали почет:

¹⁷ Р. Л. Харадзе, А. И. Робанидзе. К вопросу о нахоной этнонимикс. КЭС, вып. И. Тбилиси, 1968, стр. 33.
19 Б. Далгат. Родовой быт чеченцев и нигушей в прошлом. ИИНИИК, т. IV, вып. 2. Орджови-кидзе — Грозный, 1934—1935.
19 И. Агриев. Митуши. ССКГ. вып. VIII. Тифлис. 1875, стр. 4.
20 У. Лаудаев. Чеченское племя. ССКГ, вып. VI. Тифлис. стр. 25.
21 Н. Дубровии. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I. СПб., 1871, стр. 369.

и на пирах, и на похоронах, и на суде — всюду ему принадлежало почетное место, все уступали ему дорогу, сидевшие вставали при его появлении.

Таковы данные о ранией истории ингушской тейны, какой ее можно

себе представить по данным местного фольклора и преданий.

Археологический материал из надземных склепов более поздвего времени (XV-XVII вв.), наряду с показателями того же этнокультурного единства всех этих районов, заселенных родственными племенами, предоставляет и новые факты. В этих «кашах» — «домах мертвых», содержащих до 3-4 и более десятков высохших мумий, почти не имеющих погребального инвонтаря, встречается богатое захоронение. На таком поконинке можно видеть и круппые височные кольца из серебра, и множество различных бус, и оригинальные жонские головные уборы в виде конька с серебряной бляхой посредине, образцы привозного сукна, шелковые ткани и иные вещи. Здесь мы уже имеем дело с погребениями богатых и бедных. Особенно ярко картина имущественного неравенства была выявлена при наблюдениях наи солержимым наиземных скленов горных селений Фалхан, Эрэн, Эгикал, Хамхи, Нюй, Пялинг и др. Наибольшее количество женских головных рогообразных уборов, называемых «курхарс», было собрано экспедициями бывшего Ингушского научно-исследовательского института краеведения в Мецхальском районе, в окрестностях с. Фалхан. Напомним, что, по свидетельству русских послов, направлявшихся в Грузию через горную Ингушетию, местные «жонки посят на головах ... что роги вверх в поларшина» 22 (рис. 9, 7).

Любонытно указание Клапрота, что подобные головные уборы составляют отличительную черту кистинских уборов женщин и отличают их от

уборов женщии татар, кумыков и черкесов.

По ингушским преданиям, эти женские парадные головные уборы (кур-харс) некогда носились богатыми женщинами. Это подтвердил в 1930 г. и уже упоминавшийся старик Алихан Мурэабеков изс. Фалхан. Сукно, шелк и серебряные бляхи, идущие на изготовление кур-харсов, вряд ли были по средствам всем членам ингушского общества того времени.

Погребальные надземные склепы, как известно из ингушских сказаний, строились всей тейной и принадлежали всей тейно, равно как и боевые башии. Если в каком-либо населенном пункте проживали представители нескольких маломощных тейн или вяров, то им соответствовало и определенное число боевых башен и кашей. Например, в с. Эрзи насчитывалось 16 боевых башен и проживало 14 тейн, в Таргиме — 4 башии и 4 тейны. Разумеется, мощиме тейны имели и большее число башен и склепов. Для безродных сообща в каком-либо горном ауле строили склеп, где их и хоронили. Сознание связи со своей тейной сохранилось у каждого ингуша до наших дней и позволяет почти полностью восстановить генеалогию многих ингушских фамилий.

— Известно, например, что самая большая тейна — Таргимхоевых — вышла из аула Таргим. Она распалась и образовала несколько вяров: Мальсаговых, Бековых, Плиевых, Чопановых, Оскановых, Озиевых,

²¹ М. Полисактов. Материалы по истории грузино-русских вэримоотношений (1615—1640 гг.). Тбилиси, 1937, стр. 215.

Медоевых, Кулбужевых, Гойговых, Угурчиевых, Арчаковых и др. Тейпа Костоевых состоит из следующих вяров: Гастемировых, Газгиреевых, Марзагановых, Машиговых, Успаевых и Дударовых. Тейна Тортхоевых распалась на вяры Торшхоевых, Досхоевых, Полиевых, Гудантовых. Есть в меньшие тейпы, например Бархпиоевых из с. Бархпи, состоящая всего из четырех вяров: Котневых, Точневых, Канчиговых и Годоборихосвых.

О давности выделения и роста этих вяров можно судить хотя бы по тому, что фамилия Мальсаговых (вяр таргимхоевской тейны) была сильна и многочисленна еще в середине XVIII в.; известно, что сын главы этого вяра Мальсага — Дзавг (Дзауг) основал на плоскости ингушский аул Заур 23, населенный ингушами и осетинами, с преобладанием (по Штедеру) последних 24. На этом месте в 1784 г. возник г. Владикавказ (ныпе г. Орджоникидзе), называемый у осетии и вайпахов по его имени — Дзауг-Кау 25 (Дзауджикау).

Сомпально-экономическую физиономию этих не совсем отночковавшихся от своей тейны вяров мы и прослеживаем по могильному инвентарно надземных склепов. Более состоятельный вяр хоронил своих однофамильцев с более богатым инвентарем в одном родовом склене даже вместе с менее

состоятельными вярами.

В условиях распадающегося родового строя отдельная фамилия в силу многочленства и других причин могла становиться экономически более мощной, нежели другая, малочисленная. Вот это имущественное поравенство отдельных фамилий (в зачатке семейных общин), еще окончательно не порвавших с родом, и наблюдается по инвентарю, встречаемому в надземных склепах XV-XVIII вв.

Наиболее вероятно, что именно к этому периоду и относятся те свидетельства о сношениях и обмене у ингушей с соседствующими народами, которые сохранились в народной намяти. Уже упоминавшиеся круппые женские серебряные украшения, которые встречались только в склепах этого периода, красное сукно и нелковые ткани (служившие основными материалами для изготовления нарадных головных уборов кур-харс). привозимые из Закавказья, служат прямыми доказательствами спощений ингушских племен со своими соседями.

Ранее уже приводилось свидетельство грузинского царевича Вахушти о былых связях пигушского народа с кабардинцами. Позднее акад. П. Г. Бутков, основываясь на показаниях Гюльденштедта, указал на взанмоотпошения ингушей с аксайскими кумыками, т. е. с народами Северного Дагестана 26. Следы этих поздних связей, изобилующие арабизмами в язы-

ке, остались от времени мусульманизации края 27.

Чах Ахриев (ингуш по происхождению), в 1875 г. опубликовавший лучшие образцы ингушского эпоса, свидетельствует, что «грузинский царь Ираклий принимал одного из потомков Таги (кистинского старшину. — Е. К.) с большим уважением и почестями, подобающими владетельным

²³ И. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавиаза с 1722 по 1803 год, т. П. СПб., 1869, стр. 105. По слован Н. Г. Архиева, Дава принадлежал тейне Долгиевых.

14 А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 695, прим. 1.

15 В. Долгот. Из культурного прошлого ингушей. ЗКВ, т. V. Л., 1930, стр. 695, примечание 1.

16 П. Г. Бункоо. Указ. соч., стр. 300.

17 А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 760 и сл.

1104 1541

лицам... Сыновья Джерахмата [родопачальника джераховцев. — $E.\ K.$] Лорсии и Бек пользовались между джераховскими жителями точно так же большим уважением. Подобно кистинским предводителям, они неоднократно были принимаемы грузинскими царями к своему двору и получали от них при своем возвращении богатые подарки. Вероятно, грузинские цари ласкали горских предводителей с целью приобретения их расположения и предупреждения со стороны джераховцев хищнических нападений; на пограничные грузинские земли. А эти нападелия в первые времена существования ингушских обществ были весьма часты; опи производились больнией частью предводителями небольших отрядов дружины, причем они весьма нередко забирались в самую глубь грузинского царства. Главной целью нападения было желание приобрести красного шелку и ситцу для праздинчных бенметов своей фамилии...» 28.

Судя по последним данным историко-этнографических экспедиций, у интушей в прошлом существовали особые военные дружины, называемые «гаьр». Они состояли из хорошо вооруженных удальцов и организовывались перподически для набегов на соседиие районы Осетии, Кабарды и Грузии. «Объектами добычи были скот, оружие, драгоценности и люди» 29, которых превращали в рабов или продавали. Преданиями о таких пабегах дружин, во главе которых стояли вожди («бяччи»), нолны вайнахские исто-

рические песии во.

В грузинских хрониках сохранились свидетельства о былых набегах в Грузию северокавианских горцев 31. В ингушской легенде о богатыре Турпале, приводимой проф. Н. Ф. Яковлевым 32, рассказывается о якобы состоявшейся жешитьбе этого «гордого человека» на дочери грузинского киязя. Даже в 1785 г. грузипский царь Ираклий II «призывал к себс осетинцев и ингушей, по напраснов 33.

Эти связи ингущей со своими соседями становились уже органической частью исторического процесса, некогда протекавшего у пигушей. Виутренине движущие силы в этих условиях ускоряли давно уже начавшийся

раснад древиях родовых основ общественной жизни.

Упоминаниями о богатых и бедных фамилиях и родах пестрят народные предания, прямо относящиеся уже к эпохе позднего средневековья. Появление богатых и бедных и накопление богатств отдельными тейнами и вярами происходили в обстановке участившихся военных столкновений между родо-илеменными образованиями ингушей. В условиях исключительной перепаселенности горных районов и острого малоземелья поводов для столкновений не надо было искать. Эти столкновения происходили на почве уже чисто экономических интересов (захват скога, имущества, пленников) и, конечно, обычно оканчивались победой более сильного рода, фамилии. Первоначально исход таких столкновений мог решаться просто численным преобладанием состава одного рода над другим, но позднее решался уже

²⁸ У. Ахриев. Укал. соч., стр. 3.
²⁹ Р. Л. Харадзе, А. П. Робакидзе. Характер сосмовных отношений в горной Ингушетии. КЭС, пып. 11, стр. 139.
³⁶ «Очерии истории Чечено-Ингушекой АССР», т. І, стр. 56.
³⁷ С. П. Мокалатия. Хепсурсти. Тбилиси., 1940, стр. 34.
³⁸ Н. Ф. Якослев. Указ. соч., стр. 40.
³⁹ П. Г. Бутков. Указ. соч., стр. 179.

не многочленством враждующих родов или фамилий, а социально-экономической значимостью рода, ибо теперь уже были нередки случаи не только насильственного, но и «добровольного» подчинения «слабых» и «худинх» фамилий «сильными» и «лучшими». Для обозначения сильной фамилии су-

шествовал термин сэзди нах» («благородные люди») 34,

«Обычным было явление, — говорит знаток чечено-ингушского эпоса Б. К. Далгат, — что сильная фамилия обижала слабую. Слабой фамилии в таком случае оставалось одно спасение - или образовать союз сообща с пругими слабыми фамилиями, или примкнуть самой к сильной фамилии в качестве младшего сочлена. Некоторые представители слабой фамилии вынуждены были считать себя ниже представителей сильной фамилии и посили даже особое наименование — «ияха карта йихе баха нах», т. с. --«живущие около плетия сильных». По существовавшему обычаю, старики из сильных фамилий, ставшие неспособными к супружескому сожительству, брали вторую или третью жену (по не первую) из девушек сдабой фамилии, «чтобы они их укладывали спать, как говорят ингущи» 35.

Слабые фамилии, примыкая к сильным, увеличивали мощь последних: пользуясь их покровительством, они одновременно попадали в зависимость от сильных. Пример такого сосуществования слабой фамилии под защитой и покровительством сильной представлял, например, богатый двор Гайти Мальсагова 30. В целях укрепления своего владения и для постройки башии род Сальгиевых впустил на свою территорию род Гу (Гухоевы). И хотя последний влущен был якобы на каких-то договорных началах, род Сальгиевых считал Гу от себя зависимым и даже споим рабом («лей») 37. В с. Кайшет фамилия Шоухаловых, приютив пришлых Гамботовых, поставила их в зависимое положение, возложив на них все кузнеч-

ные работы ³⁸.

Предание об основании Джерахского общества повествует, что «спустя некоторое время после его (Джерахмата. — E.~R.) переселения в Джераховское ущелье начали приходить посторониие жители и населять места -с дозволення Джерахмата. Последний защищал со своей дружиной повых переселенцев и за то пользовался весьма значительными правами над остальным народонаселением; так, например, он имел право держать холопов и брать подати с жителей Джераховского ущелья» 39.

В том же предании приводятся и более поздине факты взаимосвязей между ингушами и грузписким царствующим домом, причем упоминание царя Ираклия позволяет определить примерно время, в которое происходили события. Это, по-видимому, XVII в., если имеется в виду Ираклий I (Ираклий I царствовал с 1688 по 1703 г., Ираклий II — с 1744 по 1798 г.) ⁴⁰.

Понятно, что в подобной обстановке участившихся междуродовых столкновений и разного рода противоречий особению сказывалась необходимость в защитных мерах. Тогда и возникло строительство боевых много-

³⁴ Р. Л. Харадзе, А. Н. Робакидзе. Указ. соч., стр. 132.
35 Б. Далгат. Указ. соч., стр. 50.
36 Там же, стр. 51.
37 В. П. Кристианович. Герная Инсушетня. Ростов-на-Дону, 1928, стр. 74.
38 Р. Л. Харадзе. А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 158.
38 ССКГ, т. УИИ. Тифлис. 1875, стр. 3.
49 «История Грузии», т. І. Тбилиси, 1962, стр. 311, 357, 402.

этажных башен - «воу». Их обычно строили всем родом или большими фа-

милиями в стратегически удобных пунктах.

Конечно, и в болсе ранний период были междуродовые столкновения. Но раньше не было такой необходимости в особо укрепленных сооружениях, способных противостоять новой технике войны с применением огнестрельного оружия. Начиная с XV—XVI вв. и поэднее, когда и кавказские горцы поэнакомились с кремневыми ружьями— пищалями, почти каждый род и отдельные большие фамилии стали воздвигать свои боевые бащии. Более крупные и сильные фамилии строят даже сложные сооружения типа замков. Таковы замок Точневых в с. Мецхал, Евлоевых в с. Пялинг, замок в Эгикале и в других пунктах горной Ингушетии.

Этот естественный процесс отсланвания, обособления численно более мощных родовых общин, владевних большим количеством скота и земли, конечно, был очень длительным и начался еще раньше. Любопытно, что путешествующий у вайнахов в конце XVIII в. К. Ф. Ган описал богатую семью некоего Цотеша, владеющего стадом в 500 баранов, 20 коровами, 8 быками и прочим имуществом и ценностями ⁴¹. Можно думать, что подобные примеры были и раньше в ингушской среде. Иногда этому способствовала и сама географическая обстановка, в которой обитала та или иная

родовая община.

Так, например, по-видимому, очень рано выделилась родо-племенная группа из Галгачис (племена галгаев), издавна занимавшая важнейшие стратегические пункты в горной Ингушетии по всему Ассинскому ущелью, ведущему из равнинных районов через горный перевал в Грузию. Эта группа не только владела и-контролирована дровици путь через ущелье р. Ассы — она располагала и отличнейшими настоищами в горах. Не случайно Ассинское ущелье, как показали наши археологические исследования носледних десятилетий, оказалось одним из древнейших культурных очагов не только Ингушетии, по и всего Северного Кавказа 42.

По ингушскому преданию, родоначальниками обитателей Ассинского ущелья — галгаевцев — были три брата: Таргим, Эги и Хамхи. «Всякий, кто просзжал или прогопял свой скот через их владения, — пересказывает предание проф. Н. Ф. Яковлев, — должен был платить им дань, которая исчислялась скотом или пулями и зарядами пороха. Так, за проход с одного человека и с каждой головы скота брали по одной пуле и одному заряду пороха. Мало-помалу в руках братьев и их потомков скопилось богатство, поселения их разрослись и по их именам получили название селения: Эгикал, Хамхи, Таргим. В союзе с другими соседими родами Бархинхоевых, Евлоевых и родом Ферти-Шауль потомки трех братьев или рода «трех селений» вооруженной рукой распространили свою власть на роды соседних племен: фяппинцев, аккинцев и др... Выходцы из чужих родов, беженцы, пленники, найденыши становились рабами или получали от господствующих родов земли для поселений» 43. По другому преданию известно, что соседние с галгаевцами племена нанимали последних или

⁴¹ К. Ф. Ган. Путемествие в страну пшавов, хевсур, кистии и ингушей. КВ, 1900, № 6, стр. 65. 42 Е. И. Крупнов. О чем говорят памятинки материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961, стр. 17. 43 Н. Ф. Яковлев. Унав. соч., стр. 99.

платили им дань за защиту от враждебных соседей 44. Особое социальноэкономическое положение галгаевской группы среди других ингушских обществ было подтверждено и последними полевыми исследованиями

грузинских этнографов 45.

Подобные отношения зависимости одной родовой грувиы от другой в дальнейшем были даже узаконены адатом, вообще трансформировавшимся настолько, что позднее адат, как правило, выражал только волю сильного. Так, например, по адату кровной мести за убийство галгаевца платилось большее количество голов скота, чем за убийство, скажем, фянцина. Социальная значимость представителя той или иной группы опредслянась уже его принадлежностью к «сильной» или «слабой» фамилии. В поздних исторических документах об ингушах встречаются многочисленные эпитеты, приложенные к некоторым фамилиям.— «лучине», «сильные», «богатые», «почтеннейшие» и пр. Причем нельзя думать, что эти эпитеты — выдумка царских чивовников. Отдельные ингушские фамилии действительно сами претендовали на эти эпитеты. Отношения в некоторых из инх и иллюстрируют социально-имущественное перавенство среди вигушей этого периода.

Но, разумеется, процесс разложения ингушской родовой организации протекал перавномерно. По преданию, «в отдаленнейший период времени между галгаевцами вочти не было случаев потомственной передачи власти от одного лица к другому... [они] выбирали из своей среды отличнейших по своему уму, богатству, а не исключительно по происхождению подей

и передавали им право судить и производить расправу».

Но уже С. Бропевский на основании ряда официальных документов в 1823 г. имел основание о тех же ингушах-галгаях писать, что живут они «под управлением выборных старшин, которые, будучи избираемы из богатейших родов и по причине частого повторения выборов из тех же семейств, обыкновенно присваивают себе права старшинские от отща к сыну-наследственно. Они же исправляют и жреческие звания», в то время как чколено кистов живет в крайней бедности и управляется выборными старшинами» 46.

Это наблюдение С. Броневского особенно интересно тем, что им подчеркивается неравномерность развития ингушских илемен; крайне любопытно, что оно почти буквально повторяет классическую формулировку положения Ф. Энгельса о появлении наследственной власти в руках родовой верхушки, положения, основанного на громадиом сравнительном материале. Подводя итоги разбору внутриродовых взаимоотношений у ирокезов, древних греков, кельтов и германцев, Ф. Энгельс писал: «...установленное обычаем избрание их [вождей.— Е. К.] преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особепности со времени утверждения отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сначала терият, затем требуют и, наконец, узурпируют...

ССКГ, вып. VIII. Тифлис, стр. 4.
 Р. Л. Харадзе, А. И. Робокидзе. Указ. соч., стр. 35.
 С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II. М., 1823,
 Стр. 164.

Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность...» ⁴⁷. Так было и в ингушском средлевековом обществе.

Постепенно вес представителей роловой верхушки все возрастал. За кновь убитого старшины любого родо-племенного образования ингушей взыскивалась более высокая плата, чем за обыкновенного, рядового чледа. В мирном договоре 1810 г. с русскими генерадами почти весь ингушский народ был представлен «почетными старшинами» и «лучними и почетнейшими людьми».

По другому, уже приводившемуся преданию, «родоначальнаки» джераховиев — Джерахмат «имел право пержать ходопов и брать подати с жителей Ижераховского ущелья». Знатная ингушская фамилия Мамиловых брала штраф (12 коров) за каждого зверя, убитого на их охотивчых уголь-

ях без предварительного их разрешения 48.

Приведенные примеры наглядию показывают, что процесс обособления родовой верхушки, характеризующий собою окончательный распад родового строя, происходил еще задолго по вхождения Ингушетии в состав Российской империи. Но особенно показательным этот процесс был у галгаевцев, которые, владея выходом на Ассинского ущелья на плоскость, умело использовали свое положение в среде пругих горных ингушских обществ.

Это положение хозиина ущелья и более благоприятные условия для развития своего хозяйства значительно увеличивали экономическую мошь этой группы. Г. К. Мартироснан в 1928 г. опубликовал интереспейший документ, характеризующий крупную земельную собственность, которой некогла обладали некоторые фамилии этого общества. В прошении на имя наместника на Карказе жители с. Хули и других пишут: «С древних времен до покорения Кавказа предки наши и родные отны, происходя из высшего сословия ингунского племени — превикх фамилий Эгисвых, Хамхоевых и Таргимхоевых.... вдадели нашими родовыми землями, лесами, пастбищами, сепокосными и прочими угодьями, площадью земли в горах... в количестве 12 222 десятины» 19.

Галгаевцы начинают играть крупную роль в кругу других родо-племенных гоупп, попадавиных к ним в зависимость, как фянцинцы и др. Обладая большей социально-экономической значимостью, свое название «галгай» они постепенно перенесли на большинство ингушских родо-племенных групп. Став уже собирательным, термин «галгай» — грузинское «глигви» — сохранился до сравнительно поздиего времени. Так, один грузинский автор, характеризуя опыт написания «Истории Картли» с XV по XVIII в., в числе соседних с грузинами народов вместо всех вайнахов называет только «глигвов» 60. С. Броневский писал, что кисты, папример, ∢сами себя называют попеременно кисты, галга, ингуши и одно название

⁴⁷ Ф. Энгслъс. Происхонщение семьи, частной собственности и государства. К. Марке и Ф. Энггелъс. Сочинения, т. 21, стр. 164.

47 «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР», т. І, стр. 56.

48 ИНЦИИК, т. І. Владикавказ, 1929, стр. 72.

49 М. Г. Джанашецан. Картинс-Цховреба. СМОМИК, т. 35. Тифияс, 1905, стр. 117.

вместо другого употребляют» 51. «Племенное образование, — говорит И. Я. Марр, - есть построение одной из входивших в его состав производственно-социальных группировок, с которой и переносится на все племя ее название» 52.

В дальнейшем этот процесс образования отдельных племен заканчивается единым этнообразующим процессом. С XVII в., с момента основания галгаевцами на плоскости большого аула Ангушт и с дальнейшим включеинем всего населения в сферу уже русского влияния, это название аула, переделанное русскими в «Ингуш», «Ингуши», постепенно было перенесено на все группы этого народа. В XIX в. все ингушские племена в русских

документах выступают как единое целое.

Процесс разложения родового строя у ингунией особенно интересен и тем, что одним из его составных элементов являлось рабство в роде, т. с. патриархальное рабство. Следует отметить, что калказоведами выяснению этого вопроса вообще было уделено мало винмания. Даже исследоватеми наших дней, запимающиеся изучением истории чечениев и ингушей, почти не затрагивали этого вопроса в своих работах. Правда, в значительной степени это объясияется отсутствием определенных или в дучщем случае наличием фрагментарных данных о рабстве у чеченцев и ингушей.

Приятным исключением является одна из последних работ Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе, посвященная выяснению сословных отношений в ингушском обществе. В ней сделана ценная попытка уточнить термии «лей» <u>(раб) и определить его соц</u>иальную сущность у пигущей на фоно широкого сравнительного материала 53. Признавая патриархальное рабство, авторы справедливо подчеркивают тенденцию к закренощению плеиника-раба. Интерес в этом плане представляет и недавно опубликованная статья Ф. В. Тотоева о рабстве в Чечие в XVIII в. и поздисе 14.

Имеющиеся, хотя и скромные, данные все же позволяют говорить о том, что в Ингушетии рабство некогда существовало. Понытаемся установить, каким было это рабство, какова была его роль в разложении рода и кто

были рабы.

В ингущском языке имеется слово «раб» — «лай», «лей». Имея широкое распространение на Селерном Кавказе в значении «человек», «мужчина» («крестьянии»), «пленник», «раб», этот термин у ингушей означал «раба» н «зависимого человека» 65. В уже приводившихся некоторых ингушских преданиях о Джерахмате и других упоминались «холопы» и «леи». Опрошенные нами ингушские и чеченские старики — Алихан Мурзабеков из Фалхана и другие - подтвердили эти свидетельства. О существовании холопов и пленников-рабов у ингушей говорил и Б. К. Далгат вс.

С. Броневский так объясияет причины появления рабов у горцев Северного Кавказа: «При случае распрей одного колена с другим позволено

^{**} С. Броневский. Уназ. соч., ч. II, стр. 153.

** Н. Я. Марр. Яфетические зори на украинском куторе. УЗИНВ. М., 1930, стр. 9.

** Р. Л. Харадзе, А. И. Робожидзе. Характер сословных отношений в горной Ингушетии, стр. 127—164. Далес везде следуют ссылки на эту работу авторов.

** Ф. В. Тотоес. Развитие рабства и работорговли в Чечие (вторая половина XVIII — 40-с годы XIX в.). ИЧИНИИ, т. VIII, вып. 1. Грозный, 1969, стр. 185.

** Р. Л. Харадзе, А. И. Робожидзе. Указ. соч., стр. 134.

** Б. Далгат. Указ. соч., стр. 20.

обычаем взаимные набеги на неприятельские земли делать небольшими толпами или поодиночке, захватывая людей и скотиву в баранту, т. с. в от-

мщение за претерпенную обиду.

Сия домашияя война доставляет множество пленников, из коих знатные и достаточные выкупаются родственниками; прочие отправляются для продажи или остаются рабами и употребляются во всякую домашиюю работу, наиболее же определяются в пастухи» 57. В дальнейшем мы убе-

димся, что эта характеристика рабства применима и к ингущам.

Таким образом, основным источником рабства у кавказских горцев являлась война. Пленники, захваченные в набегах, продавались на сторону за пределы Чечено-Ингушетни или обращались в рабов. А. П. Берже. например, отриная у вайнахов деление общества на классы, писал: «...В массе корешного народонаселения время от времени образовывался немногочисленный класс личных рабов; его составляли военнопленные, постояние захватываемые чеченцами во время наездов. Хотя состояние всех их в сущности ничем не разнилось, однако же их стали подразделять на пва разряда: "лай" и "ясир". Последние отличались от первых тем, что судьба их была не совсем определениа: "ясир" мог быть выкуплец родственниками и воротиться на родину, тогда как "лай", забывший свое происхождение и религию, делался неотъемлемою собственностью своего господина» 58. Это подтверждается последними данными, записанными грузпискими этнографами в с. Лежг: «Если пленник — «"есар" ("ясир") — не мог быть выкупленным его близкими, он оставанся у того, кто брал его в плен, и превращался в раба — лея"» во.

Почти исе авторы приводят подобные же объяснения происхождения рабства у чеченцев и ингушей. «Рабы были здесь, — писал А. П. Ипполитов, — весьма немногочисленные» 60. Это подтверждается специальной таблицей, составленной по горной переписи за 1868 г., где число рабов, подлежащих освобождению в Чеченском и Ингушском округах, не пре-

вышало 294 человек 61.

Характерно, что в подавляющем большинстве ингушских преданий уноминаются только рабы-чужеземны; обычно уноминают грузин, хевсур, осетии, кабардинцев и других соседей. Своих единоплеменников-рабов ингуши якобы не знали, что, конечно, маловероятно, если учесть, что всюду и везде существовало так называемое патриархальное рабство, основанное не только на внеэкономическом принуждении, но и на прямой экономической зависимости одних членов общества от других даже в одной этиической среде.

Имеющиеся данные говорят о том, что и ингуши в прошлом не составляли исключения. Б. Далгат со слов стариков Ганыжа и Казбыка указывает, что сильные ингушские фамилии воровали детей у слабых и прода-

 ⁶¹ С. Броневский. Указ. соч., ч. І. стр. 309.
 64 А. П. Берже. Чечия и чечены. Тифлис. 1859, стр. 90; см. такие: Ф. И. Леонтович. Адаты навнавсиях горцев, вып. 2. Одесса, 1833, стр. 81.
 65 Р. Л. Харадзе. А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 139.
 66 А. П. Ипполитов. Этнографические очерки Аргунского округа. ССКГ, вып. І. Тифлис, 1868,

А. И. Ипполитов. Этнографические очерки Аргунского округа. ССКТ, вып. 1. Тыфию, 1995.
 Стр. 43.
 Там же, стр. 40. Между прочим, в работе Е. Максимова и Г. Вертепова «Туземцы Северного Кавиаза» уназапа другая цифра — 338 рабов; Ф. В. Тотоев справединво полагает, что все эти цифры занижены. См.: Ф. В. Тотоес. Указ. соч., стр. 196.

вали их карабулакам (ингушскому племени) и в Чечию; по одному преданию, житель с. Цори Цикма продал в Тифлис даже своего брата Гуя 42. Мы уже знаем, что род Салги считал род Гу своими «лаями» — рабами. В горной Ипгушетии есть аул, населенный пигушами, поп названием «Лейлаг», т. е. «село рабов». В каждой боевой башие инжини этаж без света, абсолютно глухой, только с отверстием в потолке (под второго этажа), называемый «ларме», предназначался для содержания плененков в ожидании выкупа. Такая «яма»-теминца зафиксирована в с. Кошк в ущелье р. Арм-хи 63. В ауде Менхал отмечена другая мрачная темнина для пленников, а у потомка се вланельнев — старика Точнева сохранились железные наручники, которыми цекогда заковывали пленных, взятых этой фамилией 44. Таквы образом, факты говорят и о том, что у ингушей были рабы

из своей спелы.

Но не только, конечно, война являлась источником рабства у горцев, в том числе и вигушей. Категорию рабов увеличивали и просто экономически зависимые представители другой тейны или фамилии. Показательны в этом отношении взаимоотношения уже упоминавшихся родов Салги п Гу. По свидетельству Умалата Лаудаева, «частые неурожан тогдашних времен заставляли некоторых, во избежание голодной смерти целого семейства, продавать или менять на хлеб одного семейного сочлена, дабы этой мерой спасти остальных от смерти. Часто случалось, что проданный таким образом человек не был выкупаем п оставался навсегда рабом» 66. В местных кругах существует убеждение, что если пленников и продавали, то только на сторону. Но наличные данные, однако, указывают на определенную родь института рабства в закреплении и соплеменников 60. «Плецение и продажа людей в Ингушетии тоже были довольно развитым ремеслом, - пишет М. Мамакаев. - Чаще всего продавали спрот, детей и вообще слабых, беззащитных людей. Их дарили или продавали» 67. Правда, надо признать, что никаких серьезных данных о работорговлеу ингушей, как это было, например, у горцев Дагестана и Западного Кавказа, мы не имеем. Особияком стоит только свидетельство графа Потоцкого о том, что якобы в его время в с. Эндери (этом центре работорговли на Северо-Восточном Кавказе) одна ингушка была продана в рабстве ингушемов, и упомянутое предание о Цикме. В большинстве же случаев захваченные в плен обычно выкупались родственниками. Невыкупленные превращались. в рабов и использовались в хозяйстве. Они жили в домах тех, кто их илеиня, и пользовались их одеждой и обувью.

Возникает естественный вопрос: какую роль играли рабы в производстве у ингушей? Широко ли использовалась в хозяйстве чужая рабочая сила? Какая форма эксплуатации рабского труда существовала у горцев? Все источники указывают на патриархальные формы рабства. «...Прежде чем рабство становится возможным, должна быть уже достигнута известная

<sup>Б. Далгат. Указ. соч., стр. 20, 21.
Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 136.
Г. Н. Мартиросиан. Указ. соч., стр. 45.
У. Лаудаел. Указ. соч., стр. 52.
Р. И. Харадзе, А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 142, 163.
Р. И. Харадзе, А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 142, 163.
М. Мамакаев. Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1962, стр. 27.
ПИНИИК, т. IV, вып. 2. Орджоникидзе — Грозный, 1934—1935, стр. 149.</sup>

ступень в развитии производства и известная ступень перавенства в распределении», — писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» «В. У ингушей к моменту прихода русских все это было, но было еще в зачаточном состоянии. и потому рабство не могло играть какой-либо заметной роли в производстве.

По словам жителя с. Салги Билала Эльджаркиева, рабы у ингущей выполняли различную работу в хозяйстве, жили там, где помещался скот, не пользовались никакими послаблениями; с ними долго не родивлись, им не давали земли. Дети, прижитые от рабынь, также становились рабами. Только по истечении длительного срока (15-20 лет) рабы, приобретшие доверие, получали свободу и право обзаводиться землей и родниться с ингуніами. Известный этнограф Н. Н. Харузин писал: «Лай мог быть продан, наказываем по произволу, лишаем жизни по прихоти господина... на рабов смотрели как на младших членов семьи» 70.

У пигушей есть фамилии, происшедшие от рабов 71. Даже впоследствии за убийство представителя такой бедной фамилии платили по адату 6 коров, в то время как за убийство члена богатой — 12 коров. Судя по последним заключениям историков, в ингушском обществе на протяжении позднесредневокового периода, с XV до XVIII в., намечались более дробные зависимые сословия, образовавшиеся путем захвата пленников, их

продажи и пспользования в хозяйстве 72.

Но по ряду данных выясияется, что эксплуатация рабов в ингущском обществе была незначительна. Почти всегда владелец и раб работали вместе. Большо того, во время схваток с иноплеменниками рабы выступали на стороне хозяев; только название «лай» — раб и само приниженное положение отличало их от других жителей.

С течением времени такой участвующий в производстве раб нереджо сам становился младшим членом семейной общины, и никакой «идеализа»

щии» в этой характеристике, как кажется Ф. В. Тотоеву, нет 73.

Итак, рабство в ингушском обществе не имело большого социальноэкономического значения. Рабы здесь не являлись основной рабочей силой, да и применялась она ограниченно. Это было подлинно патриархальное рабство. Рабский труд как таковой не выступал эдесь в качестве двигателя производства этого общества. Тем не менее пленные рабы, становясь добычей в грабительских войнах наравие со скотом и прочим имуществом, также увеличивали экономическую мощь своих владельцев, и тем самым существующее здесь рабство сильнее расшатывало родовые устои.

Из рассмотренного вытекает, что общественный строй ингушей в позднее средневековье не представлял собой образца и «чистоты» натриархальпо-родовых отношений. Наоборот, эти отношения характеризовались уже многими моментами, чуждыми родовому строю. Такие факты, как наличие имущественного неравенства, накопление богатств в руках отдельных

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 164.
 Н. Н. Харузии. Заметки о юридическом быте чечениев и ингушей. «Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музес», вып. III. М., 1888, стр. 117.
 С. Броневский. Указ. соч., ч. I, 1823, стр. 51.
 Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 163.
 Ф. В. Тотоса. Указ. соч., стр. 189.

фамилий и семей, рабство, возникиее в результате антагонизма между отдельными родо-племенными группами, и установление более тесных взаимоотношений со своими соседями, уже классовыми обществами,— все вместе взятое говорит за то,что мы имеем дело с родовым обществом в период его весьма заметного распада. Появление же частной собственности на землю и скот, обособление старшин, власть которых нередко передается уже по наследству, и выделение вождей, руководителей дружли, которые пользовались весьма значительными правами по сравнению с остальным населением и даже имели право держать холопов (как Джерахмат), точнее определяют рассматриваемый исторический момент этого процесса.

Это была финальная стадия разложения родового строя у ингушей — канук установления классового общества. И если до XIX в. мы не можем обнаружить в ингушском обществе опреденившиеся классы, то это совсем не значит, что мы должны отрицать в нем определенную эколюцию клас-

сового порядка.

Все данные согласно говорят о процессе феодализации, о том, что класс феодалов в Ингушетии уже формировался на пороге ее присосдивения к России. Современные исследователи сословных отношений у канказских горцев Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе уверенно говорят о «процессе классообразования в Ингушетии, который так же, как в других районах горного Кавказа, протекал на базе разложения сельскообщинного быта, предполагал участие военно-демократических начал, и шел в направлении формирования раннефеодального, а не рабовладельческого общества» 71.

Развитие скотоводства, интенсификация земледелия (особенно с переселением ингушей на плоскость), развитие обмена, усложнение хозяйственной деятельности на базе нового разделения труда, рабство — все это подрывало устои натурального хозяйства и патриархальнородовых отношений и определяло собою дальцейший путь развития ингушского общества. Этот процесс заключался в оформлении предпосылок для установления феодальных отношений в ингушском обществе. Но не следует и пре-

увеличивать его роль и значение.

Уровень развития производительных сил ингушей до XVIII в. был все же недостаточно высоким, чтобы являться базой новых для ингушей производственных отношений. И хотя в начале XIX в. элементы социальной дифференциации и прослеживались, настоящая феодальная аристократия здесь еще не сложилась. Начавшееся выделение «лучших», «благородных», «влиятельных», «почетнейших» фамилий, часто поддерживаемых соседними государственными образованиями, указывает только на процесс становления в ингушском обществе класса феодалов, окопчательно завершиться которому не было суждено.

Народная намять сохранила нам один любопытный рассказ о неудачных иопытках некоторых «лучших» людей сделаться князьями. Он является весьма показательной иллюстрацией намечавшегося социального расслоения ингушей еще задолго до проникновения капитализма на Кавказ. Это предание об Ивизде Газде 75. Явившись на собрание, посвященное выборам

⁷⁴ Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 146. 75 ТС, вып. 2. Владикавказ, 1893, стр. 99.

князя, на великолепном коне, в богатой шелковой одежде, опоясанной грязным ослиным ремнем, мудрый и уважаемый за свои добродетсям Газда вызвал удивление у присутствующих. На обращенный к нему вопрос по поводу явного несоответствия частей наряда Ивизда Газда ответия: «Как ослиный ремень к шелковым одеждам, так князь и раб не идут к ингушам». И этот ответ решил исход выборов. Князя пигуши не выбрали; больше того, они якобы решили обязать владельцев рабов отпустить последних на волю. Нельзя ручаться за достоверность этого факта. Но нельзя отрицать и того, что эта созданиая народной фантазией картина «мирных» выборов князя, по-видимому, отразила одну из неудачных попыток какоголибо претепдента из фамилии «благородных» захватить власть над обществом. Подобные явления вполне закономерны в период становления классовых обществ.

Процесс феодализации, который протекал на территории Ингушетии накануле проинкновения канитализма на Кавказ, не получил окончательного своего завершения. Класс феодалов не оформился. И несмотря на то что в первый период завоевания Кавказа царское правительство проводило политику поддержки обособляющейся родовой верхушки ингушских племен, производственные отношения, присущие феодальному строю (оброк, барщина, вперкономическое принуждение), в нигушском обществе

не были известны.

Дальнейшее развитие ингушского общества, превратившегося в объект колопиальной политики царского самодержавия, протекало уже в иных условиях, в сфере капиталистических влияний. Прямым следствием колониальной политики уже капиталистической России явились более резкая социальная дифференциация ингушей п деление ингушского общества

на два противоположных класса - кулаков и бедняков.

Так изживало себя древнее феодализирующееся ингушское общество; только в XIX в., войдя в орбиту капиталистических отношений, оно окончательно сменило путь своего исторического развития. К счастью, этот тяжкий период капиталистического развития был непродолжительным. После Великого Октября ингуши вместе с чеченцами стали развиваться уже как социалистическая нация в дружеской семье с другими народами Советского Союза.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ИНГУШЕЙ до XVIII в.

В сравнительно педавнем прошлом ингуни и чеченцы исповедовали ислам суниитского толка, и если время первого распространения мусульманства в гарной Чечне (в XVI или XVII в.) пекоторым историкам кажется все еще спорным 1, то все исследователи сходятся на том, что проникновение ислама в ингушские районы произошло не ранее конца XVIII или даже на-

чала XIX в.2

Отнесительно горной Чечни я могу только добавить, что в свете последних научных данных, почему-то упорно не признаваемых за убедительные источенки пекоторыми специалистами з, появление мусульманства даже в сосе́дних с Дагестаном районах происходит не ранее рубежа XVI-XVII вв., ибо два исследованных могильника — у с. Асланбек-Шеринова (В. И. Марковиным в 1962 г.) п близ с. Харачой (М. Х. Багаевым в 1968 г.) карактеризуются не мусульманским, а языческим погребальным обридом. Эти могильнеки довольно точно датируются золочеными женскими украшениями (серьгами), а могильник у с. Асланбек-Шеринова — находкой монеты германского императора Рудольфа II (1576—1612 гг.), т. е. концом XVI - самым началом XVII в.

Только в последующие годы прослеживается активное распространение ислама в горной Чечне. Подлинно мусульманский обряд захоропения в районе Итум-кале, равно как и первые подобия мечетей (в селевиях Макажой, Эткали в др.), зафиксирован пока в памятниках, сооруженных не ранее середины XVII — пачала XVIII в. Ими строго научно фиксируется

¹ М. А. Абазатов. О вреде пережитков шариата и платов в Чечено-Ингушетии и путях их преодоления. Грозный, 1963, стр. 8; А. И. Шамилев. Религиозные культы чечениев и ингушей и пути их преодоления. Грозный, 1963, стр. 24.

2 Е. М. Шиллик. Ингуши и чечениы. Сб. «Религиозные верования народов СССР», т. И. М., 1931, стр. 10; Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавиаза и их связи с Россией в XVI—XVII вы. М., 1963, стр. 86; В. И. Марковин. Чеченские средисвековые памятики в верховьях р. Чанты-Аргуна. ЦЧИ. М., 1963; онже. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965; А. А. Исламов. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чапты-Аргуна. ИЧИНИИ, т. ИІ. Грозный, 1963, стр. 139.

4 А. И. Шамилев. Указ. соч., стр. 97.

4 В. И. Марковик. Чеченские средневековые памятики ..., стр. 272; он же. Археологические всследования в Аргунском ущелье в 1958 году. КСИА, вып. 84, 1961, стр. 54, 55; М. Х. Багаеа, В. Б. Вимографов, С. Д. Умаров. Новые намятники археология в Чечено-Ингушетии. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, стр. 88.

Мсспедование памятников средневековыя в высокогорной Чечве. КСИА, вып. 90, 1962, стр. 51, 52.

время заметного проникновения ислама в горные районы Чечни. В нагорной же Ингушетии процесс исламизации протекал еще поэднее, по существу уже в XIX в. Известно, что последним мусульменство приняло ингушское население аула Гвилети уже в 1862 г. Специальным исследованием об исламе в Дагестане доказывается сравнительно позднее распростране-

ние мусульманства даже в этой стране.

Разумеется, автору известен величественный погребальный памятник чисто мусульманского зодчества в равнинном районе Ингушетии. Это — известный каменный мавзолей «Борга-Каш» близ с. Плисво Назрановского р-па Чечено-Ингушской АССР в. Датируется он 808 годом хиджры, т. е. 1405—1406 гг. п. э. в Но этот выразительный объект никак не связан с историей ингушей, которые в то время обитали только в нагорных районах края.

Сам же мавзолей как выдающееся архитектурное сооружение близок к маджарским мавзолеям золотоордынского типа 10, возникшим под

поздействием архитектуры Средней Азин 11.

Во всех спорах по этому вопросу рядом историков, и в первую очередь местными этпографами (что особенно удивительно), совсем не учитывается одпо важное обстоятельство — что религиозные возарения любого общества обычно соответствуют социально-вкономическому строю этого общества. Как известно, ислам, равно как и христианство, в своих развитых формах есть порождение классовых, точнее уже феодальных, социальных отношений.

До XVII-XVIII вв. у пигушей не было, да и не могло быть сложившихся кнассовых феодальных отношений. Кроме того, следует помнить и всегда учитывать, что мопотеистические, обычно фанатичные религии, какими являются христианство и ислам, как правило, распространяются педущими классами насильственно. Но у ингущей в то время окончательно еще по сложились общественные классы, которые стали бы активными поборпиками повой религии. Да и формировались они менее активно, чем в Чечне. И если можно говорить о нобедном шествии мусульманства в чеченских обществах, то только начиная с XVIII, а главным образом в XIX в., когда русско-кавказские войны способствовали превращению ислама в ведущий идеологический фактор, воодушевлявший горцев на борьбу с гяурами («неверными») за свою национальную независимость. Но в это время чеченское общество все более и более становилось классовым обществом, в котором ислам закономерно приобретал форму идеологии феопального общества. Этими обстоятельствами и объясняется тот факт, что и Чечне ислам укоренился раньше и гораздо прочнее, чем в Ингушетии.

^{* «}Русский вестник», 1865, т. 60, стр. 419.

* А. Шихсаидов. О проининовении христванства а[пелама в Дагестан. УЗДФАН, т. III. Махачкала, 1957. стр. 76.

* Л. И. Семенов. Мавволей «Борга-Каш». ИИНИИК, т. І. Владикавказ, 1928, стр. 229; ок же. Брагунский мавзолей. ИСОНИИ, т. XVII. Орджоникидзе. 1956, стр. 202; М. М. Базоркик. Борганы в Присунженской долине. ИЧИРМК, вып. 10. Грозный, 1961, стр. 140.

* Л. И. Лавров. Надписи мавзолея «Борга-каш». ИЧИНИИ, т. V, вып. 1. Грозный, 1964, стр. 163.

10 Л. И. Лавров. Эмиграфические памятиния Северного Кавказа X—XIII вв., ч. І. М., 1966, стр. 48, 200.

11 Таково мнение Э. В. Рувеледве (письмо к автору от 3. X 1969 г.).

Во всяком случае, по признанию А. Н. Генко, «уже с конца XVIII в. Ингушетия представляла собою необычную картину полнейщего религиозного хаоса, где воззрения различных эпох и разнообразных религнозных

систем причудливо сочетались друг с другом» 12.

Но в данном случае пас интересуют религнозные воззрения ингущей до XVIII в., т. е. домусульманского периода. А эта проблема оказывается гораздо сложнее, ибо даже при беглом обзоре литературы, посвященной этому вопросу, и источников мы столкнемся с фактами наличия в прошлой ингушской среде и следов христианства, а еще больше - глубоких пережитков первобытноязыческой религии, прямо соответствующей первобытнообщинному строю общества.

В этом отношении глубоко был прав один из лучших знатоков этнографии народов Северного Кавказа Е. М. Шиллииг, почти 40 дет назад признававший, что ингущи да и чеченцы являются «на Кавказе одинми из лучших, по сохранности традиции и рережитков, посителями идеологии родового строя, в сферу которой нас хорошо ведут почти все... верования и обряды», бытовавшие среди вайнахов 13. В первую очередь это утверж-

дение, конечно, относится к шигушам.

Приступая к освещению поставленной задачи, я не обещаю дать новое исследование по указанной теме. Это — специальный вопрос, действительно требующий большого и углубленного апализа и новых материалов. Скажу только, что в основу этой главы о духовной культуре ингушей до XVIII в. положены литературные данные и собственные цолевые на-

блюдения.

Пытаясь дать обобщенную характеристику духовной культуры и, в частности, религиозных представлений у средневсковых ингушских племен, мы должны учитывать, что и в это сравнительно поздвее время, несмотря на заметные успехи в развитии производительных сил (террасное земледелие и отгонное скотоводство), в идеологии этих горцев явио преобладали весьма арханчные элементы древней первобытлоязыческой религии. Ими было пронизано все мировоззрение ингуша-горца. И в этот период местные племена все еще оставались бессплыцыми в борьбе с мощными силами природы и другими явлениями (болезии, эпидемии и др.).

С их воздействия на психику и идеологию средневековых ингушей мы

и начнем свой рассказ.

Опыт изучения всеобщей истории, и особенно ранних этанов истории первобытного общества, давно привел ученых к выводу, что сама потребность человека в объяснении таких природных явлений, как смена для и ночи, рождение и смерть, и других обусловила зарождение первобытной религии. «Религия, - по словам Ф. Энгемьса, - возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений дюдей о своей собственной и об окружающей их внешней природе» 14. Таким образом, возникнув в очень отдаленные времена, в условиях еще полного бессилия человека в борьбе с природой, религия на протяжении

^{1:} А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 742. 14 Е. М. Шиллин. Указ. соч., стр. 12. 14 Ф. Энгелес. Люденг Фейербах и конец кнассической исмецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгелес. Сочинения, т. 21, стр. 313.

тысячелетый сохранила свойство отражать в представлении людей внеш-

ние силы природы в фантастических образах 16.

Этнография Кавказа, и в первую очередь этнографическое изучение ингушей, позволяет утверждать, что и средневековым ингушским племенам были присуши такие пережиточные явления, как анимизм, тотемизм. первобытная магия, культ природы, культ мертвых, культ предков, очага. солица, плодородия и др. 16

Вся природа, по воззрениям ингушей, была насыщепа духами, которыс были паделены такими же свойствами, что и человек. Такое одухотворешие природы и есть проявление одной черты очень древнего миропонимания — анимизма, когда люди путем разного рода магических приемов и простых жертвоприношений пытаются воздействовать на силы природы с целью вызвать их расположение и покровительство. Позднее, очевидно не без воздействия монотеистического христианства, эта первобытная религия обросла многобожием, когда духи превратились в отдельных богов-патронов с верховным божеством во главе.

У пигушей, как и у других горцев Кавказа, имелись священные камни, родинки, рощи и деревья, папример груша 17. Но были и божества. Как и у всех народов мира, наибольшим почетом пользовался у ингушей бог неба, молнии и грома. Это уже антропоморфиое божество — громовержец Сели. Он — главный и наиболее почитаемый ингушами, как самый страш-

ный, но и самый справедливый бог в вайнахском пантеоне.

По верованиям пигушей, существовал и бог подземного царства — Эштр или Дела-Эштр. Почитая и боясь его, пигуши заранее приносили ему жертвы 18. В реках и горных ручьях, по представлениям всех вайнахов, обитает дух или женское божество - Хинана (мать воды). Своим «плачем» и почальными цеснями она якобы предупреждает людей о предстоящих бедствиях. Обычай требовал, чтобы периодически женщины и девушки с молитвой бросали ей в реку жертвенную пищу 10. Существовала и особая богиня - мать ветров. Этой богине посвящали понедельники во время покоса и жатвы, чтобы она пе разметала сено и хлеб. По верованиям ингушей, мать солнца Азат — покровительница всего живого на земле должила чествоваться два раза в году — зимой и летом во время равподенствия. Мать лупы зовется Кипч 20. Но культ лувы, очень популярный на Востоке, здесь не был особенно развит. Пользованись почитанием и почти все крупные звезды и созвездия. Так, например, считалось, что «Большую Медведицу» составляют семь сыновей богини выог, а «Млечный Путь» образовался оттого, что богиня радуги Сели-Сата (дочь главного бога Сели) растеряна по нути солому, которую несла для своей брачной постели 21.

Большим уважением у всех вайнахов, в особенности у ингушей, пользовался бог Елта. Это — царь лесов и зверей и одновременно покровитель

ОХОТИНКОВ 22.

¹³ Ф. Визельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энзельс. Сочинения, т. 20, стр. 328.
14 М. О. Косеен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 142.
15 Г. Ф. Чурсин. Почитание гор. снал и камией у кавказских горцев. «Бюллетень Кавказского историко-археологического института», № 4. Тяфлис. 1928, стр. 123.
15 Е. Далгат. Первобытная религия чечениев. ТС, вып. 3, ки. 2. Владикавказ, 1893, стр. 123.
16 Е. М. Шиланге. Указ. соч., стр. 39.
17 Там не, стр. 39, 40.
21 В. Далгат. Указ. соч., стр. 123.
22 Там не, стр. 118.

Каждый охотник, особенно после удачной охоты, считал себя обязанным принести ему жертву в виде рогов убитого зверя. По мнению ингушей, каждый зверь имеет тавро Елты. Интересна молитва, адресованная Елте: «О божий Елт! Гости пришли к тебе. Идя впереди, дай пам самое крупное из рогатых... Жирного тура дай нам, о божий Елт, тучного мяса, плотного салом, нам дай!» Крайне любопытно, что символом бога охоты и зверей было хлебное зерно. Случайно ли это? Нет, оказывается, само имя Елта означает «хлеб», «хлебное зерно». Как писал Б. Далгат ²³, рапьше Елта одновременно выполнял функции не только бога охоты, но и бога земле-

делия и урожаев, но позднее он стал только богом охоты.

Это было связано с выделением особого божества — покровителя вемледелия и общего благополучия. Им стал один из старших богов — популярный Мятцели. Очевидно, эта перархия в пантеоне божеств была связана с ростом удельного веса в ингушской экономике террасного земледелия и необходимостью иметь особого верховного покровителя земледелия. Мятцели пользовался почитанием у ингушей до последнего времени. Ему посвящались специальные церемонии, в которых участвовали как мужчины, так и женщины. Празднование происходило в конце июия — начале июля и после молитвы жреца сопровождалось пиршеством и тапцами. Вместе с тем сохранение за Елтой его основных функций — покровителя зверей и охоты — доказывает все еще значимую роль охоты в средневековом хозяйстве ингуша-горца.

По представлению всех вайнахов, в лесных дебрях обитают особые лесные духи или «алмасы». Это что-то вроде славянских леших. Алмасы бывают и женского пола. Но если алмасы-мужчины, по описанию ингульских стариков, действительно сходны с лешими — все они имеют страшный вид, очень свирены и коварны, тело их покрыто волосами, а из груди торчит острый топор, — то, наоборот, лесные женщины отличаются статностью и необыкновенной красотой. По свидетельству Чаха Ахриева ²⁴, таковы

алмасы в представлении ингушей.

Чеченское же население Шатоевского района тех же алмасов представляло себе совершенно иными. По мнению чеченцев, лесные женщины — это страшные создания высокого роста с настолько большими грудями, что они легко перекидывают их через плечи за спину. Головы их украшают длинные густые рыжие косы. Подняв руки вверх, женщины-алмасы любят

плясать при лунном свете 25.

Верованиями ингушей признавалось, что весь мир населен добрыми и злыми духами, от произвола которых зависят судьбы людей. Отсюда постоянная забота — во всех случаях жизни добиться благорасположения добрых духов и задабривание жертвами злых, называемых шайтанами. По этим верованиям. каждый человек имеет своего духа-хранителя — «тарам» пли «тэрым». Это — дух добрый, который всюду следует за своим козянном и предостерегает его от несчастья. Но тарам и наказывает своего

 ²⁷ Б. Долгот. Указ. соч., примечание.
 ²⁶ Ч. Ахриев. Ингуши. ССКГ, т. УІІІ. Тифлис, 1875, стр. 14—18.
 ²⁸ Б. Долгот. Указ. соч., стр. 115. В наши дни кое-кто из сторонников проф. Б. Ф. Поршиева (автора гипотезы о существовании там называемого «спенного человека») пытался в этих явно мифических существах-алмасах видеть не менее мифических «спенных людей».

хозянна за его дурные поступки. Оп не имеет постоянного местопребывания в доме, подобно, скажем, русскому домовому, хотя и почитается ингушами как покровитель дома. Мне кажется, предположение Б. Далгата о том, что тарам это «пе что иное, как предок», совершенно необоснованно 2°с. Не случайно поклонение ему давпо оставлено. Предков же чтят и поныне.

Подобно всем народам мира, не достигшим подлинных ступеней цивилизации, и ингуши (по Б. Далгату) верили в существование разных ведьм,

колдуний, оборотней и прочей нечисти.

На первый взгляд может показаться странным отсутствие у исконно скотоводческих вайнахских племен, в особенности у ингушей, специального духа или божества — покровителя животных и скотоводов. Но это не совсем так. У ингушей был такой патрон — покровитель животноводства, причем, как и Мятцели, он являлся общенигушским божеством, некогда наиболсе почитаемым. Имя его — Галь-Ерды. Дважды в году ему посвящали специальные праздники — зимой и летом, во время сенокоса. Галь-Ерды приносили в жертву животных — коз и даже коров. Любонытно, что женщины в этих празднествах пе участвовали.

Весьма показателен текст самой молитвы скотоводов, которую оглашал жрец во время празднования: «О великий боже Деала! Да будет на нас милость твоя! Чтобы наш род сделался великим, чтобы наш скот стал многочисленным!.. О золотой Галь-Ерды! Кто родился, того сделай счастливым, а кто еще не родился, того тоже подай нам благополучно. Кто не является еще нашим родственником, чтобы и тот сделался нашим родственником!.. Не лиши пас родственных связей, пе сделай нас немощными и бедными, избавь от града, молнии, ветра, не погуби напрасно нашего

труда!» 27

Самая сущность этой молитвы доказывает, что Галь-Ерды был когда-то верховным и паиболее почитаемым божеством и нокровителем всех ингушских скотоводческих племен с их тейновой организацией, когда сама численность рода позволяла претендовать на ведущее место в племени. Эти стремления к многочисленности рода и его богатству и отражены в молитве, обращенной к Галь-Ерды пли Гали-Ерды. Что некогда он был наиболее популярным и всемогущим божеством у ингушей, можно судить хотя бы по тому, что еще в 1810 г. в договоре с комендантом Владикавказской крености генерал-майором Дельпоцо представители ингушского народа клялись именем своего бога Галь-Ерды. Вот эта клятва:

«...Мы, нижепоименованные лучшие и почетнейшие люди, с каждой фамплии по 10 человек, по обычаю нашему, по особому присяжному листу, перед всемогущим богом небесным и почитаемым нами за святость кумиром, находящимся в горах, именуемым Галь-Ерд, утверждаемся

клятвою...» и т. д. 28

Этот исторический документ является весьма показательным в двух отношениях: во-первых, им подчеркивается ведущее место Галь-Ерды в ингушском пантеоне богов, во-вторых, доказывается, что даже в начале

²⁶ Б. Далгат. Указ. соч., стр. 77. ²⁷ Б. Л. Алборов. Ингушское «Галь-Ерды» и осетинское «Аларды». ИИНИИК, т. І. Владикавказ, 1928, стр. 349. ²⁸ АКАК, т. IV. Тифлис, 1870, стр. 901.

XIX в. мусульманство в ингушской среде еще не играло роли значитель-

ного пдеологического фактора.

Следующим весьма значимым культом у средневековых ингушей был культ божества Тушоли. Хотя этот культ был характерен для всех ингушских племен, особым почитанием Тушоли пользовалась в двух мощных общественных группах: галгаевская Тушоли в Хамхинском обществе и фянинская — в Мецхальском. Тушоли представлялась существом женского пола и особо почиталась женщинами. По существу Тушоли — это весеннее божество, покровительствующее плодородию 20. Ежегодио праздник в честь Тушоли совершался в одно из воскресений в марте пли апреле (месяц «Тушоли-бут»), когда прилетала птица удод («Тушоли котам», которую пельзя убивать) и когда впервые стада выгонялись на летине кастбиша.

Со слов столетнего Эльмурзы Коутиева, много лет исполнявшего функции жреца в святилище Тушоли у с. Кок, Е. М. Шиллииг записал в 1921 г., что «Тушоли имела образ женщины... про нее говорили: мюдей мать». Ей молнлись: «О, от бога идущая Тушоли... у всего, что дышит на земле, плод, говорят, зависит от тебя: илодов побольше и обильнее дай нам!..» зо Е. М. Шиллингом в том же святилище была найдена медная пластина в виде полумаски, служившая «лицом» идола Тушоли (рис. 50). Этой ценной находкой подтверждаются сведения, собранные художинком Х. Б. Ахриевым в беседах со стариком о том, что в святилище — «эльгыце» Тушоли некогда стояло деревянное (пли серебряное) изображение богиш. По-видимому, такая антропоморфизация божества в виде идола является более поздней трансформацией Тушоли.

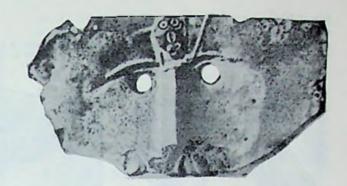
Сам же культ Тушоли, как богини деторождения и всякого приимода вообще, да еще, как выясняется, связанный с фаллическим культом, безусловно возник в очень отдаленное время и дожил в ингушской среде до позднего средневековья. Крайне любопытно, что вблизи святилища Тушоли у с. Кок оказался выразительный фаллический намятник, так называемый «кобыл-кэры». Это — каменный четырехгранный столб, на который надета снимающаяся круглая шапка-головка. Его общая высота — 1,65 м (рис. 7). Судя по круглому углублению в головке, четырехугольный столб является не первоначальным стволом фалла. У его основания насыпана груда камней. Подобные объекты более известны в Закавказье. На Северном Кавказе они очень редки, и в этом особое значение памятника.

Выяснено, что не только святилище или «эльгыц» Тунюли, по и сам фаллический намятник до сравнительно недавнего времени пользовался

особым почитанием у бездетных ингушских женщии.

Не только Е. М. Шиллингу и П. Ф. Яковлеву в 1921 г., по и нам с Л. П. Семеновым в 1930 г. приходилось слышать от стариков, что бездетные ингушские женщины ходили на поклонение в святилище Тушоли у с. Кок и после молебствия жреца паправлялись к фаллическому памят-

^{**} Е. М. Шиллинг. Культ Тушоли у ингушей. ИННИИК, т. IV, вып. 2. Оржконинидзе — Грозный, 1935, стр. 99—111.

Puc. 50 Медиля маска илола (богнин Тушоли). Фото Е. М. Шиллипел. 1921 r.

нику, где обваженными грудями терлись о его головку, скоблили его ствол и наскобленный песок пили с волой пли с молоком в надежде имсть летей ³¹.

В прошлом в святилище Тушоли совершались массовые молебствия, сопровождавшиеся сложными церемопиями, в которых участвовали це только женщины, но и мужчины, в большинстве молодого возраста. Приносились обильные жертвоприношения, из которых определенная часть поступала в пользу жреца. Так, например, по свидетельству Б. Далгата, лично наблюдавшего в 1891 г. празднование Мятцели, от каждой семьи, участвованией в церемонии молебствия, жрец получил «по две печенки, сердце каждого барана, кость ноги, по две лепешки, чуреки (хлеб) и третью часть треугольного хлеба» (культового) 32. Только в некоторых случаях собранные жрецом приношения (до 1/2 общей жертвы) поступали не в доход жроца, а раздавались всем участникам празднеств и молебствий, например после молитвенных перемоний в святилище «Сусол-дола» 33 (рис. 51).

Жрецы, эти минмые посредники между людьми и богом, должны были и гадать, толковать спы, и уметь предвидеть и предсказывать. Только в этих случаях они ценились и уважались рядовыми членами той или пной общины. Обычно они выбирались ингушским обществом пожизнению, а иногда, как это удостоверяет Б. Далгат, их жреческие функции передавались и «по наследству в пределах одной и той же фамилин» 34.

Пля полноты картины о религиозных воззрешиях средневековых пигушей следует сказать, что у них были п другие, более второстепенные божества или натроны, как Тамыж-Ерды, Амгали-Ерды, Маги-Ерды, просто Ерды п др. Большинство из них не имело общенигущского признания, подобно, скажем, Мятцели или Гали-Ерды. Ови были просто покровителями отдельных общин или даже групп селений, как, например, фяцпинский Ерды или Гурмет-циу, являвшийся типичным районным патроном, почитаемым всего четырымя селепиями в верховьях р. Ассы 35. Все

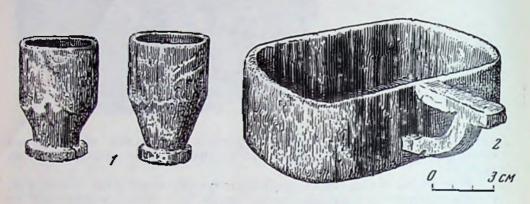
³¹ С риском вызвать возмущение ингушских женщин из ближайших селений мы с тр удом и большими предосторожностями летом 1930 г. увезан этот редкий памятник в Ингушский музей краевеления. В настоящее время намятник паходится в Чечено-Ингушском музее в г. Грозком.

²¹ Б. Даягат. Указ. соч., стр. 110.

²³ Там же, стр. 110.

²⁴ Там же. стр. 111, 131. ²⁵ Е. М. Шиллинг. Ингуин и чеченцы, стр. 27.

Рис. 51 Средневековый культовый инвентарь Слова*— деревянные кубки и ковш из святилища «Гурмот-ццу» в с. Гаппи; справа — медный клепаный котол из святилища у с. Одзик (по Е. М. Шиллингу)

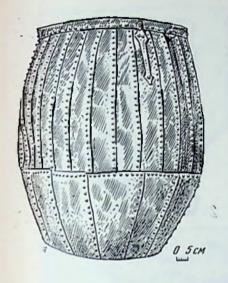
эти покровители как общенигущские, так региональные или районные и даже фамильные (тейповые), назывались ингушами «ерды» или «ццу», что значит «святой». Объяснить правомерность применения того или иного термина затруднительно. Только термином «дяла» именовалось высшее божество ²⁶.

Существовавшие с древних времен культы этих «богов» не застывали в старых формах. На одних из них наслаивались кое-какие элементы из христианства (использование железных крестов и восковых свечей), другие культы сами постепенно отмирали, подчиняясь законам влияния времени и обстановки, как культ Амгали-Ерды ³⁷.

В честь всех этих «святых» и «божеств» строились камениые храмы или святилища, называемые «эльгыц». Обычно они прямоугольны в плане и имеют небольшие размеры, около 5—6 м в длину и 3—4 м в ширипу. Внешие они напоминают домики с двускатной крышей. Как правило, они однокамерны. Так называемый «храм Тушоли», или Кокский эльгыц, снаружи не превышал 4,10 м в длину, 3,40 м в ширину при внутронией высоте 2,50 м. Все эти святилища и служили очагами отправления первобытноязыческих культов, подробное освещение которых читатель может пайти в упоминаемых мною работах (Б. Далгата, Е. М. Шиллинга и др.). Таковы святилища Мятцели на «Столовой горе», «Дзорах-дяла» у с. Гадаборш, «Маги-Ерды» близ селений Салги, Долте, Карт, «Тумгой-Ерды», «Мехде» и др.

Сама множественность средневековых погребальных сооружений в горной Ингушетии (подземные, полуподземные и надземные склепы) с несомненностью доказывает, что и в это время, как и раньше, в вайнахской средебыли развиты представления о «бессмертии души», о «стране мертвых», о «земле предков»; люди безусловно верили в бессмертие своих сочленов

¹⁶ Б. Делгат. Указ. соч., стр. 90. ²⁷ Там экс, стр. 102.

рода. Этем и объясняется проявляемая забота о своих покойниках. Их хоронили в своих родовых или фамильных каменных склепах со всеми вещами, окружавшими их при жизни, и по давно выработанному ритуалу. Все эти склепы были действительно коллективными многосемейными и даже родовыми усыпальницами. Полуподземные склепы вмещали более десятка покойников, а многоярусные надземные склепы - чуть ли не до двух сотен человек зв. Эти факты лучше всего опровергают мнение о том, что отпельные склопы, равно как и связанные с ними боевые башии и даже замковые сооружения, принадлежали выделившимся уже из общинной среды отдельным феодальным семьям. Наоборот, они убедительно доказывают сильные еще пережитки коллективного, родового устройства ингушского общества и его отра-

жение в идеологии того времеци. Об этом же свидетельствуют и пругие факты.

Так, сами похороны умершего сопровождались расточительными помипками, в которых участвовали все многочисленные члены фамилии (тейпы) умершего. Вторые, так называемые «постельные», поминки (чтобы па том свете умерший мог встать с постели) опять устраивались всеми родственниками и заканчивались состязаниями в скачках, стрельбе и джигитовке. Спустя два года устраивались «большие», еще более разорительные для всей тейпы поминки. Наконец, через три года вдова (нос помощью родственников) устраивала последние поминки в связи с окончанием траура. после чего она выходила замуж обычно за брата или родственника ymepmero **.

На принадлежность склепов-«кашей» отпельным большим семьям и даже фамилиям указывает и сам погребальный инвентарь, в состав которого иногда входят и большие медные котлы и даже очажные цепи. Сами «каши», содержавиме останки предков, по сравимтельно недавнего времени настолько пользовались почитанием родственников, что такая забота нередко препятствовала их обследованию еще в 30-х годах. У «кашей», в которых покоятся предки, приносились клятвы и присяга при решении важных вопросов, связанных с интересами и честью всей фамилии (тейны). Некогда страх перед покойниками в «кашах» был столь велик, что обычно прися-

гавший сознавался в обмане, воровстве, убийстве и т. д.

По уверению Б. Далгата, присяга на Коране, сменившая древнюю присягу, не имеет и десятой доли того значения, какое принадлежало последней 40.

 ³⁸ При обследовании пятияруспого надземного склена у с. Оздие летом 1969 г. асширантом
 М. Б. Мужухоовым было установлено, что склен вмещал 190 покойников.
 ³⁵ Е. М. Шиалинг. Интуши и чеченцы, стр. 18.
 ⁴⁰ Б. Далгат. Уназ. соч., стр. 93.

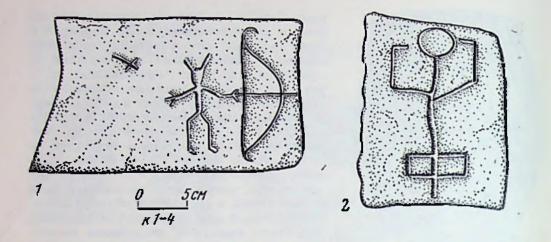

Рис. 52

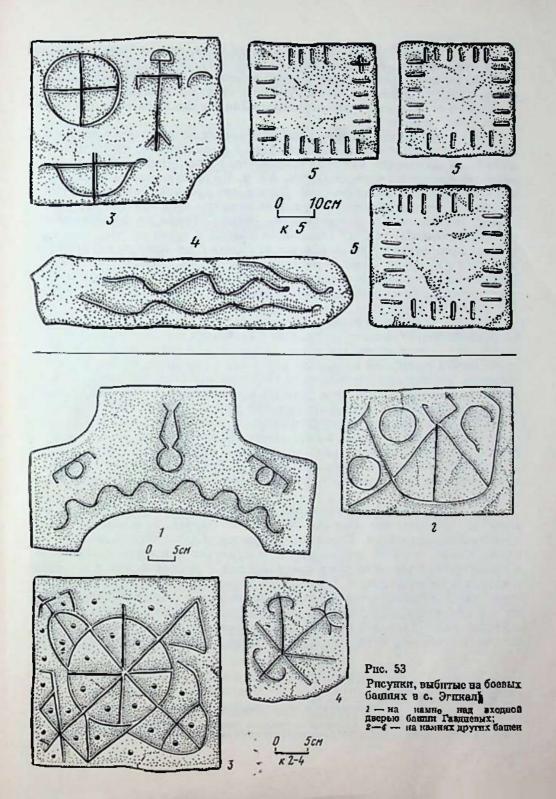
Рисупки, выбитые на архитектурных памятинках Ингунетин

1—3— паображения человека на намиях жилых башен в с. Этикал; 4— наображения змей на боевой башие, там же; 5— энаки игры, выбитые на камиях в поминальной намере у с. Эрэн

Иногда в верхней части склепов в виде продолговатых домиков с двускатной крышей устранвались поминальные камеры. Они имели продольные сидения, устланные каменными плитами. Нередко плиты были покрыты разными выбитыми фигурами или знаками. Эти знаки выбивались для теперь уже позабытой игры или гадания. Такую систему знаков мы с Л. П. Семеновым отметили на плитах поминальной камеры склепа у с. Эрзи в 1930 г. (рис. 52, 5). Назначение многих знаков так и осталось неразгаданным (рис. 53, 54).

Для увековечивания памяти своих умерших сородичей в практике ингушей было сооружать на дорогах, у родников и в урочищах особые памятники. Их называли «чурты» и «спелинги». Чурт — это высокий каменный четырехгранный столб с нишей якобы для помещения души умершего. Спелинг — каменный миниатюрный домик с двускатной крышей. Его фасадная сторона спабжена пишами для свечей. Спелинги являлись фамильными святынями, у которых ежегодно справлялись праздпики всей фамилией.

Не меньше был развит у ингушей и культ домашнего очага. По представлению всех вайнахов, домашний очаг — место священное, он неприкосновенен. Не только сам очаг, но и очажная цень, огонь, котел, даже зола и сажа на потолке считались священными. Чем больше котлов насчитывалось в тейпе, тем она считалась сильнее и почетнее. Сам очаг служил как бы центром домашнего или семейного культа. Как и у многих первобытных народов, глава дома ежедневно перед трапезой лучшие куски пиши бросал в огонь и молился о ниспослании благополучия его семье.

В день, посвященный верховному божеству Сели, нельзя было давать из очага огня соседям и выбрасывать из него золу. У ингушей сохранился обычай, согласно которому мать перед поминками обводила детей вокруг очага, давала им целовать железную лопаточку, которой сгребается жар. чертила на золе крест и приговаривала: «Дай бог вам быть пелыми и крепкими, как железо» 41.

При выходе замуж девушку трижды обводили вокруг очага с покрытым лицом, а подруги в это время пели песни с пожеланиями, чтобы молопая жена была «плодовита, как зола священного очага», чтобы она была «прилипчива» к мужу и семье, как сажа, и т. п. Но особую роль огопь и очажная цень играли во время распрей. Лостаточно кровнику тайком пробраться в дом убитого и схватиться рукою за очажную цепь нап очагом — и он спасен, ибо становится родственником убитого. Таким же родственником (молочным братом) убитого становится убийца и в том случае, если ему удастся пробраться к матери убитого и, сорвав с нев одежду, губами приложиться к ее групп. Этим он избавлялся от смерти. Большо того, всякий убийца в минуту преследования кровниками вбежавший в любой дом и прикоснувшийся к очажной цепи, становился под защиту хозянна дома 43. Все это явные пережитки родового строя.

Есть и другие очень архаичные элементы в духовной культуре средневековых вигумей, свидетельствующие о стойкости первобытных представлевий. Это — сохранившаяся вера в обязательную связь человека с субъектом живой и неживой природы, чаще всего с животным миром, иначе тотемизм. Из истории первобытного общества известио, что тотемизм возникает и развивается вместе с родовой организацией 43. Конечно, в освещаемом ингушском обществе он бытовал уже в качестве глубоких пережитков в виде поверий, по он существовал, доказательством чего служат следующие факты, которые в свое время опубликовал Л. П. Семенов со слов постоянного спутика в его экспедициях, превосходного знатока быта и культуры ингушей — художника Хаджи Бекира Ахриева 44. Нередко и нам приходилось слышать о них во время экспедиции в Чечено-Ингуmernio.

Так, одним из наиболее почитаемых животных у ингушей был олень. Бытовало поверье, что если кто убъет много оленей, то семью его будут преследовать несчастья. Вероятно, в древности существовал даже культ оленя, следы которого можно видеть в практике вставлять оленьи рога в стены многих средневековых святилищ как у вайпахов, так и у осетин и других горцев Кавказа 45. Оленьи рога украшали крыши и даже изгороди святилищ. На одном из эгикальских склепов была изображена сцена охоты на оленей (рис. 55, верх.) Оленьи рога служат одним из основных мотивов в ингушской и вообше в горской орнаментике на дереве, коврах и в вышивке. Глубокими истоками культа оленя, очевидно, являлся обычай

⁴¹ Е. М. Шиллинг. Ингушп и чечений, стр. 13.
42 Б. Далгот. Уназ. соч., стр. 86, 88.
43 М. О. Косен. Уназ. соч., стр. 143.
44 Л. П. Семенов. Архсологические и этнографические разыскания в Ингушетия в 1925—
1932 годах. Грозаний, 1963, стр. 119 и сл.
45 Пре обследовании нами осетинских «дзуаров» в Дигорки — святилящ «Бахайте», «Олисайдом» или «Моргилагат» и других в 1940 г. мы отметили сотни имеющихся там оленьих рогов в черенов.

Рисунки на архитектурных намятинка Ингушетии 1—5 — наиссены красной краской на жилых и боевых башилх в с. Этикая; 6 — двойная спраль, выбитал на боевой башие, там же; 7 — изображение веасцика, сделанное краской на степе святилища «Гали-Ерды» блив с. Этенты

местного населения еще кобанской эпохи (I тысячелетие до н. э.) отливать броизовые фигурки оленей и использовать их во время культовых действий. Такую броизовую фигурку оленя кобанской культуры нашел Л. П. Семенов в развалинах святилища в с. Джерах в 1926 г. 46 Известно, что культ оленя нашел свое отражение и в фольклоре многих кавказских горцев, в том числе пигушей и чеченцев,

Как ип странно на первый взгляд, но у ингушей не меньшим почитанием пользовался также и волк. Встреча с волком, по поверьям ингушей, предвещала счастливый путь. По их представлениям, астрагал или альчик волка обладал магическим свойством: если его процести между влюбленными или друзьями, то те, по поверью, должны были потерять дружбу и любовь. У ингушей высоко чтились храбрость и бесстрашие волка. Похвала — «он храбр, как волк» являлась высшей оценкой мужской доблести.

Наоборот, медведь у ингушей не пользовался почетом. По их поверьям, он олицетворял все самое страшное и уродливое. Вместе с тем признавалось, что амулеты, сделанные из когтей медведя, приносят счастье. Рассказывали, что одна девушка в древности попыталась пересчитать звезды до тысячи и обратилась в медведицу. Созвездие «Большой Медведицы» якобы и является той девушкой.

Дпкий кабан, по представлениям вайпахов, коть и очень храброе, но глупое животное. Почитался тур, рогами которого часто украшались священные места. Известны только некоторые отголоски древнего почитания быка и барапа. Рога их также вделывались в стены святилищ. Быков (телят) и баранов приносили в жертву во время земледельческих праздников. По вайнахским поверьям, земля держится на рогах огромного быка, и когда он крутит головой — происходят землетрясения 47.

44 Л. П. Семенов. Археологические п отнографические разыскания ..., стр. 13—14.

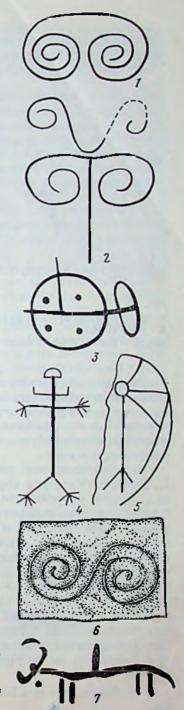

Рис. 55
Рисунки красной краской на стоикх надземных скленов Чечево-Ингушетии XV—XVII вв.
Вверху — близ с. Эгикал; внизу — у с. Лейдаг

Из домашних животных неизменной любовью и большим почетом пользовалась лошадь. Конские черена до последнего времени устанавливались на изгородях, на насеках для защиты «от дурного глаза». Как и у других народов Кавказа, лошадь играла определенную роль в древнем погребальном обряде ингушей, у которых также бытовал обычай «посвящения коня» умершему хозяину.

Вот как описывает этот старый домусульманский похоронный обряд В. Далгат: «Умерших хоропили прежде не рапьше 3—4 дней после смерти... будучи уверены, что дух умершего три дня остается у тела на земле и уже после того отходит вместе с погребенным телом или в могилу (более раннее верование), пли в подземный мир... Покойника одевали в чистое и новое платье и в полном вооружении, с шанкой на голове и буркой на плечах опускали в могилу. Возле него в яму ставили штоф араки и три чурека (хлеба), чтобы покойник дорогою на тот свет ни в чем не пуждался и мог сделать кому следует подарки. Потом подводили к могиле коия в полном убранстве и конец узды давали в руки покойнику... Коня три раза обводили вокруг могилы, причем один из стариков читал молитву, посвящая коня покойнику; затем коню отрезали правое ухо и бросали в могилу. Лет 80 тому назад, говорит Шегрен в 1846 году, то же самое делали и с женою умершего, но во времена путешествия Шегрена ухо заменено было косою 43.

⁴º Б. Далгат. Уназ. соч., стр. 66-67.

Несомненно, этот погребальный обряд, сохранившийся у ингушей, осетин, черкесов, хевсуров, абхасцев, мингрельцев и других горцев уже в трансформированном виде, отрожает более древний обычай — вместе с умершим хозянном хоронить и каза. Он, например, зафиксирован араб-

ским купцом Иби-Фадланом у русов еще в X в.

Следы почитания копя отражены и в памятниках материальной культуры ингушей. Так, изображения коня и человека выбиты на стенах храмов «Тхаба-Ерды» и «Гали-Ерды» и исполнены красной краской на склепах селений Лейлаг и Эгикал (рис. 55, кижи.). На плоском камие возле склепа у с. Салги, в котором якобы похоронен легендарный герой Соска-Солса, сохранился «след» от коныта коня героя. Ингушский фольклор также содержит свидетельства почитания лошади как надежного друга человека.

В одной па легенд говорится, что, преследуя недругов на своем крылатом коне, Сосна-Солса пересканивал с горы на гору, перепрыгивал через башни и своим богатырским мечом разрубал скалы. От удара копыт этого коня у с. Накист якобы образовался родинк и т. д. 40

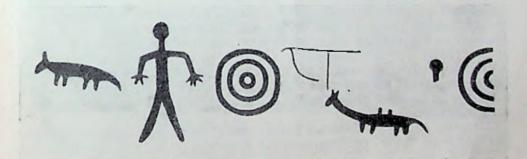
Собака хотя и является полезпым животным и верным другом человека, по слабее отражена в ингушском быту и фольклоре. Нередко собака упоминается и даже используется при принятии присяги или клятвенных

заверениях на могиле умерших.

Значительное место в ингушском фольклоре отведено голубю. Убивать голубя — грех, ибо голубь — птица священная. Деревянные фигурки голубей иногда входили в состав скленового могильного инвентаря. Изображения голубя применялись жрецами при совершении молебствий у святилища Мятцели и др. Некогда одна из итиц, именно голубь, якобы сжалилась над связанным и умиравшим от жажды богатырем Соска-Солса и принесла ему воды, чем и спасла его от неминуемой смерти.

Символом чистоты являлась ласточка. Ес пельзя убивать, ибо она приносит счастье человеку. Она — гонец верховного божества. У того,

49 Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания..., стр. 123.

кто разорит ласточкино гнездо, рухнет или сгорит дом 50. Выше уже было сказано, что итица удод (по-вигушски — «Тушоли котам») считалась вестником весны и была связана с культом плодородия. Богине Тушоли были посвящены «эльгыцы» — святилища у селений Кок, Лежг, Таргим, Шуан

и др.

Змея, по мнению ингушей, — вредное пресмыкающееся. И за убийство одной змеи «прощается до 40 грехов». Но если змея завелась в доме, то по закону гостеприимства ее убивать нельзя, а можно только выбросить. Змеиная кожа считается целебной, и ею пользуются как наружным лекарством. По поверью ингушей, Змей соблазнил дочь Солнца — Азу, и потому змея не должна пользоваться почитанием. По другим поверьям, иногда в змея в доме приносит счастье. По-видимому, не случайно изображения змей выбивались на степах средневековых башен (рис. 52, 4).

Лягушка считается как бы «владычицей вод». И если эмея впускает в воду яд, то лягушка обладает свойством очищать воду, и потому она пользуется почитавием у ивгушей. Убившей лягушку, обязательно должен лишиться коровы. Нередко лягушка фигурировала в клятвах ингушей.

Разумеется, этими примерами не исчернываются все представления средневековых ингушских илемен об окружавшей их живой и неживой природе. Широкие сравнительные материалы, в которых можно найти аналогии ингушским воззрениям и поверьям,— общеизвестны, особенно

пз кавказской этнографии 61.

Все это в своем генезисе явно восходит к тотемистическим представлениям далеких предков ингушей. Конечно, не все упомянутые животные и птицы и их изображения могут истолковываться как бывшие тотемы, т. е. мифические родовачальники отдельных ингушских родов. Но, судя по богатому сравнительному материалу и данным кавказской этнографии, значительная часть обычаев связана (в своем генезисе) с давними тотемистическими воззрениями ингушей, ибо иначе трудно объяснить обычай носить, чтить и даже класть с умершими в могилу или приносить в святилища в качестве подношения такую массу символов птиц и животных, которые восстанавливаются по археологическим и этнографическим данным 52.

Сделанный нами беглый обзор прошлых религнозных воззрений ингушских племен с несомнепностью свидетельствует о том, что эти воззрения составляют сущность первобытной идеологии и отражают быт и социально-экономический уклад в своей основе еще доклассового общества. Это положение ни в какой мере не противоречит основному выводу нашей предыдущей главы о существовании у пигушей зачатков феодализма еще до XVIII в. Необходимо твердо помнить, что идеологические представления далеко не всегда соответствуют уровню развития производительных сил и производственных отношений и обычно отстают от ступени общественного развития.

Вторым, не менее значимым религиозным фактором в прошлой идсологии ингушей было христианство. О прошлом бытовании христианства

Л. П. Семенов. Археологические и этпографические разыскания..., стр. 121.
 Г. Ф. Чурсик. Амулсты и таписманы кавиазских гориев. СМОМПК, вып. 46, Махачкала. 1929.
 В. Бербаевандзе. Превнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусствогрузанских племен. Тбилиси, 1957, стр. 243.

в вайнахской среде свидетельствуют не только сохранившиеся руины поллинно христианских храмов грузинского происхождения, таких, как «Тхаба-Ерды», «Алби-Ерды», и других, но и овеществленные пережитки христианства в виде изображений крестов на очагах, очажных цевях. утвари и хлебах; крестовая орнаментика на боевых башнях и склепах. использование восковых свечей при молебствиях, наконец, массовые моления под открытым пебом, номенклатура некоторых культовых явлений и соответствующий словарный материал.

Мне лично всегда казалось, что предки современных ингушей никогда не были убежденными сторонниками и ревинтелями христианской религии. Да это и естественно хотя бы потому, что в ингушской среде во времена средневековья и даже позднее окончательно еще не выделился общественный класс, который бы взял себе на вооружение христианство как идеологическое средство порабощения своих соплеменников. Из тех довольно скудных источинков, в которых содержатся хоть какие-либо данные о времени и условиях появления христианства в Чечено-Ингушетии, да и вообще на Центральном Кавказе, явствует, что оно пришло из Грузии и постепенно распространялось здесь. В литературе вногда проскальзывает мысль о том, что христианство в районах Центрального Кавказа могло пропагандироваться также византийскими и католическими миссионерами (из Венеции и Генуи). Но это только предположения, ибо никаких точных показаний об этом в исторических источниках нет. Другое дело — Северо-Западный Кавказ. Туда, действительно, христнанство впервые пришло на Византии 53.

Появление же и распространение христианства в районах Центрального Кавказа — это результат политических акций Грузинского феодального государства XII в., а затем - Российской вмперии XVIII в. Еще сравнительно недавно в исторической литературе было принято считать. что начало распространения христианства в Чечено-Ингушетии относится и IX в. Основанием для этого служила дата - 830 г., ошибочно установленная Ц. З. Бакрадзе по неверно прочитанной надикси на храме «Тхаба-Ерды». Но уже А. Н. Генко в 1930 г. обратил внимание на эту ощибку 54. а позднее А. Г. Шанидзе уточнил эту дату, определив ее XII в. 55 Тем не менее кое-где до последнего времени бытует мнение о храме «Тхаба-Ерды» как памятнике XI в., причем это сооружение расцепивается не как показатель первоначальной грузинской христианизации горцев, а как памятник почти завершающего ее этапа. Начало же активного идеологического влияния феодальной Грузии и первое появление христианства у горцев Северного Кавказа определялись X-XI вв. 56

Подобное мнение мне не кажется обоснованным. Ведь что из себя представляла Грузия в Х-ХІ вв.? Этот период был временем оформления развитого феодализма, но одновременно этот процесс характеризовался и обострением борьбы княжеств, обострением межфеодального

В. А. Кузнецов. Северный зеленчукский крам. СА, 1964, № 4; он же. Средний зеленчукский крам. СА, 1968, № 3.
 ЗКВ, т. V. Л., 1930, стр. 736.
 Л. Семенов. Археологические и этнографические разыскания..., стр. 59.
 Суму по соответствующей апистации к фотографии крама «Тхаба-Ерды» в экспозиции Государственного музел Грузии в 1967 г.

соперничества за всдущее место в стране. В самом центре страны, в Тбилиси, сидел эмир, который только в начале XI в. откололся от арабского халифата, но само эмирство представляло собой инородное явление в нолитической жизни Грузии. В начале XI в. велась упорная, но пеудачная война с Византией. Наконец, в 60-х годах того же XI столетия Грузия подверглась опустошительному вторжению турок-сельджуков ⁵⁷. До христнанизации ли северокавказских горцев было тогда грузинским феодалам?

Да еще при отсутствии единого централизованного государства!

Полагаю, что это могло быть пе ранее второй четверти XII в., когда созданное Давидом Строителем мощное централизованное государство предприняло эпергичные меры к расширению своих границ и к политическому подчинению Грузней населения новых территорий. Особенно же успешно этот процесс протекал в «золотой век» Грузинского царства — при царице Тамар. Недаром имя «Тамар Дудупали» так популярно было и среди горцев Северного Кавказа. Именно с ее именем связывают строительство христивнских храмов на Северном Кавказе и вайнахи, и осетины. И не без оснований. По ряду данных, только к пачалу XIII в. почти все окружающие Грузию области оказались под политическим и культурным влиянием этой действительно мощной феодальной державы Кавказа. На этот период и приходятся активная деятельность грузинских миссионеров на Северном Кавказе и сооружение таких христианских культовых сооружений, как «Тхаба-Ерды» в Ингушетии, Нузальская часовия в Северной Осетии и др.

Но, судя по историческим данным и материальным источникам, этот период был не столь продолжительным, и после татаро-монгольского нашествия и особенно после опустопительных походов Тимура Грузия во второй половиие XV в. распалась на отдельные царства и княжества валориев. В последующие века культурные взаимоотношения Грузии и Северного Кавказа носили уже эпизодический характер. В этих условиях, естественно, стали возрождаться, в частности в ингушской среде, старые обряды и возэрения первобытноязыческой религии с некоторым налетом христианских элементов, а христианские храмы превращались в языческие

святилища, такие, как, например, «Гали-Ерды» и др.

Конечно, самыми выдающимися христианскими храмами на территории Ингушетии являются «Тхаба-Ерды» (рис. 34, 35), «Алби-Ерды», а по Л. П. Семенову, и «Маги-Ерды» и «Тумгой-Ерды» 69. Значительные размеры их по сравнению со святилищами (более 10 м в длину и более 4 м в ширину, а «Тхаба-Ерды» — 16 × 7 м), наличие трех арок внутри зданий, следы фресок и архитектурные детали заставляют считать их производным от грузинского средневекового зодчества XII—XIII вв. На эту же дату указывают грузинские падписи на плитах и сосудах, церковная утварь (медные сосуды из «Гали-Ерды») и железные кресты (из Эрзели), наконец, коегде сохранившиеся церковные книги грузинского письма 66.

^{57 «}История Грузии», т. І. Тонлиси, 1962, стр. 158-166.

^{**} Тэм же, стр. 180.

** Л. П. Семенов. Архоологические и этнографические разыскания..., стр. 102.

** Там же, стр. 41, 61.

Раньше было уже приведено свидстельство грузинских летописдев, что в царствование Георгия V Блистательного (1318—1346 гг.), грузинский католикос Евфимий посетил храмы в ряде районов Северного Кавказа «у народов Нахче» ⁰¹; тогда же он распорядился разослать по церквам и монастырям списки Евангелия. Очевидно, эта была одна из последних поныток Грузинского государства оживить свое влияние на северокавказских горцев, которая не увенчалась успехом. Несомненно, вопрос о политических и культурных связях феодальной Грузии с народами Северного Кавказа нельзя еще считать достаточно изученным. Он требует пристального внимания к себе кавказоведов, использующих всевозможные, а не

только парративные источники.

Одними из убедительных исторических источников, освещающих эту тему, могут служить уже не раз упомянутые грузинские храмы на территории Ингушетии. Копечно, первым из нях являются рунны величественного храма «Тхаба-Ерды» в верховьях р. Ассы. В моей статье, посвященной этому храму XII в., основанной на визуальном его осмотре, отмечалось несоответствие этой однонефной базилики крестообразной в плане модели с барабаном и копическим куполом, вделанной на западном фасаде здания, а также явиме следы перестройки храма 62, что наблюдалось и в других храмах. Все они требуют тщательного изучелия, с вскрытием почвы внутри и вне их. В отношении же храма «Тхаба-Ерды» можно только сказать, что имеющийся в нашем распоряжении опыт сиятия его плана в разные периоды и разными лицами (рпс. 56, 57) доказывает последовательность разрушения этого ушикального на Северном Кавказе памятника 63. Хочется падеяться, что ньие организованные Чечено-Ингушским республиканским музсем краеведения раскопочные и реставрационные работы этого храма с номощью грузниских архитекторов позволят точнее восстановить дату его сооружения, его первопачальный облик и этапы его трансформации в более поздние века. Рестапрационная работа, осуществленная и на других подобных памятниках христианского культа, даст в распоряжение исследователей новые дапные для конкретного научно-исторического очерка о бытовании христианства у средневековых ингушей.

Пока же можно только утверждать, что оно было и сошло на нет под воздействием возродившейся первобытноязыческой религии, а затем и победного шествия ислама. До XVIII в. ингуши в основном были последователями первобытноязыческой религии. Об этом же свидетельствует и ингушский (вайнахский) календарь, отражающий сущность родового быта земледельцев и скотоводов. Отсюда — забота о численности тейпы (рода) и кровная месть, эта самая отвратительная форма «юридических» норм первобытного общества, особенно обострившаяся на конечном этапе развития

родовой организации.

Ипгушам было знакомо зимнее и летнее солнцестояния. Признается, что год делится на четыре времени, состоит из 12 месяцев и сами имена месяцев даются по названиям празднеств или приуроченных к определен-

СМОМПК, т. ХХИ. Тифлис, 1897, стр. 50.
 Е. И. Крупнос. Грузинский храм «Тхаба-Ерды» на Ссверном Кавказе. КСИИМК, вып. XV.
 М., 1947, стр. 119.
 В. И. Марковин. В стране вайнахов. М., 1969, стр. 47—51.

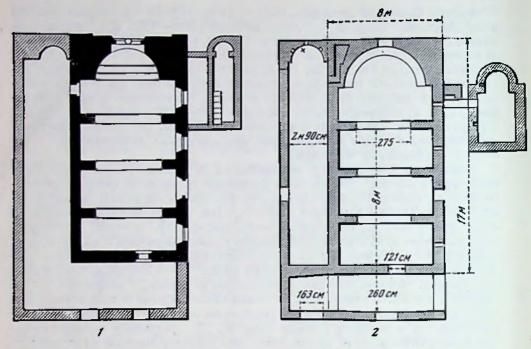

Рис. 56 Планы храма «Тхаба-Ерды» XII в. 1 — М. Энгельгардта, 1811 г.; 2 — В. Ф. Миллера, 1886 г.

ному времени года сельскохозяйственных работ, но все они в той или иной степени приближаются к новолунию. Месяц по-ингушски «бут» (от названия луны). Ингушский календарь выглядит так:

Явварь	«Наджигаиц- хой»	самый холодиый месяц
Февраль	«Мархи-бут»	месяц поста (влияние христианства)
Март	«Бекрикь-бут»	кукушкии месяц
Апрель	«Тушолп-бут»	назван по празднеству в честь богини Тушоли, в это вре- мя прилетает удод
Maii	«Сели-бут»	месяц бога грома и молнии
июнь	«Мангл-бут»	месяц покосов
Июль	«Мятцели-бут»	назван по празднеству в честь бога Мятцели
Август	«Мяцкали-бут»	назван по празднеству в честь божества
Сентябрь	«Тау-бут»	месяц отавы или второй травы после покоса
Октябрь	«Ардарп-бут»	месяц молотьбы
Ноябрь	«Орхи-бут»	в этот месяц баранов пускают к овцам
Декабрь	«Огой-бут»	в декабре откармливают скот и начинают его резать 64.

[€] В. Далгат. Указ. соч., стр. 85.

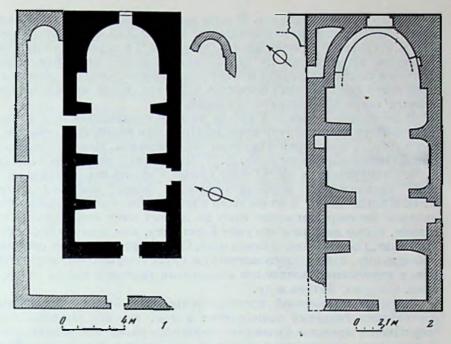

Рис. 57 Плены храма «Тхаба-Ерды» XII в. 1— Е. И. Крупнова, 1939 г.; 2— В. И. Марновяна, 1966 г.

Заканчивая раздел о религиозных верованиях ингушей до XVIII в., необходимо подчеркнуть ведущее направление их мировоззрения, отражающего быт и представления скотоводческо-земледельческих племен, проходивших последнюю стадию распада родового строя с определенными зачатками феодализма, но с явным преобладанием элементов первобытно-языческой идеологии.

Главу о духовной культуре ингушей нельзи считать завершенной, если не сказать о народном эпосе и фольклоре, о так называемом героическом или нартском эпосе, являющемся высшим проявлением духовной культуры народов Северного Кавказа и Абхазии, в том числе чеченцев и ингушей. Еще три десятилетия тому назад нартские сказания изучались только в осетинской и отчасти в адыгской этнической среде ⁵⁵. У других народов, в том числе и у вайнахских, они не признавались. Теперь положение изменилось. Кроме давнего признания трех центров формирования нартского эпоса (осетинского, адыгского и абхазского) ⁶⁶ теперь признается существование

^{**} В. Н. Абасс. Нартовский опос. ИСОНИИ, т. Х., вып. 1. Дзауджикау, 1945; ок жс. Осетинский наык и фольклор. М.—Л., 1949.
** «Нарты, Кабаринский эпос». М., 1950; Ш. Д. Пнал-Ипа. Об абхазених сказаниях. «Труды АБІНИИ», т. ХХІІІ. Сухуми, 1949, стр. 87.

нартского эпоса у вайнахов. И хотя первые героические сказания вайнахского народа были опубликованы еще в конце XIX в. ингушским этнографом Ч. Ахриевым 67, чеченцем У. Лаудасвым 68 и другими, до сравнительно недавнего времени они не привлекали должного винмания нартоведов. Только в советский период многие кавказоведы занялись сбором и изучением всего фольклорного богатства вайнахов, в том числе и их так назы-

ваемых «нарт-орстхойских» сказаний.

В настоящее время эта работа ведется организованно и плодотворно Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом истории, языка, литературы и экономики и другими учреждениями. Немалая заслуга в эт 🕠 принадлежит покойному проф. И. И. Мальсагову, писателю Х. И. Ошаеву. С. Ч. Эльмурааеву и др.60 Особо нужно отметить специальное исследовапосвященное нарт-орстхойскому эпосу ингущей и чечениев А. О. Мальсагова ⁷⁰. В итоге этого изучения было установлено, что в вайнахском богатырском эпосе одно из первых мест принадлежит местным героям, таким добрым и могучим богатырям, как пастухи Колойкант. Охкыр-Кант, Соска-Солса, Ачамаз и др. Сами парт-орсткойцы иредставляют. по-видимому, одну единую эпическую группу геросв, подобную той, которую в знаменитых осетинском и адыгском партских эпосах образуют Сослан, Сосруко, Батраз и др.

Значение проводимой исследовательской работы но изучению парторстхойских сказаний заключается в том, что ею документально подтверждается прощлое бытование нартского эпоса и в вайнахской среде. Больше того, специалисты-нартоведы признают в нем даже особый, свое-

образный вариант общекавкавского нартского эпоса.

Рассматривая нартский эпос как высшее проявление интеллекта древних племен Северного Кавказа, в котором нашли отражение производительные силы, общественная жизнь, бытовой уклад и идеология доклассового общества, я попытался сопоставить ряд элементов эпоса с данными археологии и пришел к выводу, что истоки формирования основного ядра нартского эпоса уходят в глубь веков. По моему глубокому убеждению, корни партского эпоса лежат в более или менее однородной этипческой канказской среде конца броизового — начала железного веков. Именно бурная эпоха I тысячелетия до н. э., изобиловавшая ратными делами и геронческими подвигами горских сынов Северного и Западного Кавказа, носителей древних и оригинальных культур, таких, как кобанская и прикубанская, и ознаменовалась высшим достижением духовной культуры созданием эпической песни и оформлением самых существенных основ внаменитого нартского эпоса кавказских народов, сохранившегося до наших пней 71.

Ч. Акриев. Несколько слов о героях в пигушених сказаниях. ССКГ, вып. IV. Тифлис. 1870.

стр. 5.

9. У. Лаудаев. Указ. соч.

9. С. Ч. Эльмураев. Новые данные о чечено-пигушских нарт-орстхоевских сказаниях. ТЧИННИ, т. IX. Гроэный, 1964, стр. 129.

19. А. О. Мальсаев. О нарт-орстхойском эпосе ингушей и чеченцев. «Сказания о нартах — эпос народов Кавказа». М., 1969, стр. 255.

15. Н. Крупнов. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа. «Сказания о нартах — эпос народов Кавказа». М., 1969, стр. 15.

Более подробное освещение вайнахского, в частности ингушского, эпоса — его анализ, тппологизация и т. д. не может входить в мою задачу историка. Это дело специалистов — фольклористов, нартоведов. Для наших целей достаточно признания, что оригинальное эпическое творчествов виде нартских сказаний проявилось не у одной какой-либо народности Кавказа. Их создателями были почти все без исключения народы Северного и Западного Кавказа — от Абхазии до Дагестана, в том числе и ингушские племена. Ныне становящийся все более и более известным нарторстхойский эпос вайнахов справедливо уже признается одной из национальных версий общекавказской нартнады. И дальнейшее сравнительное изучение этого своеобразного памятника устной народной поэзии поможет полнее осветить как древнюю культурную общность народов Кавказа, так и самобытные особенности художественного творчества создавшего егонарода — ингушей.

В монографии мы проследили, насколько это было возможно, более чем полутысячелетнюю историю той меньшей части этического массива, который ныне называется вайнахским, а именно — историю питушей. Исследуемый период охватывает отрезок времени примерно с XII до XVIII в.

Ингуши не имели своей письменности, их история довольно слабо была отражена и в письменных документах соседей, в первую очередь грузип. Сравнительно слабо их территория была изучена и археологически. Поэтому для научного исторического освещения истории, быта и культуры ингушей были использованы дапные и выводы и других наук, таких, как этнография, языкознание, антропология, фольклористика и др.

Составляя вместе с чеченцами и бацби, по языковым данным, «пахскую», а согласно другим исследователям, «нахо-дагестанскую» или восточную ветвь особой кавказской языковой семьи, резко отличной от всех языков мира, ныгуши сохранили все ливгвистические особенности, присущие этому древнему этническому массиву. По археологическим, этнографическим, антропологическим данным, ингуши также могут рассматриваться как представители древнейшего корепного населения Кавказа, ощутимые сведения о котором уходят в глубь веков вплоть до новокаменного века.

Было прослежено, что самые древние письменные источники начиная с римского времени помещают далеких предков современных ингушей под именем «гаргареев», а позднее «кустов» примерно в тех же районах северного склона Главного Кавказского хребта, где они частично проживают и поныне, занимая довольно узкую полосу горной зоны к востоку от верховьев Терека. Эта зона не являлась благодатной землей, и можно думать, что ингушские племена никогда не считали ее «обетованной землей».

Отроги скалистых и так называемых пестрых гор почти лишены растительности. Только живописные ущелья «Черных гор», покрытых густыми лесами, удобны для поселений. Но суровые климатические условия здешних мест и гористый рельеф местности всегда служили препятствием для оживленных и систематических снощений горцев с окружающим миром. Плодородные равнинные земли всегда были заняты меняющими места обитания кочевыми и полукочевыми племенами и народами средневекового мира: аланами, хазарами, половцами-кипчаками, татаро-монголами, ногайцами и, наконец, кабардинскими князьями. До XVI—XVII вв. ингуши были буквально заперты в своих горных ущельях. Только с XVIII в. они смогли процикнуть в район Малгобека и до среднего течения Терека. Отсюда и проистекали некоторая изолированность исторического развития ингушских племен от впешнего мира, патриархальщина и застойность их общественного устройства.

Стремясь объективно оценить всю сложность исторического процесса, протекавшего у ингушей в позднесредневековый период, пельзя не прийти к выводу, что всю многовековую и тяжелую историю ингушей следует рассматривать как на редкость упорную беспрерывную борьбу этого малецького народа за свое существование, за возможность выхода из гор на плодородные равнияные земли. Стремление к выходу на «плоскость» проходит краспой нитью через все перипетии многотрудной жизни ингу-

писи в горах...

Как и другие горцы Северного Кавказа, ингушские племена создали разнообразные памятники материальной культуры, сходные со средневековыми памятниками большинства районов Центрального Кавказа XV—XVII вв. (башенная и скленовая архитектура, довольно однородный могильный инвентарь и другие намятники, черты сходства которых обусловлены одинаковостью условий обитания и особенностями исторической эпохи). Вместе с тем нельзя не отметить в этих объектах отличительные черты, присущие только Чечено-Ингушетки. Это — оригинальные типы башенного, скленового и культового строительства, яркая специфичность особых височных украшений (восьмилопастные подвески), женских головных уборов («кур-харсы») и других элементов культуры, созданных только вайнахскими, и в первую очередь ингушскими, средневековыми племенами. Наряду с признанием определенного общевайнахского культурного единства в создании материальной культуры XV—XVII вв. нельзя не видеть и особого вклада ингушских племен.

Живя в горах в условиях невероятно острого малоземелья, ингуши с давних пор занимались скотоводством и террасным земледелием. Всю средневеновую культуру ингушей пронизывают черты и особенности быта народа-скотовода. Их ремесло не выходило за рамки обычного домашнего производства. Даже довольно распространенное у ингушей гончарное дело являлось сезонным кустарным промыслом мастеров, окончательно не порвавших еще с сельским хозяйством. Довольно узкой специализации достигли только мастера — строители боевых башен и ювелирного дела. Но и эти «квалифицированные ремесленники» не были окончательно ото-

рваны от своей родовой организации - тейны.

Довольно низкий уровень развития производительных сил, отсутствие удобных путей сообщения, длительное окружение Ингушетии более сильными соседями затрудняли налаживание международных связей и широкого обмена. Тем не менее эпизодические связи и контакты с внешним миром, проявляющиеся в разных формах, доказываются наличием в ингушских надземных скленах образцов грузинского сукна и письма, иранских тканей XV—XVI вв., золотоордынских монет и пр. Но, конечно, эти связи не являлись значительным фактором в развитии хозяйства ингушских обществ.

На протяжении длительного периода, с XII по XVII в., можно проследить развитие ингушской родовой организации - тейпы, начиная от стадии родовой земельной общины до периода выделения большой семьи. фамилии или вяра, примерно с XV-XVI вв., когда образовались сельские территориальные общины; этот процесс завершился уже в XVIII-XIX вв. образованием малой семьи. Таким образом, большая семья явилась промежуточной ступенью между родовой и территориальной общинами.

В строгом соответствии с изменением формы семьи прослеживается п эволюция форм землевладения в ингушском обществе. Вначале абсолютно вся земля была родовой собственностью. Позднее, примерно с XV-XVI вв., с развитием террасного земледелия и приложением труда определенных больших семей при обработке пашен и сснокосов, обработанные участки стали переходить в подворно-наследственное владение этих большах семей или фамилий. И наконец, в XVIII-XIX вв. в связи с выделением малой семьи и появлением частной собственности субъектами владения участками пахотной земли и сепокоса стали уже отдельные малые семьи. Так на протяжении столетий в строгом соответствии с развитием ингушской родовой организации трансформировалась и форма землевладения.

Сложным вопросом является определение общественного строя у ингушей до XVIII в. В литературе существует два противоположных вземида на этот вопрос. Один авторы склониы видеть в ингушском обществе образец сугубо патриархального, дофеодального общества чуть ли не до XIX в. Другие, наоборот, находят у ингушей даже развитые формы феодальных отношений. Тщательно проанализпровав все имеющиеся источники, авторпришел к выводу, что к XVIII в. пигушское общество проходило финальную стадию разложения родового строя; эта стадия сопровождалась уже довольно заметным процессом классообразования. В среде пигушских племенных групп к этому времени выделились экономически обособившиеся «лучшие», «благородные», «почетнейщие» и другие фамилии, что указывает на процесс феодализации, на зачатки становления в ингушском обществе класса феодалов. Но этот процесс ве получил своего завершения.

Под влиянием колониальной политики уже капиталистической России исторический процесс направился в другое русло, следствием чегоявились более резкая социальная дифференциация ингушей и деление ингушского общества на два противоположных класса - бедияков и богатеев. К счастью, этот тяжкий и мучительный для народов период капиталистического развития был непродолжительным. После Великой Октябрьской социалистической революции пигуни вместе с чеченцами стали развиваться уже как социалистическая нация в братской семье народов

Советского Союза.

Последняя глава монографии посвящена характеристике очень свособразной, самобытной и интересной духовной культуры ингущей. Оставляя за рамками очерка современную мусульманскую религию, принятую ингушами не ранее конца XVIII в., автор попытался раскрыть сущность в основном первобытноженческой религин, исповедуемой ингушами вилоть до XVIII в. И хотя давно признано распространение в Ингушетии с XII по XV в. христианской религии из Грузии, архаическими элементами перво-

I pur Buc Pom

бытноязыческих верований была проинзана вся духовная сфера жизни и быта ингушей до сравнительно позднего времени. Некоторые традиции и пережитки, различные верования и обряды, кое-где сохранившиеся в ингушской среде до недавнего времени, имеют своими истоками языческое прошлое, которое соответствовало пережитой ингушами стадии патриархальных отношений первобытнообщинного строя.

Новой страницей в изучении духовной культуры вайнахов, и в частности ингущей, является признание фольклористами-партоведами бытования и у ингущей героического партского эпоса. Сказаниями о нарт-орстхойцах доказывается не только яркое эпическое творчество ингушских илемен, но и утверждается особая вствы или вайнахская версия знаменитой общекав-

казской вартнады.

В заключение нельзя не отметить, что данный опыт монографического изучения истории одного копкретного общества, последовательно прошедшего основные этапы развития натриархального рода вплоть до его окончательного распада и зарождения в нем классов, оказался поучительным. Он иншинії раз убеждает в правильности общей схемы развития родовой организации, разработанной в свое время Морганом и теоретически освещенной К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Применяя комплексный метод использования всех видов исторических источников, автор пытался проследить поэтапное развитие далеких предков ингушей до XVIII в. Его питересовали особеняюти их этногенеза, их хозяйства, общественного строя, их оригинальной и самобытной материальной и духовной культуры до периода включения ингушей в орбиту

русского каниталистического влияния.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЯ

АБНИИ Абхазский паучно-исследовательский институт AKAK Акты Кавказской археографической комиссии A3C Археолого-этнографический сборник БСЭ Большая советская энциклопедия ВДИ Вестник древней истории Государственный Исторический музей ГИМ ДЧИ Древности Чечево-Ингушетии жмнп Журнал Министерства народного просвещения 3KB Заниски коллегии востоковедов при Азнатском музее АН СССР ЗКОРГО Записки Кавказского отдела Русского географического общества 3PAO Записки Русского археологического общества **ЗСКГНИИ** Записки Северокавказского горского научно-исследовательского инстизчинии Записки Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и экономики MAK Известия археологической комиссии HAH Известия Академии наук игомк Известия Грозненского областного музея краеведения игпи Известия Горского педагогического института иинник Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения Известия Института языка и истории материальной культуры Грузиииняник ского филиала АН СССР инял Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР икорго Известия кавказского отдела Русского географического общества ИРАО Павестия Русского археологического общества ирго Известия Русского географического общества исонии Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института изыка ичинии Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и экономики ичирык Известия Чечено-Ингушского республиканского музея краеведения KB Кавказский вестинк KCHA Краткие сообщения Института археологии ксинмк Краткие сообщения Института истории материальной культуры Кавказский этнографический сборник кэс МАДИСО Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии MAK Материалы по археологии Кавказа МИА Материалы и исследования по археологии СССР OAK Отчет Археологической комиссии PAHHOH Российская ассоциация научных институтов общественных наук CA Советская археология СГАНМК Сообщения Государственной академии истории материальной культуры CKA9 Северокавказская археологическая экспедиция СМОМПК Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа CCK Сборник сведений о Кавказе ССКГ Сборынк сведений о кавказских горцах CCTO Сборинк сведений о Терской области Советская этнография CO TIHM Труды Государственного Исторического музея CILL Труды Института этпографии ТКЧНИИ Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы TMAO Труды Московского археологического общества TMA9 Труды Музся антропологии и этпографии Терский сборшик TC ТЧИНИИ Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института историп, языка, литературы и экономики

Ученые записки Дагестанского филиала АН СССР

Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института

Ученые записки Института народов Востока

УЗДФАН

УЗКНИИ

УЗИНВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

AGOTBA NIRMAN	5.
OT ABTOPA	10
Глава первая ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ	15
Глава вторая ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ ОБ ИНГУШАХ	24.
Главо третья	
О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИНГУШЕЙ	39
Глаца четвертая СРЕДНЕВЕКОВАЯ МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ИНГУШЕЙ	58-
Глава пятая ХОЗЯЙСТВО ИНГУШЕЙ	114
Глава шестая	
РАЗВИТИЕ ИНГУШСКОГО РОДА И СИСТЕМА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ	146
Глава седьмая ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ У ИНГУШЕЙ ДО XVIII в	.159
Глава восьмая в негух ОД МЭШУЛНИ АРУТАПКУ КАНВОХУД.	178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	202
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	276

телений Игнатьский Крупнов СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИНГУШЕТИЯ

Утверждено « печати Ордена Трудового Красиого Знамени Институтом археологии АН СССР

Редачтор А. Е. Сидоренно Редактор издательства Г. В. Шелудыка

Художнык А. Ф. Серебряков. Технический родактор И. А. Макогонова

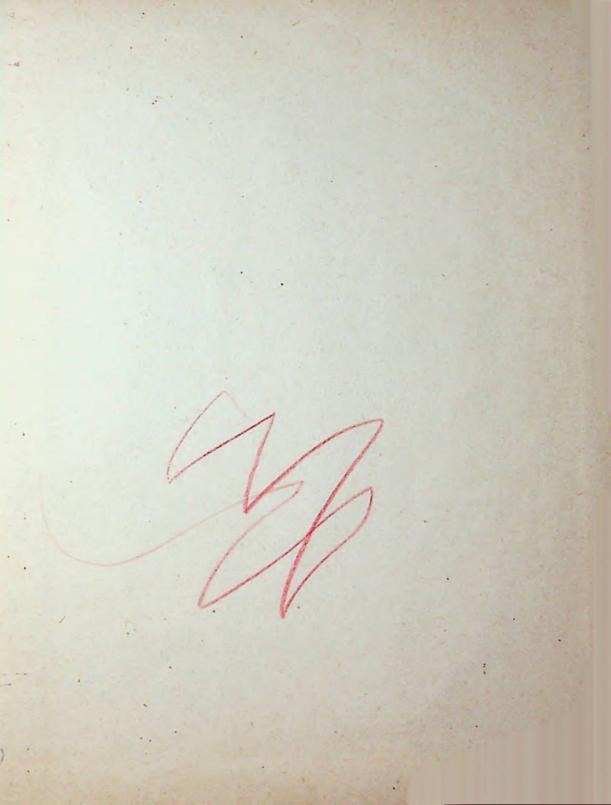
-Сдено в мабор 7/IV 1971 г. Подписано к печати 29/X 1971 г. Формат 70×90¹/₁₀. Усл. печ. л. 14,21+1 вкл.

Уч.-нэд. л. 14,9. Тыраж 2800 экз. Т-17238. Бумага № 1. Тип. эак. 3076. Цена 1 р. 32 к.

Издательство "Наука" Москва, К-62, Подсосенский пер. д. 71

Ордено Грудового Красного Знамени
Перов: Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главловигра Фпромо Комитета по помати при Совете
Минисгров СССР, (Москва, М-54, Валовея, 28.

Отпечетано во 2-ой типографии изд. «Наука», москва Г-99, Шубинский пер., 10.

DALVARDED DEVELY